

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ЧИТ. ЗАЛ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLVII

ИИМК (2)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1952

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова,

А. Ф. Медведев, Г. Б. Федоров

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

ПАМЯТНИКИ ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА НА УКРАИНЕ

Труды И. В. Сталина по языкознанию — основа марксистской теории языка; они внесли необходимую ясность в запутанный Н. Я. Марром и его учениками вопрос о происхождении современных народов, заострили внимание исследователей на углубленном изучении истории древних племен и народностей и, в первую очередь, славян.

Попытки польских археологов вывести предков славян из одного прибалтийского центра не встретили, как это неоднократно отмечалось в нашей литературе, сочувствия в советской науке. Устанавливается, что в конце II и в I тысячелетии до н. э. раннеславянскую группу племен составляли не только лужицкие племена Средней Европы, но и племена Подолии, Киевщины и бассейна Припяти¹. Этим объясняется повышенный интерес исследователей к многоплеменной по своему составу Скифии, в западную часть которой входили упомянутые территории. Над изучением этнического состава Скифии в течение последних лет работали А. Д. Удальцов, Б. Н. Граков, П. Н. Третьяков и М. И. Артамонов.

Задача этой статьи — обобщить некоторые, преимущественно археологические данные, позволяющие подойти к выяснению основных этнических компонентов, которые вошли в состав Скифии в процессе ее образования на предскифском этапе истории юга Восточной Европы.

Предскифский период слабо освещен письменными и археологическими источниками. Однако он важен тем, что в продолжение его завершается переход от века бронзы, ограничивавшего развитие производительных сил, к веку железа, что на историческую арену выступают древнейшие из известных по своим названиям племена нашей Родины — киммерийцы и скифы и, наконец, что это период сложения Скифии, внутри которой на смену первобытно-общинным впервые зарождаются классовые отношения.

Киммерийцы известны Гомеру². Совершенно определенно о них как об обитателях Северного Причерноморья в доскифское время пишет Геродот³. Он называет Боспор Киммерийский, «киммерийские переправы», «киммерийские укрепления» и Киммерийскую область⁴. Страбону были известны

¹ П. Н. Третьяков. Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языке и языкознании. «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.», М., 1951, стр. 19.

² «Одиссея», XI, 12—19.

³ Геродот, IV, 11.

⁴ Геродот, IV, 12.

«киммерийский» город к югу от Пантикапея и селение Киммерик, находившееся на другой стороне Керченского пролива, у входа в Азовское море¹. Все эти упоминания, связанные собственно с Керченским полуостровом и Таманью, были в недавнее время специально рассмотрены В. Д. Блаватским². К сожалению, киммерийцы на этой территории, для которой они так точно засвидетельствованы топонимически, в сущности археологически еще не выяснены. В них видят строителей древнейших укрепленных поселений на Боспоре, с ними же предположительно связывается сооружение циклопических стен, по своей мощности не уступающих оборонительным сооружениям Тиринфа.

Большое значение, приписываемое киммерийцам греческой исторической традицией, их важная роль в событиях Передней и Малой Азии в конце VIII и в VII в. до н. э., как она рисуется по ассирийским документальным источникам, могут служить свидетельством того, что киммерийцы были многочисленны и занимали не только Керченский полуостров, но и весь Крым и Северное Причерноморье между Днестром и Днепром. На этой территории нет названий, связанных с киммерийцами, но память о них в течение веков не угасала и здесь. О них помнили как о первоначальных обитателях страны, и могилы их базилевсов указывались в низовьях р. Тираса (Днестра)³.

Уровень развития киммерийских племен, как это удачно подмечено В. А. Городцовым, определяется тем, что они могли вступать в борьбу с самыми воинственными и могучими народами древнего Востока — ассирийцами и урартийцами⁴.

Киммерийцев принято обычно считать кочевниками, повидимому, благодаря подвижности их конных отрядов во время переднеазиатских походов⁵, но это мнение не согласуется ни с фактом существования киммерийских по названию селений на Боспоре, ни с данными археологии, устанавливающей во всех областях заведомо бывшего расселения киммерийцев остатки современных им оседлых пастушеско-земледельческих поселений.

Киммерийцев в этническом отношении принято сближать с фракийцами, подтверждение чему видят в их связях с фракийским племенем треров, о которых пишет Страбон. Значительный фракийский элемент в составе населения Северного Причерноморья, большая роль которого для истории нашего Юга известна по литературным источникам и данным античной эпиграфики, повидимому, совершенно правильно рассматривается в качестве остатков киммерийских племен⁶.

Приход кочевых скифов с востока («другой вопрос — откуда и насколько издалека»⁷) никогда не вызывал сомнений среди исследователей.

М. И. Ростовцев, а вслед за ним и другие буржуазные ученые выводят их из глубин Азии⁸. Его взгляд не нашел себе подкрепления в результатах археологических исследований, развернувшихся в последние десятилетия во всех тех частях Азии, откуда можно было бы предполагать приход скифов. Работы С. В. Киселева, М. П. Грязнова, А. Н. Бернштама, А. Х. Маргулана, А. Ю. Якубовского, М. Е. Массона, С. П. Толстова и др. убеждают

¹ Страбон, X, 2, 5.

² В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. «Вестн. Моск. гос. ун-та», 1948, № 8, стр. 9 сл.

³ Геродот, IV, 11.

⁴ В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. «Труды секции археологии РАНИОН», II, стр. 58.

⁵ А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 36 сл.

⁶ В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 16.

⁷ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 39.

⁸ М. И. Ростовцев. Эллинизация и иранство на юге России, т. II, 1918, стр. 26 сл.

нас в том, что протоскифских памятников нет ни в Южной Сибири, ни в Казахстане, ни на Алтае и Тяньшане, ни в Средней Азии.

Г. Ф. Дебец устанавливает для эпохи бронзы распространение слабо дифференцированного протоевропейского расового типа от Причерноморья вплоть до Енисея и доказывает, что в распределении его в течение скифо-сарматского периода в Причерноморье никаких существенных изменений не наблюдается. Сохраняется ранее господствовавший протоевропейский тип, лишь характерные черты его несколько сглаживаются и отличия от современных европейских рас становятся менее резкими. На основании этого автор заключает, что время перехода от бронзы к железу не сопровождалось значительными передвижениями населения. Переселение из Казахстана происходит, повидимому, только на территорию Нижнего Поволжья; андроновским расовым вариантом определяются в Поволжье сарматы, переселение которых в общем произошло позднее конца эпохи, характеризующейся распространением срубной культуры¹.

Существование генетических связей савроматов с «андроновцами» Казахстана (впрочем, и с племенами срубной культуры Поволжья), на основании археологических данных и приведенных выше мнений Г. Ф. Дебеца, в последнее время отстаивает К. Ф. Смирнов².

Все изложенное заставляет исследователей в поисках родины кочевых скифов останавливаться на юго-востоке Европейской части СССР, тем более что в представлениях античных авторов Азия, из которой, по Геродоту, пришли в Причерноморье скифы, начиналась за Танаисом, а не за Уралом, где, как нам представляется, обитали протосарматские (андроновские) племена, тесно связанные культурно и этнически с племенами Семиречья, восточной части Средней Азии (бассейн Сыр-Дарьи) и Хорезма³.

В свете этого становится ясным, что гипотетический центр сложения кочевых скифов до образования Скифии находился в степях к востоку от Дона, в Поволжье, причем кочевья их могли сравнительно рано распространиться и западнее, в сторону Поднепровья.

Гомер упоминает «дивных доителей кобылиц — млекоедов»⁴, племенное имя которых впервые приводится у Гесиода (конец VIII — нач. VII в. до н. э.), говорящего о «доителях кобылиц — скифах» и о земле «питающихся молоком, имеющих дома на повозках»⁵. Эти глухие сведения старейших античных литературных источников о соседстве скифов на нашем Юге с киммерийцами, на что впервые обратил внимание Б. Н. Граков⁶, в настоящее время приобретают историческую достоверность.

В работах Вс. Миллера, М. Фасмера, В. И. Абаева⁷ и др. убедительно доказано, что скифы, а вместе с ними и савроматы принадлежали по языку к северной группе ираноязычных народов, к числу которых в древности относились также саки, согдийцы и хорезмийцы.

Предки скифов, предположительно, жили в восточной части наших степей; области, расположенные к западу от Днепра, и Крым были заняты киммерийцами. Важнейшую часть будущей Скифии составила лесостепь в Поднепровье, Побужье и Поднепростровье.

¹ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 171, 329.

² К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 97 и 98.

³ А. И. Тереножкин. Археологические разведки по реке Чу в 1929 г. «Проблемы истории докапиталистических обществ». ГАИМК, 1935, № 5—6, стр. 139; его же. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. «Изв. УзФАН», 1940, № 9, стр. 31; С. П. Толстов. Древний Хорезм, 1948, стр. 67.

⁴ «Илиада», XIII, 1—7.

⁵ Страбон, VII, 3, 7, VII, 3, 9.

⁶ Б. Н. Граков. Скифы. Київ, 1948, стр. 13.

⁷ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М.—Л., 1949, стр. 147 сл.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. на всем этом обширном пространстве обитали племена, стоявшие в общем на одном уровне развития первобытно-общинного строя, с господством патриархальных отношений и крайне однородных форм скотоводческо-земледельческого хозяйства. В составе стада домашних животных были все обычные основные виды — крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи и лошади. Всюду было развито земледелие, но продолжало ли оно оставаться только мотыжным или начинает зарождаться и пашенное, сказать пока трудно. Охота и рыболовство, как общее правило, не имели почти никакого значения. Если судить по погребальным памятникам, этому этапу развития хозяйства соответствовала весьма слабая имущественная дифференциация общества.

Повсеместно, может быть за исключением некоторых частей недостаточно изученной лесостепи, господствовал однообразный погребальный обряд захоронения в курганах в скорченном положении на боку в сопровождении незначительной утвари — одиночных глиняных сосудов и других немногочисленных предметов и украшений. Мирные условия жизни сказались в ограниченном распространении предметов вооружения, слабой специализации его и, наконец, в том, что население жило в ничем не укрепленных родовых поселениях.

К востоку от Днепра до р. Урала обитали племена, относимые к срубной культуре, в Причерноморье между Днестром и Днепром — киммерийские¹, в лесостепи к западу от Днепра — племена комаровской культуры.

Срубная культура, с которой мы связываем генезис кочевых скифов, по Граковой, делится на раннюю и позднюю². Поздняя завершает собою бронзовый век и знаменуется первыми опытами местного производства железа. В это время, как и всюду на юге Восточной Европы, наряду с другими формами получает распространение глиняная посуда с суженным горлом, украшенная в верхней части налепным валиком.

Исследования позднесрубных поселений не дают пока еще материала для выяснения вопроса о времени зарождения новых, кочевых форм хозяйства и связанных с ними социально-экономических отношений. Впечатление это, вероятнее всего, обусловлено недостаточной изученностью подобных поселений. Можно говорить лишь о том, что основой хозяйственной деятельности у носителей срубной культуры оставалось пастушество в соединении с земледелием.

Специфические особенности хозяйства на отдельных территориях остаются невыявленными. Не установлено, например, как сказывалось различие в хозяйственном опыте, а также плодородие почв, климатические условия и пр. Местная специфика улавливается только в отдельных случаях. Так, например, на поселении около хутора Красный Яр в Цимлянском районе Ростовской области главным занятием обитателей было рыболовство, что определялось рыбными богатствами нижнего течения Дона³. Нужно полагать, что у племен, населявших полупустыни и пустыни Северного Прикаспия, было больше стимулов для развития скотоводства, чем земледелия. Так же, вероятно, развивалось хозяйство и в засушливых степях Приазовья. Вопросы эти, несмотря на большое значение их в связи с возникновением кочевых форм хозяйства и сложения Скифии, остаются неразработанными. Опыт подобных углубленных исследований, удачно постав-

¹ Кажется, что в таком прямом приложении для конца бронзы на нашем Юго-Западе это название было впервые употреблено на Всесоюзном археологическом совещании в Москве в 1945 г.; см. «Материалы к Всес. археол. совещанию». М., 1945, стр. 43.

² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII. М., 1948, стр. 157 сл.

³ «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 200—201.

ленный в 30-х годах группой работников ГАИМК (В. В. Гольмстен, М. И. Артамонов, А. П. Круглов и Ю. В. Подгаецкий) на нижнем Дону, не был, к сожалению, доведен до конца¹.

Мало показательны в этом отношении клады и отдельные находки конца бронзового века, известные из области распространения срубной культуры. Здесь найдены бронзовые серпы, кельты, копьевидные кинжалы, кинжалы сосново-мазинского типа, секачи, слитки бронзы. Ничего, что отчетливо свидетельствовало бы о зарождении чего-то нового, мы не находим. Возможно, что эти находки преимущественно относятся еще к сравнительно раннему времени, к концу II — началу I тысячелетия до н. э.

Показательны материалы курганов. По находкам сосудов с валиком к числу позднесрубных нужно отнести курганы у с. Камышевахи в быв. Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. Могилы в них со срубам и перекрытием в виде шалаша. В одном кургане (№ 5), кроме керамики, было положено жертвенное мясо овцы и коровы (голова и ноги по углам). На середине высоты кургана был сожжен большой погребальный костер, на котором также поставлено несколько сосудов и разложены ноги и голова от туши коровы². В другом кургане (№ 7) над могилой тоже был устроен костер, а по сторонам разложены головы быков от тризны³. В этих курганах ярко отражен специфический погребальный обряд, соответствующий древнему степному пастушеско-земледельческому быту с первостепенной ролью быка в хозяйстве.

В других подобных, но менее торжественно обставленных захоронениях отразилось постепенное усиление в хозяйстве роли железа и коня; части конских туш становятся обычными приношениями при погребениях⁴. В некоторых захоронениях вместо коня впервые встречается символизирующая его узда с медными удилами и бляшками. К числу крайне редких погребений интересующего нас типа принадлежат открытые В. А. Городцовым в кургане у хутора Черногоровки в быв. Изюмском уезде Харьковской губернии⁵ и Н. Е. Бранденбургом в кургане у с. Камышевахи быв. Бахмутского уезда⁶, сопровождавшиеся бронзовыми удилами со стремявидными петлями, псалями с тремя отверстиями, бронзовыми бляшками, бронзовыми иглой, шилом и однолезвийным ножом и узкогорлыми сосудами. По типам псалий и бляшек эти могилы могут быть связаны с замечательным Каменноостским могильником в Кабарде, исследованным Е. И. Крупновым⁷, и в общем не могут быть датированы временем позже конца IX—VIII вв. до н. э.

В курганах хутора Обрывского на р. Чире, притоке Дона, найдены бронзовые двухпетельчатые удила с псалями кобанского типа и 64 бронзовых же наконечника стрел еще «предскифского» типа (по Рау)⁸; в кургане Малая Цимбалка близ с. Большая Белозерка в Запорожской области обнаружены бронзовые удила со стремявидными петлями, своеобразные псалии, золотая пронизь, лощеный кувшин с инкрустацией и костяные наконечники стрел⁹. Эти курганы могут считаться предшественниками исторической

¹ М. И. Артамонов. Донская экспедиция ГАИМК. «Проблемы ГАИМК», 1933, № 1—2, стр. 52 сл.

² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. 1903 г. «Труды XIII АС», т. I, стр. 237 и 362.

³ Там же, стр. 355—357.

⁴ Там же, стр. 224, 329, 347—348.

⁵ «Труды XII АС», т. I, стр. 242, табл. XIII, рис. 2—7.

⁶ Печенкин. Журнал раскопок, II, 1900, стр. 190; ОАК, 1892, стр. 38.

⁷ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Уч. зап. КНИИ», т. V. Нальчик, 1950, стр. 243 сл.

⁸ «Труды VIII АС», т. IV, стр. 240 (№ 15—17) табл. LXXXIII.

⁹ ОАК, 1868, стр. XVI.

скифской эпохе с могилами скифских вождей, конных воинов-дружинников с типичным вооружением и вещами в характерном зверином стиле.

Переход от пастушеско-земледельческого быта срубного времени к кочевым формам хозяйства и скифской организации общества протекал короткое время. Вот почему скифская культура, проявляясь в Северном Причерноморье с конца VII в. до н. э. во вполне законченных формах, кажется здесь «как будто вновь родившейся, совершенно приносной, чуждой своим предшественникам»¹.

Нужно предполагать, что кочевая форма хозяйства была не нова на юге Восточной Европы, а в зоне полупустынь Прикаспия и Приаралья она, вероятно, начала вырабатываться вместе с зарождением скотоводства. До рубежа II и I тысячелетий до н. э. она, повидимому, развивалась только на ограниченных территориях. Например, «андроновцы», как показали исследования О. А. Граковой, даже в конце бронзовой эпохи сохраняли оседлость и продолжали заниматься земледелием, используя плодородные почвы пойм рек². Настоящее кочевое скотоводство стало возможным, повидимому, на определенном уровне развития первобытно-общинного строя с высоким положением мужчины в семье и в роде. Овца и бык в пору развития древнеямной и катакомбной культур могли служить основой лишь для пастушеского быта, так как в условиях сравнительно сурового климата с длительными снежными зимами и гололедицами кочевание в широких размерах без развитого коневодства становилось невозможным. Конь необходим при пастьбе стада, состоящего из крупного и мелкого рогатого скота, в зимнее время, когда корм добывается из-под снега тебеневкой. Рост коневодства в продолжение срубного времени привел к такому составу стада, с которым можно было вести интенсивное кочевое хозяйство с переходами на большие расстояния.

Военная организация общества получила особенно благоприятные условия для развития в кочевом быту с его коневодством, обеспечившим большую подвижность, маневренность и боеспособность во время военных действий. В конце бронзового века в срубной культуре появляется ряд новых признаков, «ставших особенно характерными в последующее время скифского преобладания»³. Племенам, носителям этой культуры, больше, чем другим, Северное Причерноморье обязано ранним началом железного века. К отдельным древнейшим железным вещам, встреченным в курганах, о которых упоминалось выше, нельзя не добавить находок на поселении металлургов, относящемся к срубной культуре (около Воронежа), обрабатывавших одновременно и медь и железо⁴. Недостаток меди, остро ощущавшийся в областях распространения срубной культуры, повидимому, очень рано заставил обратиться к поискам заменителя, который и был найден в железе, обладавшем к тому же несравненно более высокими техническими свойствами. С установлением в конце VII — начале VI в. до н. э. господства скифов в Северном Причерноморье наступает расцвет железного века⁵. В этом также можно видеть одно из непреложнейших доказательств того, что скифы пришли сюда не из глубин Азии, где еще долгое время спустя стойко сохранялись традиции бронзы⁶.

Не только предметы скифского снаряжения верхового коня в виде узды

¹ Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XXII, стр. 38.

² См. О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 103.

³ «Материалы к Всес. археол. совещанию», стр. 43—44.

⁴ «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 156—160.

⁵ См. Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов.

⁶ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА СССР, № 9. М.—Л., 1949, стр. 146—152, 160, 169; А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА СССР, № 14, стр. 106—108; А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, стр. 153.

с бронзовыми удилами, псалями и бляхами появляются в позднесрубное время. Значительно бóльшую древность имеет самый характерный, основной вид вооружения скифа — стрелы с типично «скифскими» наконечниками, отличительными особенностями которых служат втульчатый насад и трех- или двухлопастная форма; трехгранный втульчатый наконечник, вырезанный из кости, известен едва ли не с самого начала срубной культуры в Поволжье, а для андроновской культуры О. А. Граковой зафиксированы находки черешковых и втульчатых костяных наконечников и втульчатых бронзовых двулопастных стрел¹. Здесь вырабатывались типы наконечников стрел, ставшие характерными для вооружения и скифов и сарматов. (Нельзя при этом не отметить, что на ближайших азиатских территориях, наряду с втульчатыми, встречаются и черешковые наконечники, которые можно рассматривать в качестве местной этнографической особенности, не усвоенной скифами Причерноморья.) Восточноевропейское происхождение имели все виды скифского вооружения, в том числе и мечи. Большой металлический котел как неотъемлемая принадлежность кочевого быта появляется также еще в предскифское время. В отличие от скифских литых котлов, первые котлы «киммерийского» типа, встречающиеся на нашем Юге, были клепанные из листовой бронзы. В настоящее время наименее выясненным остается вопрос о происхождении одного из элементов скифской культуры — звериного стиля. Однако и его можно проследить в искусстве племен эпохи бронзы в лесном Поволжье и Приуралье (Сейма, Турбино, Горбуново), отчасти, может быть, в развитом зверином стиле той же эпохи на Северном Кавказе².

Иначе развивалась в Северном Причерноморье культура киммерийцев, выдвигающихся среди других племен в конце бронзового века на первое место. Памятниками их служат остатки неукрепленных поселений, курганные могильники и довольно многочисленные клады бронзовых изделий и литейных форм.

Киммерийские поселения, как показывают исследования А. В. Добровольского и А. В. Бодянского на Днепре, между Днепропетровском и Запорожьем, были не менее многочисленны, чем поселения в областях сплошного расселения племен срубной культуры. Жилые постройки этих поселений были преимущественно наземные (а не землянки), выкладывавшиеся в основании из камня. На более древних поселениях жилища строились смежными, образуя как бы один большой многокомнатный дом³. Позднее — дома прямоугольной формы располагались на поселениях в один или два ряда⁴. Однако, кроме наземных жилищ, известны и землянки⁵.

Для более ранних поселений характерна посуда баночных форм с валиком, расчлененным пальцевыми вдавлениями и нарезками. Обычна также посуда, украшавшаяся зубчатым чеканом, что рассматривается как признак архаики. На позднейших поселениях встречается посуда, украшавшаяся преимущественно валиком. Наибольшее своеобразие поселениям придают постоянно встречающиеся на них остатки мастерских литейщиков бронзы.

В самом большом кладе с поселения у с. Волосского насчитывалось до 70 литейных форм⁶ (сохранилось 15). Не менее замечательный клад, как известно, найден в районе хутора Красный Маяк в Одесской области.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 108, 124.

² Н. Н. Погребова. К вопросу о скифском зверином стиле. КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 139.

³ А. Добровольский. Кам'яні спорудження в Надпоріжжі. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. II, Київ, 1949, стр. 191—192.

⁴ Там же, стр. 192 сл.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, вып. XXVI, стр. 76—86.

⁶ О. Бодянский. Археологические исследования в пределах порожистой части Днепра в 1947—1948 гг. Археологічні пам'ятки УРСР, том IV, Київ, 1952, стр. 169 и сл.

В кладках, кроме готовых изделий, встречаются и слитки бронзы, вес которых иногда достигает 25 кг.

Отдельные находки представлены здесь преимущественно орудиями труда (серпы, кельты, топоры) и предметами вооружения, в то время как украшения встречаются очень редко. О росте производительных сил свидетельствует распространение более совершенных инструментов. Особенно многочисленны находки бронзовых серпов, которые вместе с зернотерками, часто встречающимися на поселениях, следует рассматривать как показатель крупной роли земледелия в хозяйстве киммерийцев.

Интересен и состав вооружения, представленного как чисто местными формами, так и вариантами оружия характерных для срубной культуры типов. Замечается специализация оружия — появляются кинжалы, приближающиеся по размерам к коротким мечам, вырабатывается крайне узкое копьё, в прямом смысле слова — пика.

Развитие бронзолитейного производства у киммерийских племен было обусловлено не столько развитием торгового обмена, как думают некоторые исследователи, сколько ростом местных производительных сил. Материальная культура здесь складывалась на местной основе, зависимость же ее от культур придунайских стран (А. М. Тальгрэн) была, с нашей точки зрения, крайне незначительной.

Среди неярких курганов киммерийского времени в Северном Причерноморье выделяется лишь Широкий курган у с. М. Лепатихи в Херсонской области, известный своим большим и сложным погребальным сооружением. В нем найдены два кинжала киммерийского типа, из которых один оказался бронзовым, а другой — с бронзовым верхом и железным клинком¹.

Поселения с отдельными домами, рассчитанными на патриархальную семью, развитое пастушество и земледелие, широкое развитие бронзолитейного производства составляют известные нам основные черты быта киммерийских племен. Следует отметить также, что война у этих племен начинает играть значительную роль. Нужно оговориться, что эти черты следует относить к бронзовому веку в истории киммерийцев. Кажется, что только такие памятники, как Широкий курган, приближаются по датировке к VIII в. до н. э., т. е. ко времени «исторических» киммерийцев². Культуру киммерийцев именно этой поры мы еще почти не знаем. Памятники ее нужно искать, ориентируясь на вещественные находки из Каменноостовского могильника, Черногоровского кургана Городцова, Камышевахского кургана Бранденбурга и, наконец, нижеописываемых городищ чернолесского этапа в лесостепи на правом берегу Днепра.

Совершенно неисчерпанные возможности для изучения «исторических» киммерийцев открывают некоторые крайне мало известные в археологии памятники Северного Причерноморья. К их числу принадлежит интересный курган у с. Лукьяновки в районе Каховки с захоронением женщины в скорченном положении на боку, в сопровождении янтарных и стеклянных бус, глиняного лощеного кубка с выпуклинами и бронзовой раннегалльштаттской (типа «пишер») фибулы³, а также поселение на кучугурах на левом берегу Днепровского лимана против с. Станислава, где обнаружены обломки простых горшков с гладким и расчлененным валиком, обломки мисок, сосудов с резным орнаментом и гладкие лощеные кубки. Из окрестностей Одессы происходит каннелированный кубок, предположительно найденный совместно с формами для отливки бронзовых серпов⁴. А. В. Бодянский в недавнее время открыл бескурганый могильник на Днепре, около с. Федоровки,

¹ В. В. Латышев. Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. «Сообщения ГАИМК», т. I, стр. 200—204.

² Понятие это вводит А. А. Иессен (указ. соч., стр. 39).

³ И. Фабрициус. Летопись музея. Херсон, 1927, стр. 8—9.

⁴ Там же, 1929, стр. 32—43.

Верхне-Хортицкого района Запорожской области; в могильнике вместе с баночными сосудами степной формы были найдены отличные лощеные черпачки и кубки.

Нужно полагать, что круг находок этого рода, относящихся ко времени, очень близкому к моменту образования Скифии, при специальных исследованиях значительно расширится и позволит глубже понять черты киммерийской культуры.

Лесостепь — важнейшая часть территории Скифии. В ней для Днепровского Правобережья предскифского времени более отчетливо выделяются белогрудовский и чернолесский этапы¹; на Левобережье этот период не изучен.

Главным центром белогрудовских памятников является юг Киевской области, собственно Уманщина, где они представлены большим количеством поселений с земляными возвышениями на местах жилищ, в которых обнаружены очаги и скопления культурных остатков.

Значение белогрудовского этапа в том, что в эту пору сложился культурный комплекс, который, лишь несколько изменяясь, входит в качестве основы в культуру местных земледельческих племен лесостепи.

Для белогрудовского этапа характерны высокие горшки тюльпановидной формы, преимущественно с гладким валиком на плечике. Распространение лощения и таких керамических форм, как черпачки с ленточными ручками и миски, сближает этот этап со скифской архаикой конца VII в. Металлический комплекс для белогрудовского этапа остается невыясненным. Известно лишь, что на территории, простирающейся на север до Киева и на запад до Днестра, обычны киммерийские бронзовые изделия, лужицкие и семиградские орудия, предметы вооружения и украшения из бронзы. Острый недостаток в бронзе в какой-то степени восполнялся камнем, из которого делали проушные шлифованные топоры и кремневые вкладыши для серпов. Находки железного шлака на поселении у с. Краснополки свидетельствуют о начале местной обработки железа. Часто встречающиеся кремневые вкладыши для серпов и зернотерки, при небольшом количестве костей домашних животных в культурных слоях, свидетельствуют о том, что главным занятием «белогрудовцев» было земледелие.

В настоящее время еще трудно датировать белогрудовский этап; можно лишь предполагать, что он восходит к несколько более позднему времени, чем такие памятники, как Белозерское, Сабатиновское и Волосское поселения, примерно к X—IX вв. до н. э.

Открытие городища в Черном лесу, около ст. Хировки в Знаменском районе Кировоградской области, и целого ряда одновременных ему городищ в бассейне р. Тясмина, между городами Смелой и Ново-Георгиевском, дало возможность ярче осветить последний предскифский этап в истории племен Среднего Поднепровья². Устанавливается, что эти городища относятся к эпохе киммерийско-скифских походов в Переднюю Азию и время их существования соответствует гальштатту «С» (800—650 гг. до н. э.).

Городища в основном отличаются очень небольшими размерами (0,5—1 га), что позволяет видеть в них родовые укрепленные поселки. Они являются древнейшими из известных городищ Восточной Европы, возникновение которых совершенно очевидно вызвано вторжением кочевых скифов в Северное Причерноморье. Существовали они недолго, запустев никак не позднее второй половины VII в. до н. э., и, следовательно, запустение их каким-то образом обусловлено событиями, приведшими к образованию Скифии.

На чернолесском этапе сложился керамический комплекс, в сущности

¹ А. И. Тереножкин. Скифская днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, вып. XXXVII, стр. 118 сл.

² А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне р. Тясмина. КСИИМК, вып. XLIII.

уже не отличающийся от обычного скифского. Простые горшки украшаются по плечу валиком с защипами и надрезами и сквозными проколами по краю. Выработались типичные формы мисок с вогнутым краем, появились столь же типичные для местной скифской культуры лощеные кубки с цилиндрическим горлом и, наконец, высокогорлые кувшины-корчаги с коническими налестками на плечике. В орнаментации лощеной керамики, наряду с идущим от белогрудовского этапа зубчатым чеканом, получает распространение нарезной орнамент. Разнообразие керамических форм дает возможность увереннее оценить силу культурных связей племен Поднепровья со Средней Европой.

Клад бронзовых изделий, найденный П. Н. Третьяковым на Залевкинском городище, относящийся к тому же чернолесскому времени, характеризует, с одной стороны, лужицко-галльштатские, а с другой — кавказские связи (удила кобанского типа, спирали)¹. С этим или лишь чуть более поздним временем связано решительное расширение юго-восточных связей, в чем можно видеть прямой результат переднеазиатских киммерийских и скифских походов через Кавказ. Напомним о находках, к числу которых принадлежат бронзовые удила опять кобанского типа (часть их могла отливаться и на месте); бронзовые клепаные сосуды с ручками в виде зверей из Жаботина, из кургана № 15 по течению р. Серебрянки около Смелы и из Таганчи в быв. Каневском уезде; бронзовые фалеры или умбоны от щитов из с. Черняхова и бронзовый гравированный пояс закавказской работы из с. Подгорцев, к югу от Киева².

К чисто местному производству, строго локализованному бассейнами рек Роси и Тясмина, относятся замечательные бронзовые браслеты Киевского исторического музея, происходящие в большинстве случаев из погребений с трупосожжениями в урнах, принадлежность которых к чернолесскому времени удалось установить в 1950 г. По этим браслетам и вещам Залевкинского клада видно, что в Среднем Поднепровье попрежнему преобладал геометрический стиль, сменившийся звериным лишь в самом начале скифской эпохи.

Кроме могильников, ставших известными благодаря находкам указанных браслетов, Е. Ф. Покровской определен чернолесский возраст для нескольких курганов с захоронениями в сожженных срубках в вытянутом и скорченном положении, а также с трупосожжениями в урнах. Эти курганные захоронения представляют собою как бы переход к скифской поре, когда в лесостепи повсеместно распространился обряд захоронения в курганах со срубками, которые на Правобережье, по традиции, нередко поджигались во время похорон. На роль трупосожжения в погребальном обряде у «скифов» Поднепровья в свое время обратил внимание А. А. Спицын³. Данные о погребальном обряде были специально суммированы П. Д. Либеровым в связи с разработкой проблемы местного происхождения культуры полей погребений на Киевщине⁴.

Роль кремации в погребальном обряде на чернолесском этапе у лесостепных племен на Днепровском Правобережье дополняет представление о культурных особенностях, отличающих эти племена как от киммерийских Северного Причерноморья, так и от позднесрубных племен, обитавших к востоку от Днепра.

Скифия образовалась не в силу договора различных между собою племен, а в результате завоевания. Одним из величайших событий, которое

¹ П. Н. Третьяков. Звіт про археологічні дослідження, 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I. Київ, 1949, стр. 228—233.

² А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 42—44.

³ А. А. Спицын. Скифы-пахари. ИАК, вып. 65.

⁴ П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине. КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 75 сл.

привело к образованию Скифии, пожалуй, нужно считать «изгнание» киммерийцев из Северного Причерноморья скифами-кочевниками, в какой бы форме оно ни протекало. Скифы овладели страной, однако и после завоевания они встретили большое сопротивление. Смутное известие об этом сохранилось в известном рассказе Геродота о возвращении скифов из Азии после коварного уничтожения их вождей царем Киаксаром. Геродот говорит, что возвращающихся скифов в Северном Причерноморье встретило большое войско потомков их «рабов», с которым они не могли справиться даже в нескольких сильных сражениях. Вероятнее всего, в этом можно видеть исторический факт сопротивления, оказанного объединенными усилиями нескольких племен, сделавших последнюю попытку освободиться от господства кочевых скифов. Во всяком случае, как передает Геродот, скифам в этом столкновении «пришлось выдержать войну не меньше мидийской»¹.

Скудость письменных известий не позволяет осветить реальный ход событий и войн, которые завершились образованием Скифии. Историческая важность изменений в жизни страны к северу от Черного моря, происшедших на рубеже железного века, становится более ясной лишь в результате археологических исследований.

В итоге представляется, что клин скифских кочевий отбросил земледельческие племена из Северного Причерноморья на Северный Кавказ, во Фракию и в Малую Азию. Культурный подъем, переживавшийся киммерийскими племенами, населявшими Причерноморье между Днестром и Днепром, сменился периодом длительного упадка. Весьма характерно, что даже два века спустя, при Геродоте, каллипиды, алазоны и «скифы-земледельцы» в этих областях оставались в экономическом отношении еще такими слабыми, что не могли поставлять хлеб на ольвийский рынок, снабжавшийся «скифами-пахарями» из лесостепи². Имя киммерийцев исчезает со страниц истории. Уход их повлек за собой ослабление фракийской группировки племен на нашем Юге, однако остатки киммерийцев в качестве этнического элемента нельзя игнорировать до конца скифо-сарматского периода. Вторжение скифов в Северное Причерноморье расширило область распространения ираноязычных племен до Дуная, а их политическое господство в стране способствовало решительному и быстрому распространению многих особенностей скифской культуры среди покоренных ими и соседних оседлых земледельческих племен.

Вхождение в Скифию едва ли могло влечь за собою полное уничтожение самостоятельности покоренных племен. Отношения между господствующими и покоренными племенами должны были, в сущности, сводиться к выплате последними более или менее регулярной дани. Сбор такой дани, как о том можно судить по рассказу о 28-летнем господстве скифов над Азией, являлся законным правом победителей, а военный грабег подвластных племен рассматривался в качестве вопиющей несправедливости и встречал со стороны побежденных сильный отпор³. Не случайно, что с образованием Скифии консолидация оседло-земледельческих племен достигает своего предела. Исчезают малые городища в Днепро-Правобережье и сохраняющиеся до той поры открытые поселения в виде зольников, известные на Ворскле (у Мачихи, Пожарная Балка) и в Подолии. На смену им всюду вырастают огромные «скифские» городища, в числе которых наибольшей известностью пользуются у нас Бельское и Немировское, в сооружении и защите которых должны были принимать участие целые племена.

С выходом скифов на историческую арену и завоеванием ими страны к северу от Черного моря в лесостепном Поднепровье воспринимается

¹ Геродот, IV, 1.

² Геродот, IV, 17.

³ Геродот, I, 103—106.

героизированный погребальный обряд с захоронением в курганах, распространяются скифские виды вооружения и снаряжения верхового коня, проникает скифский звериный стиль, который, как и многие другие признаки, вошел в культуру лесостепных племен так глубоко и рано (не позже конца VII в. до н. э.), что, кажется, мог бы быть истолкован как стиль местного происхождения; однако этим выводам решительно противоречат имеющиеся уже данные о культуре чернолесского этапа.

Скифская культура получила наибольшее распространение у оседлых племен лесостепи в областях непосредственного контакта их с кочевниками. Характерно, что проявления ее слабеют с удалением от степи на север и северо-запад. Лесостепь, таким образом, является не больше чем периферией скифской и сарматской культуры, связанной традициями не с западом, а с востоком — с Сибирью и Средней Азией.

Как ни сильно было местами в Поднепровье и Побужье воздействие скифов, основы культуры земледельческих племен оставались местными, стойко сохранялся производственный опыт в земледелии и в ремеслах. Эти своеобразные черты давно уже позволили выяснить тесную связь культуры «скифов-пахарей» с культурой племен Средней Европы, развивавшимися в постоянном взаимном общении.

Распространение скифской культуры создает иллюзию этнического единства между кочевыми и оседлыми племенами Скифии, что как бы находит подтверждение в свидетельствах Геродота, которому она ошибочно рисовалась ничем не расчлененной, общей этнически и по языку.

Обзор «доистории» Скифии приводит к выводу, что она сложилась из трех основных этнических компонентов: части племен киммерийцев-фракийцев как аборигенов Северного Причерноморья; оседлых коренных племен лесостепного Поднепровья, Побужья и Поднестровья, представляющие о славянской принадлежности которых все больше и больше укрепляется в науке; ирано-язычных скифов-кочевников, пришедших в Северное Причерноморье с востока, где в качестве их предков довольно отчетливо выступают племена срубной культуры бронзовой эпохи.

Разноэтничность состава Скифии выступает здесь значительно яснее, чем в более позднюю эпоху, когда в ней выработалась сравнительно общая скифская культура, когда произошла некоторая культурная ассимиляция оседлых племен кочевниками-скифами и их этноним хотя бы отчасти распространился на прочие племена, вошедшие в состав Скифии.

К. В. САЛЬНИКОВ

К ВОПРОСУ О НЕОЛИТЕ СТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ

В степной и лесостепной полосе Западной Сибири, Зауралья и Казахстана известно большое количество погребальных сооружений андроновской эпохи. Можно насчитать несколько сот погребений, которые были подвергнуты правильным научным раскопкам; изучались и поселения этого времени. Но до сих пор остается неясной предшествовавшая эпоха. Лишь на крайнем востоке области распространения андроновских памятников — в Минусинском крае и на Алтае — мы знаем предыдущую стадию — афанасьевскую. За последние годы на территории Западного Казахстана внимание археологов привлекли многочисленные стоянки с микролитическим инвентарем, трактуемые как «подоснова» андроновской культуры¹. В более северных районах (в Зауралье) также намечаются предандроновские поселения², но одновременные с этими поселениями погребальные сооружения пока неизвестны.

Поэтому особый интерес приобретает случайная находка в Курганской области доандроновского погребения.

Летом 1949 г. на юго-востоке Курганской области, в урочище Притык, близ с. Пеган Лопаткинского района, местные жители обратили внимание производившего здесь гидрологические изыскания Б. А. Трубчанинова (Челябинск) на находку человеческих костей в срезе глиняного карьера кирпичного завода. При осмотре места находки Б. А. Трубчаниновым в глинистой стенке карьера был обнаружен полуразрушенный костяк человека, по словам нашедшего, в вертикальном, слегка согнутом положении³. Ступни ног находились на глубине приблизительно 3 м от поверхности. Никаких признаков курганной насыпи замечено не было. Несколько в стороне от костяка в стенке карьера оказалось еще несколько обломков костей, по мнению Б. А. Трубчанинова, относящихся к тому же костяку. В 1948 г. вблизи этого погребения местными жителями обнаружены остатки какого-то крупного животного, «похожего на лошадь».

В ногах костяка человека Б. А. Трубчаниновым найдены четыре предмета: каменный шлифованный топор, костяной кинжалообразный однолезвийный нож, обломок другого ножа из кости, костяная иглообразная поделка.

¹ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV.

² Стоянки на притоках р. Урала — реках Малый Кизыл и Бахта. См. К. В. Сальников. Южно-Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XLV.

³ Блокнот Челябинского областного музея, л. 296.

Перечисленные вещи, как и остатки костяка (черепная крышка, нижняя челюсть, некоторые кости), переданы Б. А. Трубочаниновым в Челябинский областной краеведческий музей.

Топор — овальной формы с округлым лезвием, с несколько суженным обушком имеет длину 14,5 см, ширину 6,5 см, толщину около 2 см. Профиль его немного асимметричен. Поверхность хорошо отшлифована, за исключением обушковой части. Поверхностный слой частично отбит.

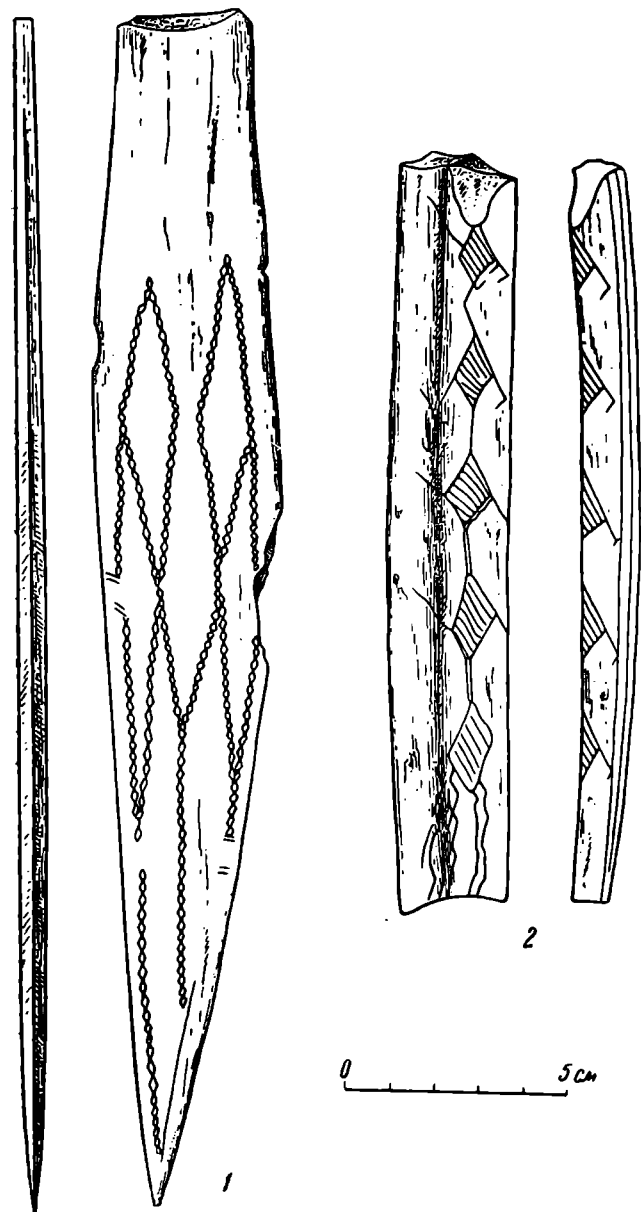

Рис. 1. Костяные нож и нож-кинжал из погребения у с. Пеган

1 — нож-кинжал; 2 — обломок ножа

Нож кинжалообразный — из кости (рис. 1—1), рукоятка отломана. Длина 26,5 см, максимальная ширина 4 см, толщина 0,7 см. Одна сторона тщательно отшлифована и покрыта геометрическим орнаментом, состоящим из группы ромбов. Линии, образующие стороны ромбов, нанесены в виде цепочек, составленных из мелких ромбовидных звеньев, вырезанных очень тонким острием. Другая сторона ножа, без орнамента, обработана менее тщательно и сохраняет пористость кости. Нож несколько асимметричен. Более прямой край является лезвием, в котором почти на всю длину проделан узкий паз для укрепления кремневых вкладышей. В пазу сохранился один обломок ножевидной пластинки длиной около 0,5 см. Второй край ножа выгнут и утолщен. Однолезвийность орудия заставляет рассматривать его как нож, хотя форма вполне соответствует форме кинжала.

Обломок ножа из кости (рис. 1—2) — длиной 16,5 см, шириной 2,7 см, толщиной 1,3 см. На одном из ребер обломка на всю длину сделан такой же паз для вкладышей, как на первом ноже. Поверхность хорошо отшлифована и

покрыта с одной стороны резным орнаментом в виде пяти заштрихованных ромбов, расположенных в ряд и соединенных прямыми линиями. От обращенных в стороны углов каждого ромба отходят Г-образные или ломаные линии. От крайнего ромба как бы в продолжение ряда идут три пары ломаных линий.

Описанная композиция орнамента не оставляет сомнения, что здесь не простое украшение, а какая-то пиктограмма. То же можно сказать и об орнаменте на первом ноже-кинжале, поскольку и там ромбы имеют в двух местах разрывы, ограниченные в обоих случаях парами черточек, поставленных

перпендикулярно к сторонам ромбов. Черточки эти непонятны, если подходить к рисунку на орудии как к простому украшению.

Поделка из кости в форме изогнутой иглы имеет длину 10 см, ширину 1 см, толщину 0,7 см. Один конец ее заострен, другой изогнут в противоположную острию сторону и снабжен маленькой бородкой с уступом. Вся поверхность поделки хорошо отшлифована. Назначение изделия не совсем ясно. Швейной иглой оно служить не могло из-за большой толщины. Изогнутость и наличие бородки, которая могла служить для привязи шнурка, делают более вероятным употребление этой поделки как иглы для вязания рыболовных сетей. Отдаленной аналогией может служить изделие того же назначения из нижнего слоя стоянки Веретье¹.

Весь комплекс инвентаря и положение костяка (если оно правильно прослежено) являются совершенно уникальными для района находками. Вместе с тем думается, что неолитический облик погребения не подлежит сомнению.

Территориально ближайшей аналогией к погребению у с. Пеган являются три погребения, обнаруженные, по сообщению В. Я. Толмачева, в 1907 г. на Урале на Шуралинском прииске (восточный берег Шигирского озера), на глубине 2 м под слоем торфа. При одном из костяков лежал кривой нож из лопатки оленя с желобком по выгнутому лезвию и со следами слоистого вещества у лезвия для прикрепления кремневых вкладышей. Поверхность ножа хорошо отшлифована, но не орнаментирована².

Положение костяков осталось невыясненным. Кинжал³ лишен орнамента. Следовательно, общей чертой для погребений у с. Пеган и на Шуралинском прииске является наличие в обоих случаях костяных вкладышевых ножей. В том же районе — на Молебском пруду на р. Нейве (к юго-востоку от Шигирского озера) под торфом в слоях ила и песка, на глубине 4 м, по сведениям М. В. Малахова, найден был среди других предметов орнаментированный костяной кинжал с кремневыми вкладышами. Из одних слоев с ним происходят шлифованный топор, шлифовальная плита, костяной гарпун, скребок из яшмы, рубило из гранита, орнаментированная керамика⁴.

Обе описанные находки в районе Шигирского озера не дают основания для точной датировки.

В этом отношении интереснее погребение на Чудацкой горе близ Барнаула. Из числа памятников Западной Сибири оно по своему характеру является, повидимому, наиболее близким к находке у с. Пеган.

Погребение на Чудацкой горе датируется доафанасьевским временем; оно содержало много изделий из кремня и рога, в том числе гарпун — инвентарь необычный для погребений эпохи бронзы. С. В. Киселев связывает это погребение с кельтеминарскими памятниками и нижним слоем Куюмовской стоянки на Алтае. В этом слое найден обломок костяного орудия, сделанного вкладышевой техникой⁵. Положению же костяка в погребении у с. Пеган имеется единственная аналогия — на далеком Северо-Западе нашей страны, в Оленеостровском могильнике на Онежском озере, где было обнаружено пять вертикальных погребений⁶. Одно из них тоже

¹ М. Е. Фосс. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье. МИА СССР, № 2, табл. IV — 10.

² Свердлов. обл. гос. архив, ф. 139, папка 8, стр. 154, и папка 21, стр. 610.

В старом каталоге Шигирской коллекции Музея УОЛЕ, составленном В. Я. Толмачевым, значится кривой нож из кости с одним желобком и кремневыми пластинками в нем, как происходящий из Шигирского прииска, с пометкой: «около черепа человека». Идет ли здесь речь о том же или о другом ноже, установить не удалось.

³ Хранится в Свердловском областном музее.

⁴ Свердлов. обл. гос. архив, ф. 139, папка 21, стр. 514.

⁵ М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА СССР, № 9, стр. 14.

⁶ В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. СА, VI.

сопровождалось орнаментированным кинжалом из рога с вкладными кремневыми лезвиями.

Оленеостровские погребения многими чертами сближаются с погребениями Прибайкалья китойской стадии, которые датируются концом III — началом II тысячелетия до н. э.¹ Для тех и других характерны плоские в сечении вкладышевые кинжаловидные орудия. К тому же типу плоских орудий относится и нож-кинжал из погребения у с. Пеган. У топора, найденного там же, замечается известное сходство с подобными орудиями из Китойского могильника² и почти полное — с некоторыми орудиями из Карелии. Пеганский топор смело может быть причислен к выделяемому А. Я. Брюсовым среди карельских неолитических топоров типу с округлым лезвием. Особенно близок он к орудию, найденному у с. Шуя на реке того же названия, которое А. Я. Брюсов датирует гранью III и II тысячелетий до н. э.³

И обряд погребения у с. Пеган и состав инвентаря, несомненно отражающий рыболовецко-охотничий быт, резко отличаются от хорошо изученных андроновских погребений. И, наоборот, близкие аналогии ему, как было сказано, находятся в редких доандроновских памятниках Западной Сибири, в поздне-неолитическом могильнике на Оленьем острове и в погребениях китойского времени в Прибайкалье, в инвентаре которых хорошо отражена ведущая роль рыболовства, характерного для хозяйства эпохи неолита. Приведенные выше примеры сближения с инвентарем неолитических памятников конца III — начала II тысячелетия до н. э. позволяют распространить эту дату и на погребение у с. Пеган.

Значение находки у с. Пеган как первого неолитического памятника в лесостепном Зауралье на границе со степью очень велико. Нам кажется, что не будет ошибкой видеть в нем погребальное сооружение, характерное для одного из степных доандроновских племен, стоянки которых начали за последние годы выявляться в немалом числе в степях Зауралья, Казахстана и Средней Азии. Отсутствие же синхронных им могил можно объяснить трудностью обнаружения, так как они не имеют никаких особых признаков на поверхности.

Поселения неолитических и энеолитических племен западных районов азиатской части СССР представлены кельтеминарскими стоянками Хорезма⁴ и Казахстана⁵. К тому же времени нужно отнести дюнные находки кремней микролитического типа и пластин, предназначавшихся для использования в качестве вкладышей, по берегам нижнего течения рек Миасса и Исети⁶, а также на стоянках по притокам верхнего течения Урала⁷, на речных мысах. Для всех этих памятников характерно расположение их близ воды (что указывает на большую роль в хозяйстве рыболовства) и наличие вкладышей. Этим признакам отвечает и инвентарь погребения у с. Пеган.

О большой роли рыболовства в хозяйстве неолитического племени, захоронившего своего сородича в погребении у с. Пеган, свидетельствует, на наш взгляд, и смысл, вложенный в «орнамент» найденных костяных изделий.

Выше уже указывалось на пиктографический характер этого «орнамента». Чтобы подойти к рассмотрению его содержания, необходимо ознакомиться с некоторыми подобными находками на Урале.

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА СССР, № 18, М., 1950.

² Там же, рис. 104 и 115.

³ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. «Труды ГИМ», вып. IX, М., 1940, стр. 244—245, рис. 97.

⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

⁵ А. А. Формозов. Указ. соч.

⁶ Свердлов. обл. гос. архив, ф. 139 В. Я. Толмачева; коллекции Шадринского краеведческого музея.

⁷ К. В. Сальников. Указ. соч.

Много общего с костяными предметами из погребения у с. Пеган имеют находки в Шигирском торфянике. В Свердловском областном краеведческом музее хранится крупная коллекция костяных изделий из Шигирского торфяника, к сожалению, не имеющая точной паспортизации, как происходящая из случайных сборов. В эту коллекцию наравне с большим количе-

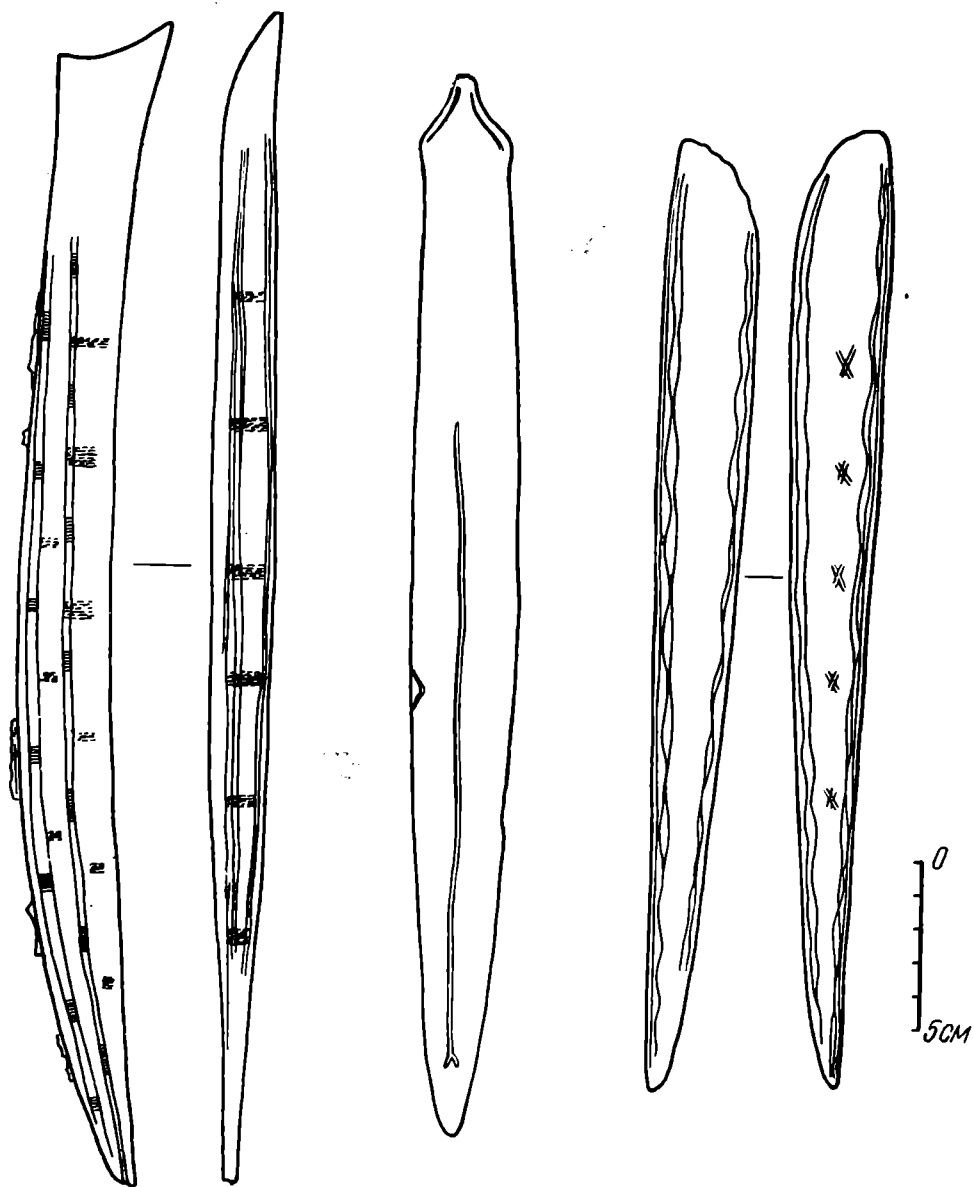

Рис. 2. Шигирский торфяник. Костяные кинжалы

ством разнообразных костяных наконечников стрел и гарпунов входят предметы, сделанные вкладышевой техникой, в том числе ножи и кинжалы. На некоторых шигирских орудиях «орнамент» также носит пиктографический характер. К подобным орудиям относится ряд костяных кинжалов и ножей с кремневыми лезвиями. На описании шигирских костяных ножей с изображениями остановимся несколько подробнее, ввиду их исключительного интереса даже вне связи с описываемыми находками у с. Пеган. Кинжалы в этом отношении менее интересны, поэтому ограничимся лишь публикацией рисунков (рис. 2).

Большинство ножей объединяется следующими общими признаками: уплощенная удлиненная узкая асимметричная костяная основа, однолезвийность; подчиненный форме орудия «орнамент» вытянут узкой полоской продольно почти через все орудие, покрывая обе его стороны в большинстве

случаев одинаковыми изображениями. За редким исключением пиктографический характер гравировки на поверхности ножей не вызывает сомнения.

Два ножа — двулезвийны (рис. 3—2, 3), на одном из них и орнамент построен иначе. Он занимает весьма ограниченный участок, охватывая среднюю часть орудия поперечным нешироким пояском.

Нанесенные на ножи рисунки сделаны чрезвычайно тонкой резьбой, что делает их на некоторых орудиях крайне неразборчивыми. Иногда лишь при боковом с трудом выбранном освещении проступает все изображение.

Наиболее часто встречающимся элементом в рисунке является как бы цепочка, состоящая из неровных, неправильных очертаний звеньев, образованных двумя пересекающимися волнистыми линиями. Указанный мотив мы видим на шести ножах (рис. 3—1, 2, 4, 5, 7, 8). К этой группе нужно причислить еще один (рис. 3—11), изображения на котором дают ту же схему, но сделаны они более небрежно, и «цепочку» в данном случае заменяет прямая одинарная линия. Цепочка на всех ножах прерывается каким-нибудь изображением. На трех орудиях это — ромбовидная фигура (рис. 3—1, 4, 11), на четвертом — квадратик (рис. 3—8), на пятом — три квадрата с пробелами между ними (рис. 3—5), на шестом — овал, внутри которого продольная черта и косо поперечный крест, а по обе стороны от овала отходят по четыре коротеньких черточки (рис. 3—2). На одном ноже (рис. 3—3) цепочка отсутствует, но в середине его длины изображен ромб того же типа, что на остальных; один угол ромба не замкнут, а образованное таким путем отверстие с обеих сторон снабжено «усиками». Противоположный угол ромба уходит под широкую ленту, охватывающую орудие. Лента состоит из поперечной черты, к которой примыкает большое число продольных черточек, заканчивающихся с обоих концов точками.

На всех описанных ножах, нам думается, нужно видеть изображения рыболовных ловушек. Особенно ярко такой смысл рисунка выражен на последнем ноже, где мы видим изображение загороди из кольев, возле которой поставлена ловушка (рис. 3—3). Подобные сооружения дожили до современности и известны в Зауралье под наименованием котцов.

Изучавший в 1907—1908 гг. рыболовство на зауральских реках и озерах И. В. Кучин так описывает эту ловушку: «Зауральские котцы устраиваются из сосновых палок различной высоты, скрепляемых между собой мочальными веревками. Котец имеет прямоугольную форму, по углам он утверждается на месте при помощи кольев. Вместо одного из коротких боков во внутренность котца ведут две постепенно сближающиеся стенки, играющие роль горловины или воронки у морд, вятелей и вентерей и т. п.; войдя во внутренность котца, рыба уже не может вернуться. Котцы ставятся вблизи берегов озер и речек, причем от самого берега к ним наставляется более или менее длинная решетчатая стенка, устроенная так же, как и самые котцы. Дойдя вдоль берегов до стенки, щука и всякая другая рыба, которая бьется около берегов, поворачивается вдоль последней и попадает в котец»¹.

Близкие к описываемому изображению загороди и ловушки возле них можно видеть на рисунках казымских хантов².

На прочих отмеченных ножах изображение котца дается в соединении с «цепочкой» из волнистой линии, в которой нужно видеть изображение реки или воды. Передача воды волнистой линией — способ весьма распространенный. Мы его видим, например, в египетских иероглифах.

В рисунке одного из ножей (рис. 3—1) у угла ромба заметна линия, косо отходящая в сторону. Она, по видимому, должна изображать стенку,

¹ И. В. Кучин. Рыболовство и рыбный промысел на зауральских и приуральских озерах. СПб., 1910.

² См. В. В. Сенкевич-Гудкова. К вопросу о пиктографическом письме у казымских хантов. МАЭ, XI, стр. 173, рис. 16.

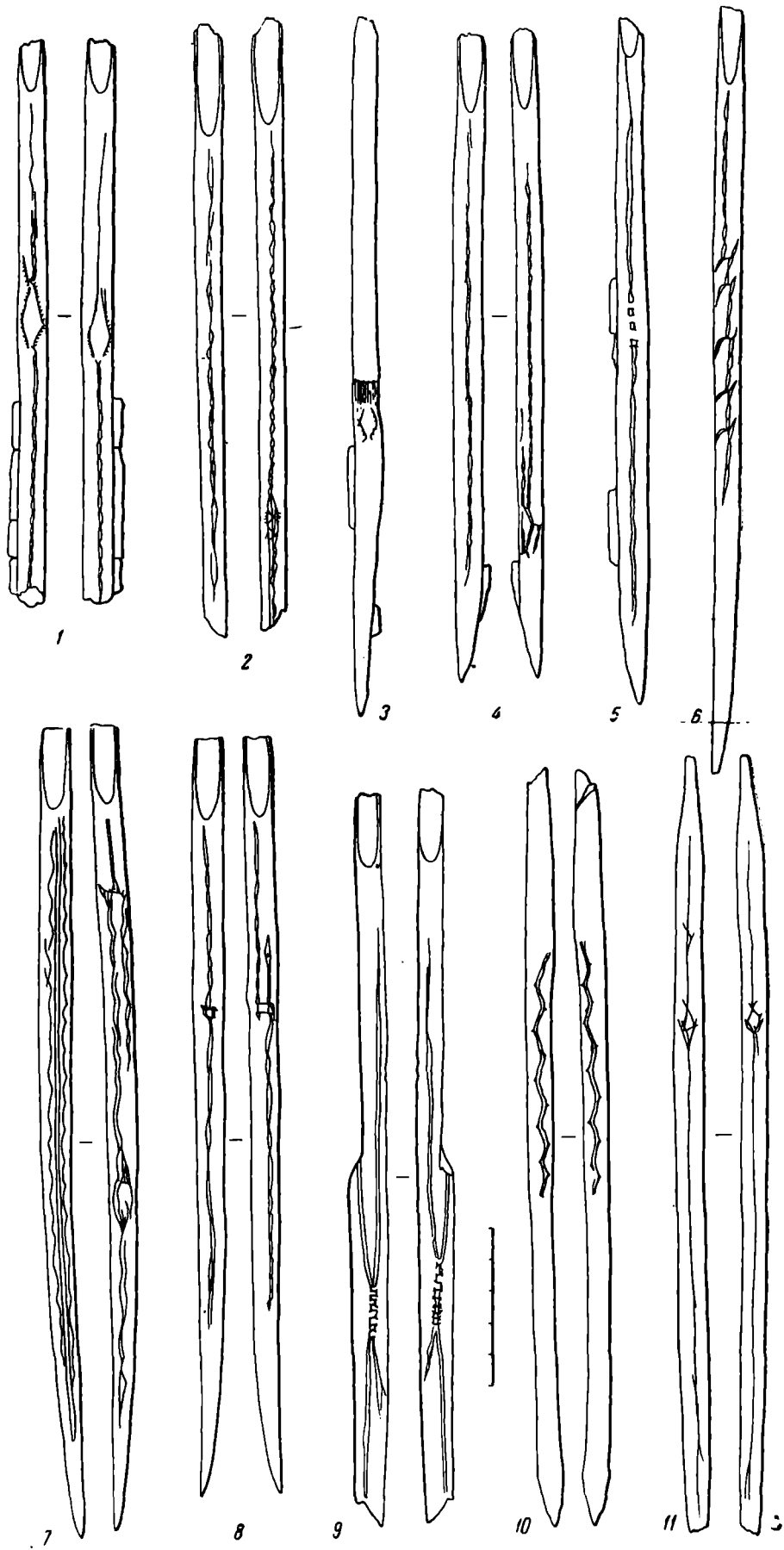

Рис. 3. Шигирский торфяник. Костяные ножи. (Объяснение — в тексте)

идушую от берега к котцу, упоминаемому И. В. Кучиным. Не лишне будет напомнить и план котца, который описан Л. П. Сабанеевым и приводится В. В. Федоровым¹. Котец этого типа весьма напоминает ромбовидные изображения на шигирских ножах. Характерно, что линии, составляющие ромбы, на двух ножах (рис. 3—1 и 3) снабжены точками или черточками; так передаются, вероятно, прутья, из которых сделаны котцы. На другом ноже (рис. 3—8) котец показан в виде квадрата, на третьем (рис. 3—7) — в форме овала. На следующем ноже (рис. 3—5) линия воды прерывается изображением трех квадратиков, стороны которых тоже снабжены точками, как стороны ромбов-котцов. И здесь, несомненно, изображены какие-то рыболовные сооружения менее понятного устройства.

Фигуру, которая прерывает цепочку, передающую воду, на ноже (рис. 3—2), труднее рассматривать как ловушку. Скорее в ней можно видеть изображение лодки с веслами.

На трех ножах орнамент хотя и отличен от описанного, но содержит некоторые сходные черты. На одном из ножей (рис. 3—9) передан, на наш взгляд, закол между двумя мысами берега. Линии здесь прямые, а не волнистые, которые обычно изображают воду. Поэтому здесь надо видеть изображение двух участков суши: два мыса, проток между которыми перегороден рыболовной загородью, с отверстиями то с одной, то с другой стороны, предназначенными для подстановки к ним ловушек — морд. Изображение очень напоминает устройство загородей в Башкирии во время половодья, весной, известное по описаниям С. Т. Аксакова.

«Для ставления морд в полую воду приготавлиются места заранее, в межень, как говорится. Известно, по каким низменностям будет разливаться вода, а потому на ложбинках, небольших долочках и в неглубоких овражках, всегда на ходу рыбы, набиваются колья и заплетаются плетнем, шириной от одной сажени до двух и более, смотря по местности, поверх которого и сквозь который вода проходит; но рыба, кроме малявки, т. е. самой мелкой, сквозь пройти не может. В середине этого плетня оставляются одни, иногда двое, ворот или дверей (в аршин или аршин с четвертью шириной), в которые вставляются морды, прикрепленные к шестам; два хода, или отверстия, оставляются иногда для того, чтобы можно было ставить одну морду по течению, а другую — против течения воды: рыба идет сначала вверх, а потом, дойдя до края разлива, возвращается назад и будет попадать в морды в обоих случаях»².

На рассматриваемом нами ноже может быть изображен закол на протоке между двумя озерами, где устройство приведенного С. Т. Аксаковым сооружения не менее целесообразно.

На одном из ножей (рис. 3—6) выгравированы волнистые линии воды, осложненные Г-образными ответвлениями вверх и «хвостиками» — вниз. Общая композиция этого рисунка может быть понята только как изображение воды с плавающими на ней утками.

Нанесенный на ноже (рис. 3—10) зигзаг из двойной линии с точками на углах как символ воды позволяет и этот нож включить в одну группу со всеми вышеописанными. Совершенно такой же мотив — зигзаг с точками на углах мы видим на сосуде со Второй Андреевской стоянки³.

В той или иной форме рисунки на всех без исключения ножах связаны с изображением воды и рыболовного промысла и должны рассматри-

¹ См. В. В. Федоров. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки. СА, II, рис. 11 и 12.

² С. Т. Аксаков. Записки об ужении рыбы. Собр. соч., т. II. Изд. А. А. Каспари, СПб., 6/г.

³ См. П. П. Ефименко. До питання про джерала культури пізньої бронзи на території Волго-Кам'я. «Археологія», II. Київ, 1948, рис. 9; П. А. Дмитриев. Вторая Андреевская стоянка. «Труды ГИМ», VIII, стр. 101, табл. I, рис. 11

ваться как отражение религиозно-магических представлений, господствовавших в первобытных общинах рыболовов Урала.

Магическо-культовой смысл «орнамента» на костяных вкладышевых орудиях с Шигирского торфяника подтверждается особенно ярко рисунком, на котором изображены плавающие утки. Это — широко распространенный мотив орнаментации керамики лесного неолита, где утки и лебеди обычно также составляют ряд — фриз. Их мы видим и на наскальных изображениях того же времени на Онежском озере. П. П. Ефименко считает, что «ряд таких птиц на сосудах, очевидно, должен был символизировать стихию влаги, как изображения их на скалах должны были обозначать священную стихию водного бассейна»¹.

Костяные изделия, найденные у с. Пеган, близки к шигирским находкам не столько по форме, сколько по характеру орнамента. На пеганском ножке-кинжале мы видим те же нанесенные тонкой гравировкой линии в виде цепочки из мелких звеньев, но они носят чисто орнаментальный характер. Звенья в цепочке приобретают строгие очертания ромба, их пиктографический смысл, видимо, уже теряется, и весь рисунок превращается в простое украшение, хотя две группы поперечных черточек, неожиданно прерывающих композицию, еще напоминают ромбовидные котцы и изображение воды линиями, подобными цепочке на шигирских костяных ножах.

Можно считать, что изображения на втором вкладышевом изделии (обломке) из с. Пеган (см. рис. 1—2) также утратили былую реалистичность и смысловое значение, превратившись в орнаментальную схему. Волнистые линии в правой части рисунка нужно рассматривать как изображение воды, а заштрихованные ромбы с Г-образными ответвлениями вверх — как сильно стилизованное изображение водоплавающих птиц.

Следовательно, пеганские изделия, с одной стороны, имеют точки соприкосновения с шигирскими орнаментированными костяными вкладышевыми орудиями, с другой — несомненно могут быть отнесены к более позднему времени.

Шигирские костяные вкладышевые орудия, как показывают исследования последних лет (А. Я. Брюсов), в значительной части более раннего времени, чем до сих пор считалось. Поэтому пеганские находки, несмотря на свою несомненно большую молодость, чем орудия из Шигирского торфяника, все же должны относиться к эпохе неолита и датироваться концом III тысячелетия до н. э. Эта дата, как мы видели, подтверждается сходностью инвентаря пеганского погребения, Оленеостровского и Китойского могильников. Хотя инвентарь пеганского погребения более близок культурам лесной полосы, мы все же считаем возможным видеть в погребенном представителе неолитических степных племен. Об этом прежде всего говорит район находки. Близость же с лесным неолитом объясняется общностью экономики и уровня развития лесных и степных племен эпохи неолита, у которых огромное значение имело рыболовство, что порождало и близкие формы в области материальной культуры.

Участившиеся в последние годы открытия в степном Зауралье неолитических поселений конца III — начала II тысячелетия до н. э. дополнились находкой в 1949 г. первого погребения, датирующегося тем же временем. Состав инвентаря и особенно анализ орнамента на костяных изделиях из этого погребения подтверждают важное, а может быть и основное, значение рыболовства в хозяйстве неолитических племен степного и лесостепного Зауралья.

---

¹ П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 42—43.

Э. А. РИКМАН

ИЗОБРАЖЕНИЕ БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ НА РЕЛЬЕФАХ
ДМИТРИЕВСКОГО СОБОРА ВО ВЛАДИМИРЕ*(Сообщение на заседании сектора славяно-русской археологии ИИМК АН СССР
3 мая 1951 г.)*

Изумительные рельефы Дмитриевского собора 1197 г., изданные в атласах Ф. Рихтера, С. Строганова, А. А. Бобринского, привлекали внимание многих исследователей. Но бытовые предметы в рельефах до сих пор детально не изучены, о них упоминали мимоходом. Наиболее ценная работа в этом отношении проделана В. Прохоровым¹.

Автору предлагаемой заметки удалось получить довольно крупные фотографии, которые позволили выявить ряд ясно видимых изображений бытовых предметов².

При изучении рельефов нам представлялось важным: выяснить степень реалистичности изображенных в них бытовых предметов, уточнить и развить высказанное советскими учеными мнение о русских мастерах — декораторах собора и использовании ими в качестве шаблонов русских и иноземных произведений искусства³ (дореволюционные ученые — С. Строганов, А. С. Уваров, Н. А. Артлебен, Д. Н. Бережков, А. А. Бобринский, частично Н. А. Кондаков — писали о нерусском происхождении резчиков, а также сюжетов рельефов). Обе поставленные нами задачи можно решить путем сравнения реальных собора с подлинными древними предметами или их изображениями.

Обратимся к изображениям оружия. Шесть раз на рельефах изображены мечи. Самый интересный из них тот, которым сирич замахивается на волка (рис. 4—2; 9—1). Меч короткий, массивный, с широким лезвием, снабженным долом и прямой массивной крестовиной, набалдашник сверху полукруглый, у руки — прямой, членение его не выражено. Близки по признакам вышеописанному мечу, склоненные лезвиями на плечи всадников⁴, и тот, которым замахивается кентавр (рис. 5—1, — конец заострен).

¹ «Материалы по истории русских одежд». СПб., 1882.

² В фотографировании рельефов принимал участие Е. Г. Василевский.

³ Н. Н. Воронин. Памятники владими́ро-суздальского зодчества XI—XIII вв. М.—Л., 1945, стр. 55.

⁴ Изображены на рельефах ЗП 8—1 и ЮП 8—2; здесь и в дальнейшем изложении при обозначении мест, которые занимают отдельные рельефы на стенах собора, приняты сокращения: северная, западная, южная стены обозначены буквами «С», «З», «Ю»; правое, центральное и левое прясла каждой стены — буквами «П», «Ц», «Л». Отсчет камней с рельефами ведется сверху и с правой стороны каждого прясла.

1

2

3

4

Рис. 4. Рельефы западной стены Дмитриевского собора

1 — охотник на льва (ЗЦ 5-6); 2 — сирия, замахвающийся на волка (ЗЦ 11-4); 3 — охотник на птицу (ЗЦ 5-5); 4 — лучник (ЗЦ 8-2)

1

2

3

4

Рис. 5. Рельефы западной стены Дмитриевского собора

1 — герт. вр. замалвивающий мечом (ЗП 4-1); 2 (ЗП 7 1);
3 (ЗП 2-5) и 4 (ЗП 2-1) — фигуры в княжеской (?) одежде.

В четырех случаях меч изображен как рубящее оружие и может сопоставляться с мечами, бытовавшими в Европе в VIII—XI вв. и условно называемыми «каролингскими». Подобные мечи много раз встречены на территории восточных славян. Меч описанного типа изображен на известном «топорике Андрея Боголюбского» XII—XIII вв., изготовленном, по видимому, в одном из городов Суздальской Руси¹.

Изображения мечей при всей их условности хорошо передают общий характер этого тяжелого рубящего оружия и отдельные детали: дол, навершие², заостренный конец³.

Изображая в XII в. мечи VIII—XI вв., резчики стремились архаизировать рельефы. Весьма вероятно, что мастера видели отдельные образцы ранних мечей (известно, что Андрей Боголюбский хранил меч князя Глеба⁴), а это помогло передать их характерные особенности.

Меч «капетингский» изображен в сцене, где придерживающий ножны мужчина вонзает его в пасть зверя (рис. 6—1; 9—2, 3). Меч существенно отличается от описанных выше: клинок менее массивен, крестовина прямая, широкая и тонкая, набалдашник круглый. Приблизительно такой же меч известен по изображениям на Киевской стеле⁵ (рис. 9—4), два аналогичных меча изображены на рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.

Сабля воспроизведена на рельефе один раз — в правой руке всадника (рис. 7—1; 9—5). Это длинное, тонкое оружие с изогнутым клинком, заостренным концом, коротким перекрестием и грушевидным набалдашником. Линией показан дол. Таким образом, перед нами основные признаки сабли, известной на Руси, по археологическим данным, с IX в.⁶

Хорошо изображены луки: один в руках у стрелка (рис. 4—4; 9—6), другой у всадника (рис. 7—4; 9—7). Это сложные луки. Аналогий изображенному оружию можно указать много, приведем две — изображения лука на серебряной оправе турьего рога из Черной могилы и в миниатюре Кенигсбергской летописи, иллюстрирующей описание смерти князя Мстислава (рис. 9—8).

Это и последующие сопоставления с миниатюрами Кенигсбергской летописи XV в. очень ценны потому, что ее миниатюры восходят к иллюстрированному владимирскому летописному своду 1212 г.⁷

У всадника (рис. 7—4), кроме лука, подвешенного на правом боку, на левом — колчан (рис. 9—9). Он показан в виде усеченного конуса, расширяющегося книзу. Что перед нами действительно колчан, ясно из сравнения с изображением конного лучника в миниатюре болгарской рукописи XIV в.⁸ (рис. 9—10), а также с колчанами всадников дагестанских рельефов⁹.

В руке у одного из всадников виден боевой нож, напоминающий массивные боевые ножи, найденные при раскопках Гнездовского могильника.

Набор оружия дополняется изображениями двух булав: первая — в руке охотника на льва (рис. 4—1), вторая — у охотника на птицу

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 235.

² А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, рис. 104.

³ Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, № 18, табл. XI.

⁴ ПСРЛ, т. II, 1175 г.

⁵ М. Макаренко. Скульптура и різьбарство Київської Русі, перед монгольських часів. «Київські збірники історії й археології», вып. 1. Київ, 1931, т. XV, стр. 36. Сцена боротьби со львом. Фрагмент резной плиты музея Киевского университета.

⁶ А. В. Арциховский. Оружие. «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 422.

⁷ М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 60; А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 18.

⁸ В. И. Сгасов. Миниатюры некоторых рукописей. Манасейна летопись XIV в., 1902, табл. II.

⁹ «Ston relief Daghestan». «Ars islamica», vol. X. 1943.

1

2

3

4

Рис. 6. Рельефы северной, южной и западной стен Дмитриевского собора
 1 — охотник, вонзающий меч в пасть зверя (СЦ 5-4); 2 — бродяга ЮЦ 5-5; 3 (ЗЛ 1-2)
 и 4 (СЦ 10-6) — фигуры в княжеской (?) одежде (3 и 4 — подписаны в кат. вост. вост. в рельефы собора)

1

2

3

4

Рис. 7. Рельефы южной стены Дмитриевского собора

1 — всадник с саблей в руке (ЮЦ 10—5); 2 — всадник (ЮЦ 1—4); 3 — фигура в княжеской одежде (ЮЦ 1—5); 4 — всадник с луком и колчаном (ЮП 8—1)

(рис. 4—3; 9—11). Обе булавы шарообразные, надеты на круглые в сечении рукоятки. Шарообразные булавы в археологическом материале также встречены¹.

Таким образом, на стенах Дмитриевского собора изображены мечи двух типов, сабля, луки, колчан, две булавы — набор оружия воина и охотника XII в. Изображения при всей их условности достаточно близки к известным археологическим образцам оружия XI—XIII вв. С перечнем вооружения на рельефах Дмитриевского собора можно сопоставить щиты, копья, мечи, шестоперы рельефов Георгиевского собора в Юрьеве.

Изображенное оружие, наделенное реальными чертами, употреблено при охоте на полуфантастических зверей и птиц. Передние лапы зверя, которого закалывает охотник, даже защемлены «капканом» в виде двух прямоугольников, из которых меньший вставлен в больший (рис. 6—1; 9—12). На шеях птиц² как будто показаны ошейники — эти полуфантастические «птицы», вероятно, рассматривались в данном случае как охотничьи.

В средней (по вертикали) части западной и южной стен собора на сходных по расположению камнях изображены всадники с нимбами вокруг голов. Изображения скачущих всадников были и на северной стене собора. Здесь в местах, соответствующих расположению камней с всадниками на западной и южной стенах, находятся поздние изображения — вставки, явно сменившие камни с всадниками. Некоторые рельефы с всадниками западной и южной стен также заменены поздними — с фигурами святых. Фигуры всадников образовывали фриз, шедший по всем стенам собора, кроме восточной — алтарной.

По этим изображениям мы можем судить о снаряжении верхового коня, которое в основном близко как к современному, так, в меньшей мере, и к очень древнему, например пазырыкскому. Оголовье особенно детально показано на лошадях (рис. 8—1)³. Оно состоит из следующих ремней: суголовного, щечного, подчелюстного, переносного и чумбура (подшейного) (рис. 10—1). Непонятен способ соединения подшейника с суголовьем. Эта деталь поясняется другими изображениями (рис. 8—2)⁴. Остальные оголовья более условны, иногда путанные. Нехватает в оголовье как будто лишь лобного ремня, но в средневековье нередко обходились и без него⁵.

Соединение щечного ремня с удилами неясно. Удила лучше всего различимы в пяти изображениях (рис. 8—1, 2; 7—1)⁶. Части удила, высовывающиеся из рта лошади, представляют собой две удлиненные, сужающиеся к концам параллельные пластинки, отогнутые назад. С поводом они соединяются кольцами. Аналогии пока найдены лишь в восточном и западноевропейском археологическом материале. Сходные удила видим на фигурке коня из шахмат, принадлежавших Карлу Великому, на изображениях второй половины XIII в.⁷ и сасанидского времени⁸. Хорошо различим в изображениях повод, упомянутый летописью в 1169 г.⁹ Всадники держат его то в левой, то в правой руке, в зависимости от того, какая из них обращена к зрителю. Резчики передали присоединенный к кольцам удила легко скручивающийся повод из двух ремней, что легко можно видеть на всех

¹ L. Niederle. Manuel d'antiquité slave, vol. II. Paris, 1926, рис. 103; Э. Ленд. Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия. Имп. Эрмитаж. СПб., 1908, т. XII, Е515.

² ЮЛ 1—1; ЮЛ 1—5.

³ А также на рельефе ЗЦ 10—4.

⁴ И на рельефе ЗП 8—2.

⁵ W. Boehm. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1890, рис. 205, 206; Migèon. Manuel d'art musulman, 1237, рис. 3.

⁶ И на рельефах ЗЦ 10—3; ЗП 8—1.

⁷ M. Violette le Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français, t. V. Paris. 1874, стр. 68, 69, 92—94.

⁸ Г. Вейс. Внешний быт народов, т. II, ч. 1. М., 1875, рис. 94.

⁹ ПСРА, т. I, стр. 153.

1

2

3

4

Рис. 8. Рельефы западной стены Дмитриевского собора.
1 (ЗЦ 10-5); 2 (ЗЦ 10-2) и 3 (ЗП 8-2)—изображения всадников; 4 — кентавр (ЗЛ 2-1).

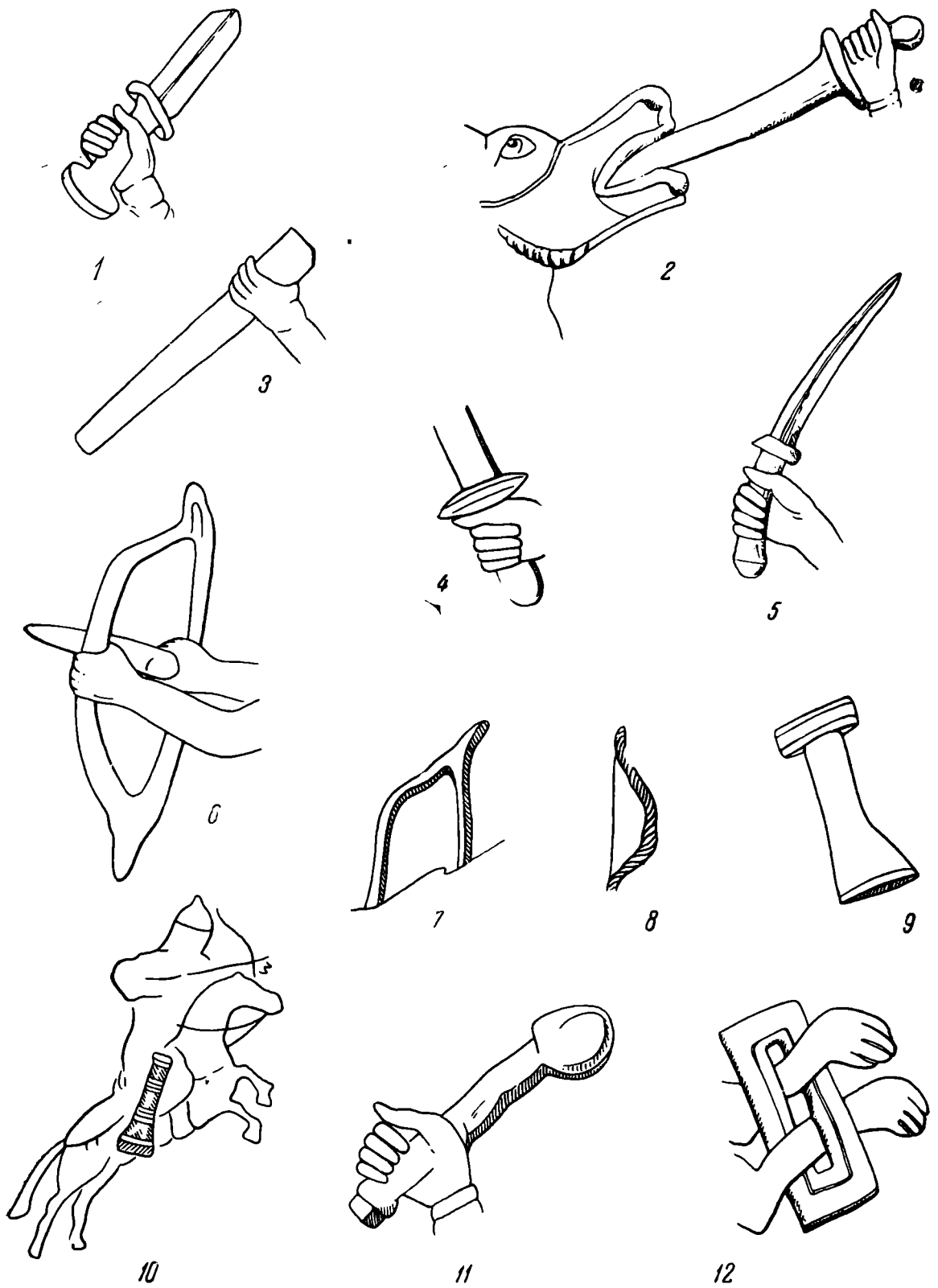

Рис. 9. Оружие, изображенное на рельефах Дмитриевского собора, и аналогии ему
 1, 2 — мечи; 3 — ножны; 4 — меч, изображенный на Киевской стеле (по М. Макаренко); 5 — сабля;
 6, 7 — луки; 8 — изображение лука на миниатюре Кенигсбергской летописи; 9 — колчан; 10 — изображен-
 ные колчана на болгарской миниатюре XIV в.; 11 — булава; 12 — кашкан

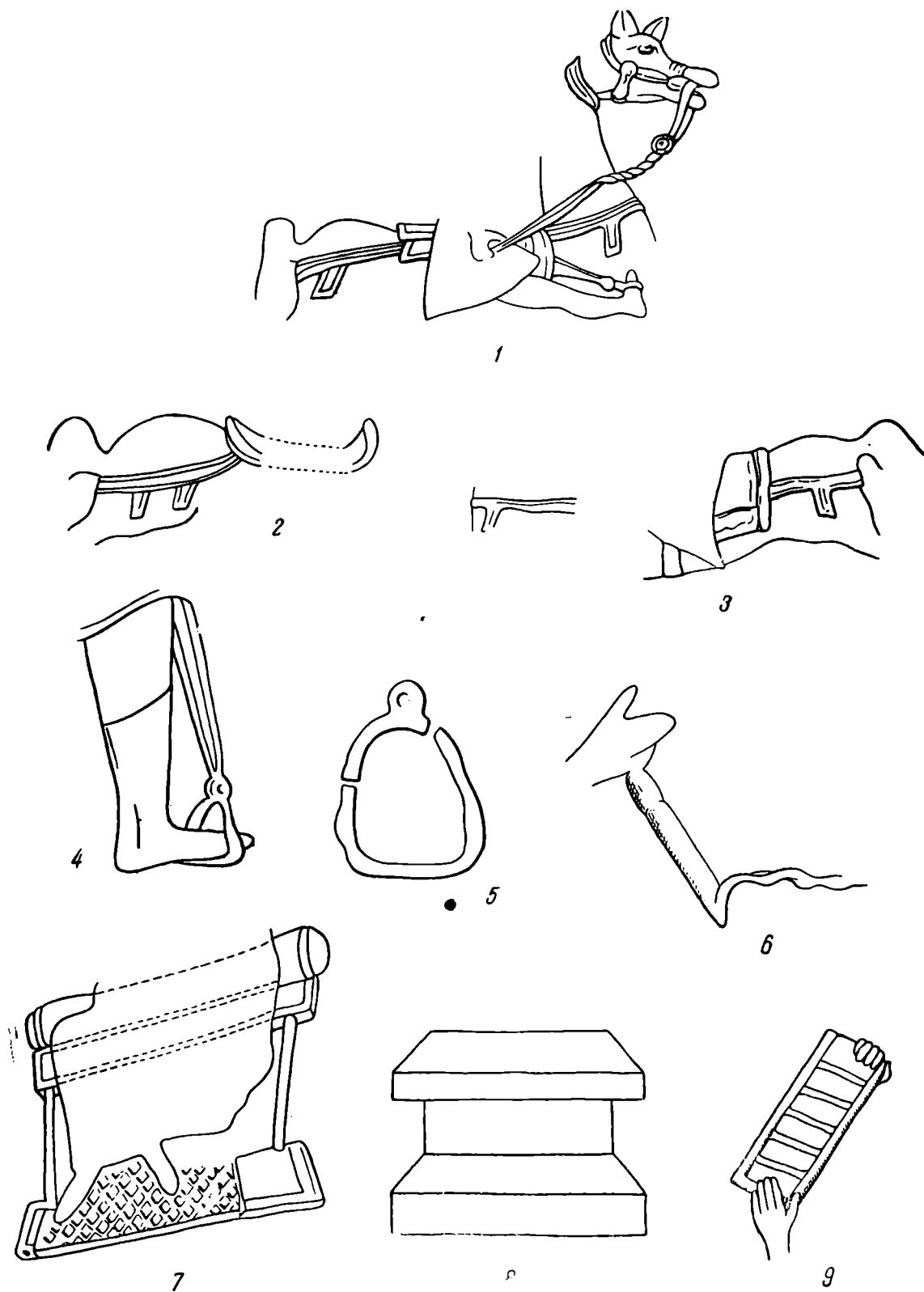

Рис. 10. Снаряжение коня и предметы княжеского быта, изображенные на рельефах Дмитриевского собора, и аналогии им

1 — оголовье; 2 — седло; 3 — «подклад»; 4 — путлице и стремя; 5 — стремя из Черной могилы; 6 — кнут; 7 — «стол» кн. Всеволода; 8 — «стол» кн. Андрея Боголюбского на миниатюре Кенигсбергской летописи; 9 — столбец

оголовьях, но особенно ясно в трех случаях (рис. 8—1)¹. Ремни повода большей частью расположены по одну сторону лошадиной шеи и лишь в двух случаях — по ее бокам².

На рельефах Дмитриевского собора изображены основные части седел и крепящих их ремней. «Седла», упомянутые летописью в 1149 г.³, оказываются, совпадают с современными не только по названию, но и по существенным признакам — они снабжены передней и задней лукой, крыльцом (рис. 10—2)⁴. Напомним, что «передний лук седельный» упоминается в том же 1149 году. Изображения седел с передними и задними луками встречаются в миниатюрах Кенигсбергской летописи. Ряд других седел не снабжен луками, они полуцилиндрические, с крыльцами разных форм (рис. 7—1; 8—1)⁵. При рассмотрении остальных седел, высеченных в рельефах Дмитриевского собора, вспоминается «подклад» (потник) из «Почтения Владимира Мономаха»⁶; это — накидка, которую мы видим на спинах лошадей некоторых рельефов (рис. 8—2; 10—3)⁷.

К седлам прикреплены путлища со стремями. В некоторых случаях (рис. 8—3; 7—1)⁸ путлище представляет собой сложенный вдвое ремень, в который продето стремя. Особенно хорошо показано стремя на одном рельефе (рис. 8—3; 10—4), где оно имеет форму вытянутого вверх овала с кольцом сверху и напоминает в основных чертах стремяна из владимирских курганов, Гнездова⁹, Чернигова¹⁰ (рис. 10—5).

Отчетливо видны ремни, удерживающие седло и украшающие лошадь. Здесь имеется и подпруга (рис. 8—2); с подперсий и пахв свисают ремешки, в одном случае с колечками на концах (рис. 8—3). Ремни верховых лошадей, изображенных в миниатюрах Кенигсбергской летописи, в основном аналогичны вышеописанному. Однородные встречаются и в миниатюрах, иллюстрирующих «Житие Бориса и Глеба»¹¹, а также и в западноевропейских изображениях¹².

Реалистичность бытовых предметов на рельефах подчеркивается изображением подковы, которая линией отделена от копыта на левой задней ноге лошади¹³. Всадник (рис. 7—4) держит в левой руке кнут, повидимому, подвешенный на ременной петле. Видна короткая, круглая в сечении рукоять с навершием, витой шнур или ремень (рис. 10—6). Короткие деревянные рукояти кнутов были найдены при раскопках в Москве (Зарядье), а костяные сферические навершия — при раскопках в Новгороде и Старой Рязани.

Различные одежды представлены на рельефах Дмитриевского собора чаще всех других реалий. 26 раз и в двух вариантах изображена одежда, которую назовем рубашкой. В такую одежду облачены сыновья Всеволода, всадники, борцы, охотники, святые. Рубашки, которые назовем княжескими (тип первый), все до колен, выше пояса облегают туловище, ниже — свободные, широкие. Рукава плотно прилегают к рукам. Сверху рубашки завершаются оплечьями (13 случаев). Рукава снабжены надлокотниками (7 случаев) и наручами (12 случаев). Подолы заканчиваются коймами (22 случая). Материя производит впечатление тяжелой, плотной. Почти на всех рубахах показаны кругообразные линии, живо напоминающие

¹ И на рельефах ЗП 8—2; ЮЦ 10—4.

² ЮП 8—1; ЮП 8—2.

³ ПСРЛ, I, 140.

⁴ ЮЦ 10—4.

⁵ ЮП 8—2; ЮЦ 10—3; ЗП 8—1; ЗЦ 10—3; ЗП 8—2.

⁶ А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, текст, стр. 148.

⁷ ЮЦ 10—2; ЗЦ 10—4.

⁸ ЗП 8—1.

⁹ А. А. Спицын. Указ. соч.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 35.

¹¹ И. И. Срезневский. Сказания о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860.

¹² M. Viollet le Duc. Указ. соч., стр. 268, 269

¹³ ЗП 10—3.

узоры тканей из владими́ро-суздальских гробниц XII—XIII вв. Своеобразна разделка нижней части этой одежды: на бедрах обычны кругообразные линии, а между ног и сзади прямые линии, сходящиеся к поясу (рис. 11а—1).

От описанных рубашек отличаются те, в которые облачены три фигуры (рис. 4—3, 4; 6—1). Они лишены оплечий, надлокотников, наручей, коим подола. Материя производит впечатление легкой (с волнистыми складками внизу) льняной. Особенно интересна одежда охотника (рис. 4—3): хорошо виден прямоугольный вырез ворота, вошва от ворота до пояса (рис. 11а—2). В одежду с вошвой облечен также кентавр (рис. 8—4). Рубахи с вышитыми вставками характерны для восточных славян, позднее — для русских, начиная с VI—VII вв. и до наших дней¹. Любопытны аналогии рубахи охотника (рис. 4—3) с одеянием, изображенным на бронзовой фигурке из кургана Полтавской области (рис. 11а—3)², и у гусяра на серебряном киевском браслете XII в. (рис. 11а—4)³. Перед нами характерная, повидимому, народная одежда, отличная от одежды княжеской знати (тип второй).

При всех отличиях обеих разновидностей одеяний на рельефах Дмитриевского собора перед нами явно именно древнерусские рубахи⁴. Они в основных чертах не отличаются от рубахи смерда — «делателя», изображенного на полях Псковского устава XI—XII вв.⁵ В особенности следует это сказать о втором, простонародном варианте. Может быть, эта одежда и называлась «сорочицей». Мы читаем в летописи под 1216 г.: «прибеже князь Юрьи и Володимерь во единой сорочице точию и брат Ярослав такоже»⁶ Князья прискакали без корзен, в нижней одежде.

Изображенные в рельефах «сорочицы» находят ближайшие аналогии именно в русском изобразительном искусстве. Это относится к резному камню и литому металлу, в чем легко можно убедиться, взглянув на одежды фигуры, раздираемой львом, на плите из Киева⁷, всадников плит Михайловского монастыря, фигуры мастера Авраама на Корсунских вратах XIV в. Если обратиться к миниатюрам, то и здесь мы найдем значительное сходство, особенно с рубашками княжескими, например, в миниатюрах Кенигсбергской летописи (рис. 11а—5) и «Жития Бориса и Глеба» XIV в. (рис. 11а—6), где иллюстрации восходят к XII в. В сходные одежды облачены так называемые «распорядители игр» (по Н. П. Кондакову) на фресках над лестницами Киевского Софийского собора. Плотные, тяжелые расшитые княжеские рубахи в описываемых рельефах очень похожи на суздальскую рубашку XVI в. из шелковой тафты с подкладкой, украшенную швами с плетеной нашивкой⁸.

Рубахи не являются специфически русской одеждой. Сходные встречаются у древних персов, римлян, скандинавов⁹, византийцев¹⁰, кавказцев¹¹, народов Западной Европы¹², западных славян¹³. В то же время надо

¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 82, 83.

² В. Прохоров. Указ. соч.

³ А. С. Гушин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, стр. 53.

⁴ А. В. Арциховский. Одежда. «История культуры древней Руси», т. I, стр. 235.

⁵ А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. 1937, стр. 100.

⁶ ПСРЛ, т. X, стр. 74.

⁷ См. М. Макаренко. Указ. соч.

⁸ Е. С. Видонова. Детская одежда начала XVI в. КСИИМК, вып. XXXVI.

⁹ Г. Вейс. Указ. соч., т. I, ч. 1, рис. 146; т. II, ч. 2, рис. 190.

¹⁰ Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin. Paris, т. I, 1925, рис. 100, 113, 186, 281.

¹¹ J. Baltrusaitis. Etudes sur l'art médiéval en Géorgie et en Arménie, 1929, рис. 94.

¹² D. R. Vuxton. Russian Mediaeval architecture. Cambridge, 1934, табл. 90; G. Demay. Le costume au moyen-âge d'après les sceaux. Paris, 1880; Viollet le Duc. Указ. соч., т. I, стр. 337—338; т. V, стр. 73, 74, 83, 289, 343, 344.

¹³ «Les miniatures de l'évangile du roi Jean Alexandre à Londres». «Sofia», 1934, N 32, 41, 71, 143, 172.

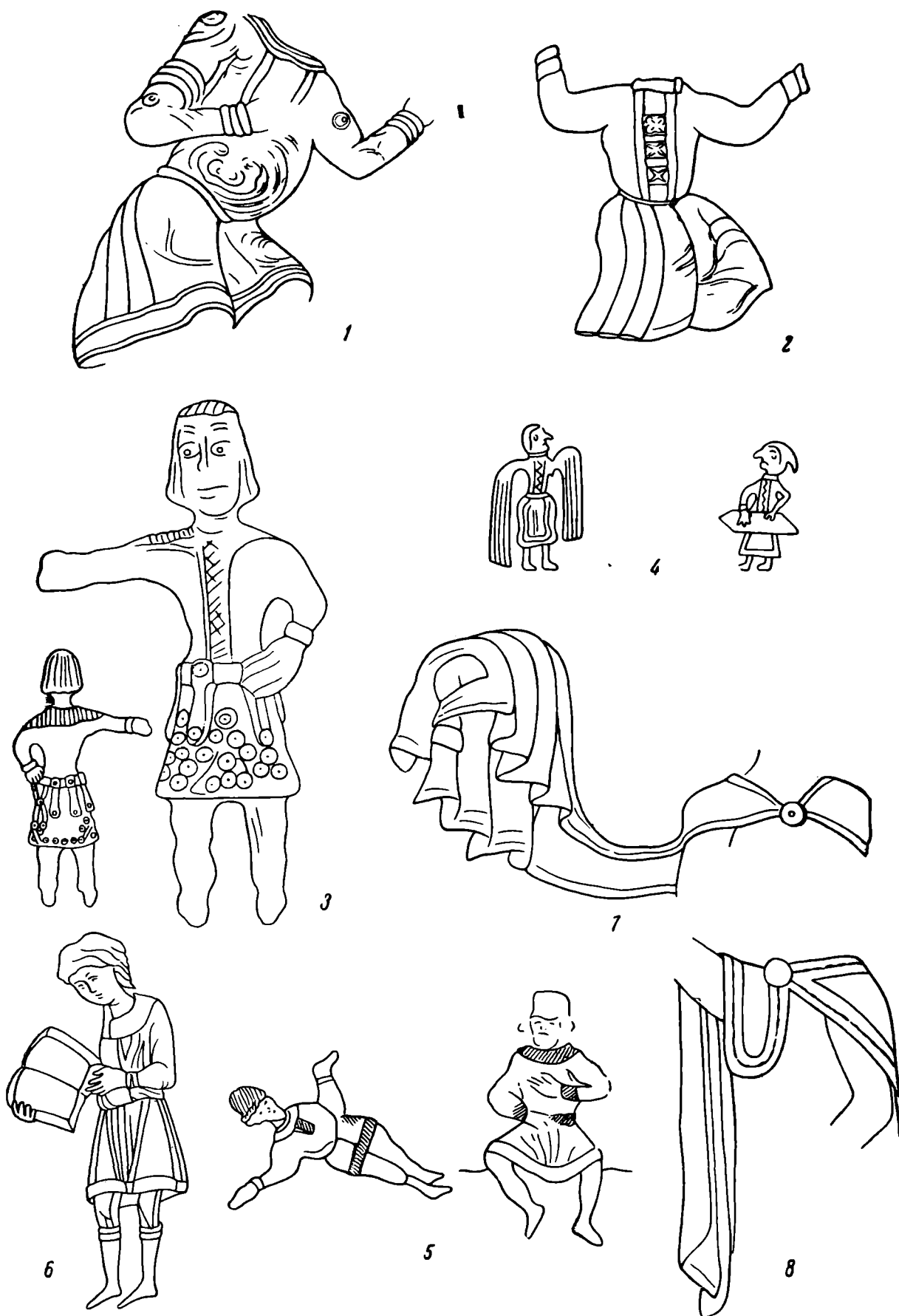

Рис. 11а. Одежда по изображениям на рельефах Дмитриевского собора и аналогии ей
 1 — кряжская рубашка; 2 — рубашка охотника; 3 — одеяние, изображенное на бронзовой статуэтке, найденной в кургане; 4 — одеяние гуслиров на браслете XII в.; 5, 6 — изображение рубашек на миниатюрах Кенигсбергской летописи и «Жития Бориса и Глеба»; 7, 8 — плащи

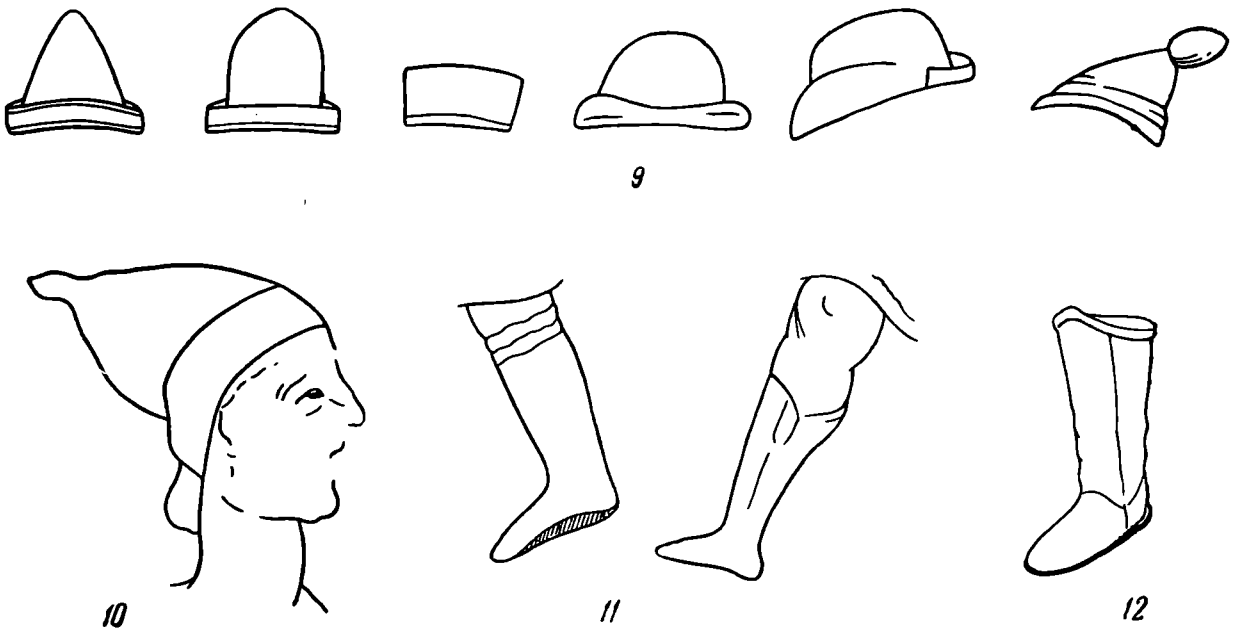

Рис. 11б. Головные уборы и обувь, изображенные на рельефах Дмитриевского собора и аналогии им

9 — головные уборы; 10 — изображение головного убора в Изборнике Святослава 1073 г.; 11 — обувь
12 — реконструкция сапога по материалам раскопок М. Г. Рабиновича в Зарядье (Москва)

подчеркнуть, что русские памятники дают образцы рубах, наиболее близкие описываемым.

Разбирая отдельные детали: оплечья, клапаны воротов, наручи и надлокотники, — можно найти новые связи и аналогии в других памятниках, в особенности — русского искусства.

Оплечья — характерная деталь древней русской епископской или боярской средневековой одежды — представлены накладными, со свободными круглыми вырезами для шеи. Отдельные образцы дошли до нашего времени (оплечье XII—XIII вв. саккоса митрополита Алексея¹, кожаное оплечье XII в. найдено при раскопках Минска²). В 1216 г. владимирские князья Ярослав и Юрий, обращаясь к своим боярам и «передним людям», говорили: «аще и златом шито будет оплечье, то убий его»³. Оплечья исследуемой одежды наиболее близки к изображенным в памятниках древнерусского искусства, однако эта деталь одеяния имела распространение и у западных и южных славян⁴ и византийцев⁵. По мнению Н. П. Кондакова, оплечья распространились с Востока⁶. У изображенных на рельефах рубашек под оплечья заходят прямоугольные нашивки (4 случая). Подобные мы видим и на некоторых миниатюрах Кенигсбергской летописи и на фресках Киевской Софии. Разрез рубахи на груди оформляется в виде прямоугольника — по суздальскому образцу.

Наручи рубах имеют аналогии в русских памятниках, в одеждах княжеской семьи на рисунке в Изборнике Святослава 1073 г., персонажей иконы «Рождество Богородицы» XIII в., но, что особенно ценно, они очень похожи

¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 536.

² В. Р. Тарасенко. Раскопки Минского Замчища. КСИИМК, вып. XXXV, стр. 127.

³ ПСРЛ, т. IV, стр. 22 (см., например, XII—XIII вв.); А. И. Некрасов. Указ. соч., стр. 132.

⁴ В. Стасов. Миниатюры некоторых рукописей (Болгарская рукопись XIV в.), стр. 50—51; L. Niederle, Manuel..., т. II, стр. 76.

⁵ Т. Тороманян. Материалы по истории армянской архитектуры. Ереван, 1927, рис. 227.

⁶ Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, стр. 159.

на сохранившиеся наручи Варлаама Хутынского из золотой парчи с коймами в виде жемчужной обнизи¹.

Аналогии надлокотникам встречаем на одеждах персонажей миниатюр, икон², на суздальской рубашке XVI в., в болгарских³ и восточных⁴ одеждах. Особенно интересно сходство надлокотников одежд в описываемых рельефах и костюма князя Ярослава Владимировича на фреске в церкви Нередицы в Новгороде; на этой фреске они оторочены жемчугом.

Любопытно изображение оплечий, наручей, надлокотников, койм подола в виде широких средних и крайних узких полосок. В последних явно видно стремление показать жемчужные обнизи, которые камнерезы изображали вертикальными линиями и на рубахах. О применении жемчуга для оплечий писал еще Н. Кондаков, а применение его для наручей и надлокотников ясно из приведенных выше примеров (наручи Варлаама Хутынского и надлокотники Ярослава Всеволодовича). Можно указать и очень яркую (правда, раннюю) западную аналогию — рельефные фигуры из Чивидале VIII в., на одежде которых жемчужные обнизи имеются на наручах, оплечьях, коймах подола, а линии жемчуга идут от пояса к подолу⁵.

Пояса, которыми подпоясаны рубашки, чаще всего узкие⁶, похожие на найденные при раскопках в Москве. В некоторых случаях (рис. 4—1) пояс двойной, словно обернут вокруг талии дважды. Тройной пояс можно рассмотреть на фигуре мастера Авраама на Корсунских вратах Новгородской Софии. Борцы подпоясаны широкими поясами, напоминающими поясковского «делателя».

Кроме рубах, в рельефах изображены (на князьях Всеволоде, Борисе, Глебе) длинные, до пят, широкие одеяния с длинными рукавами (7 случаев). Кругообразными линиями передается узор ткани. У большинства одеяний этого рода на оплечьях, поясах (Бориса и Глеба), коймах подола, наручах, а у Всеволода и на надлокотниках показаны украшения жемчугом. Вертикальные полоски в нижней части одежд также передают жемчуг. Описанное одеяние многократно воспроизведено памятниками русского изобразительного искусства. Укажем, например, на одежду русского князя, изображенную на миниатюре рукописи XII в.⁷

В рельефах Дмитриевского собора многократно изображены плащи — корзна и епанчи. Корзна изображены в четырех случаях — на князьях Всеволоде, Борисе, Глебе и св. Никите. Это типичные русские корзна, о которых В. Прохоров пишет, что они отличны от византийских и прочих.

Камнерезы передали тяжелую с кругообразными узорами ткань, напоминающую владимиро-суздальские ткани. Корзна князей Бориса и Глеба застегнуты на груди, в отличие от большинства русских корзен, застегивающихся на правом плече. Но такие отступления встречаются и в других изображениях корзен, передавая, повидимому, другой способ укрепления их. Узкие полоски по краям койм передают жемчужную обнизь, показанную в соответствующих местах на корзнах Бориса и Глеба иконы XIII в.⁸

¹ И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности, вып. VI. СПб., 1899, стр. 170—171.

² Евангелие Тешилица XIII в. и икона «Сшествие во ад» XIV в. См. А. И. Некрасов. Указ. соч., стр. 138, 168.

³ В. Стасов. Миниатюры некоторых рукописей, стр. 50—51, Манасеина летопись XIV в.

⁴ Migèon. Указ. соч., стр. 2—5, рис. 2, 3, 1247 г. «Ars islamica», т. V, рис. 1.

⁵ В. Любке. История пластики. М., 1870, стр. 115.

⁶ СЛ 1—6.

⁷ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. СА, VIII, стр. 227, 228.

⁸ А. И. Некрасов. Указ. соч., стр. 126.

Кóрзена на рельефах застегнуты круглыми фибулами, напоминающими своими очертаниями круглые фибулы из курганов¹.

В епанчи («япончицы», по выражению «Слова о полку Игореве»²) облачены десять всадников и охотник (рис. 6—1). Епанчи — легкие плащи, покрывающие плечи, причем руки остаются свободными. Складки плащей свободны, удачно передается легкая ткань. У скачущих всадников плащи взмывают вверх. Епанчи застегнуты на груди, и в ряде случаев различимы круглые фибулы. Нижний край этой одежды приходился выше колен, что определяется фигурой, изображенной на рис. 6—1. По краям плащей снаружи, а иногда и изнутри, имеется узкая кайма (рис. 11а—7, 8).

Епанчи всадников напоминают как по существу, так и по манере изображения плащи всадников, высеченных на плитах Михайловского монастыря в Киеве (XI в.). В последнем случае изображения значительно грубее, проще, условнее. В епанчи облачены всадники на резных византийских изделиях³. Изображения этих плащей удивительно похожи на те, что мы видим во Владимире и в Киеве.

Среди головных уборов фигур на рельефах Дмитриевского собора (рис. 11б—9) наиболее интересен конусообразный колпак с яйцевидным навершием у охотника (рис. 6—1). Он почти полностью совпадает с убором на голове мужчины, изображенного на полях Святослава Изборника 1073 г.⁴ (рис. 11б—10). До сих пор княжеские шапки в рельефах собора отмечали лишь на князьях Борисе и Глебе. Однако в типичные княжеские шапки облачены и всадники (рис. 7—4)⁵.

У кентавров (рис. 5—1 и 8—4) и чудовища⁶ головные уборы напоминают русские, известные с древности кики. При помощи остальных очень условных изображений камнерезы хотели показать различные короны.

На ногах некоторых человеческих фигур изображена остроносая обувь (рис. 11б—11) (князья Борис, Глеб, кн. Всеволод). Подобная известна по материалам раскопок в Москве и Новгороде⁷, по иконам, миниатюрам русским и западным. Обрез короткого голенища сапог показан косой линией (лучник — рис. 4—4), линией в виде фигурной скобки (всадник — рис. 8—2), кривой линией (всадник — рис. 8—3). Двойными прямыми линиями обозначен отворот (рис. 6—2). Короткие сапоги с косым голенищем найдены при раскопках Москвы. Отвороты показаны на сапогах псковского «делателя», персонажей миниатюр «Жития Бориса и Глеба», известны и по археологическим материалам⁸.

Многokrатно показаны в рельефах «столы» и меньшие «стольцы», подушки на них. Всем этим предметам можно найти полные аналогии в произведениях других родов русского изобразительного искусства. Особенно показательно, что «стол», на котором восседает князь Всеволод (рис. 10—7), очень похож на «столы» Всеволода и Андрея Боголюбского, изображенные в миниатюрах Кенигсбергской летописи (рис. 10—8). Повидимому, резчик и миниатюрист, оба владимирцы, хорошо представляли себе подлинные «столы» владимирских князей.

Неоднократно изображены в рельефах Дмитриевского собора (и Георгиевского) развернутые столбцы, на них видны строчки (рис. 10—9).

¹ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., вып. 1 Гнездовский могильник, МАР, № 28. СПб., 1902, табл. II, рис. 1; А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, рис. 23, 25, 26, 28, 36, 38.

² А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, текст, стр. 66.

³ См. изображение всадника на ящике из слоновой кости. Ch. Diehl. Указ. соч., т. 2, рис. 320.

⁴ В. Прохоров. Указ. соч., стр. 74.

⁵ ЮП 8—2.

⁶ ЗП 6—2.

⁷ Л. И. Якунина. Новгородская обувь XII—XIV вв. КСИИМК, вып. XVII, стр. 40.

⁸ Там же, стр. 46.

Все изложенное убеждает в том, что бытовые реалии рельефов Дмитриевского собора имеют очевидное сходство с археологически известными вещами, причем в полноте и точности передачи оружия, снаряжения коня и одежды немногие памятники русского искусства резьбы смогут сравниться с рельефами Дмитриевского собора. В тех случаях, когда реалиям собора нельзя отыскать прямых вещественных аналогий, последние можно всегда найти в памятниках изобразительного искусства — скульптуре, фреске, миниатюре — по манере изображений и содержанию преимущественно древнерусских. Особенно показательна близость реалий в рельефах собора к тем, которые передаются владими́ро-суздальскими же памятниками искусства. То, что бытовые предметы изображены в резном камне собора так же, как аналогичные реалии показаны в других разновидностях изобразительного искусства, например, в исключаяющих мысль о заимствовании миниатюрах, подчеркивает их общность — отображение реальных предметов. Очевидно, резчики, создавая отдельные композиции, творчески вносили в рельефы изображения отдельных бытовых древнерусских предметов (княжеские «столы»). Точность передачи мечей, рубашек и т. д. говорит о том, что резчики не ограничивались исключительно копированием готовых шаблонов, а помнили и натуру.

Рельефы передают преимущественно бытовые предметы великокняжеской семьи (отдельные представители ее изображены на северной стене собора) и двора. Проходя в собор по надземным переходам¹, члены великокняжеской семьи могли рассматривать рельефы, что требовало от резчиков точности в передаче деталей. Наблюдающиеся аналогии с иноземными реалиями свидетельствуют о том, что резчики использовали в качестве шаблонов произведения искусства далеких стран. Есть также отдельные изображения одежд, повидимому, широко распространенных, народных.

Таким образом, изображения бытовых предметов в рельефах Дмитриевского собора представляют собой ценный, почти не использованный источник для изучения материальной культуры древней Руси.

---

¹ Н. Н. Воронин. К архитектурной истории Дмитриевского собора во Владимире. КСИИМК, вып. XVII, стр. 156.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. К. ЧЕРНЫШ

РАННЕТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У с. ЛЕНКОВЦЫ

Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы, Кельменецкого района, Черновицкой области, открыто в 1947 г. сотрудником Черновицкого областного музея Б. А. Гимошужом. Но материалы, собранные на этом поселении, были выставлены в экспозиции музея как находки у с. Коновки в урочище Попикова Криница.

В 1948 г. этот же пункт обследовала и Трипольская экспедиция ИИМК АН СССР под руководством Т. С. Пассек¹. В северной части урочища был заложен шурф, в котором на глубине 0,4 м обнаружена керамика с углубленным и каннелированным орнаментом. Ни одного расписного черепка на поселении не найдено. В 1950 г. Трипольская экспедиция ИИМК АН СССР и Днестровская экспедиция Львовского отдела Института археологии АН УССР предприняли первые раскопки на поселении у с. Ленковцы².

Трипольское поселение расположено на высоком плато правого берега Днестра, в урочище, называемом «Гамария за яром», на землях с. Ленковцы, а не с. Коновки. С юго-западной и северо-восточной сторон урочище окаймляют два образующие мыс оврага с небольшими ручьями. Северо-западная часть мыса круто спускается к скалистому берегу Днестра, с восточной стороны он непосредственно переходит в плато.

Находки трипольского времени встречены только в северной части мыса, материалы же раннескифского времени и эпохи полей погребений (так называемой «липицкой культуры», по определению М. Ю. Смишко) собраны по всей поверхности поля. Раскопки 1950 г. производились на «Гамарии» в двух пунктах. Раскоп 2 в юго-западной части урочища был заложен А. И. Мелюковой, вскрывшей здесь землянки раннескифского времени. Раскоп 1 в северной части мыса имел вид двух небольших участков (раскопы 1а и 1б), соединенных траншеей (раскоп 1в). Разрез почвы в траншее позволил проследить расположение слоев. Сверху лежит слой гумуса (толщиной до 0,6 м), ниже — переходный слой (0,1—0,3 м), далее — лёсс (0,2—0,3 м) и глубже — песок с прослойками глины.

Раскоп 1а заложен у северного склона урочища, на месте необычайно большого скопления раздробленных плугом створок моллюска *Unio*. Здесь же на поверхности поля в значительном количестве находились фрагменты

¹ Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, стр. 44—45.

² В раскопках принимала участие В. П. Кравец, научн. сотрудн. Львовского отдела Института археологии АН УССР.

керамики, кремьнь и кости. Такое скопление культурных остатков и привлекло наше внимание. Для выяснения характера скопления по всей площади пятна был снят пахотный слой. На глубине 0,3 м вся площадь была расчищена, в результате чего четко обрисовались контуры пятна, содержащего всевозможные культурные остатки трипольского времени. Вне границ пятна находок почти не было. Участок производил впечатление мусорной кучи трипольского времени. На третьем штыке, на границе гумуса и лёсса, находки прекратились; следов ямы не обнаружено, следовательно, раковинная куча была насыпана непосредственно на поверхность земли древнего горизонта. Как видно, жители трипольского поселения использовали небольшой склон на краю поселения для свалки мусора.

Весь слой раковинной кучи (толщиной 0,5—0,6 м) был густо насыщен фрагментами трипольской керамики и глиняных статуэток, орудиями из кремня и кости, отбросами кремневой индустрии, створками *Unio* и костями различных животных. Так как это скопление находок было мусорной кучей, естественно, что из 1272 обломков керамики склеилось вместе всего лишь три.

Несмотря на фрагментарность керамического материала, все же удалось проследить некоторые формы сосудов различных групп.

К первой группе относятся фрагменты сосудов с углубленным орнаментом. Тесто изготовлено из хорошо отмученной глины с примесью мелко толченого шамота; обжиг часто неравномерный, слабый; цвет черепков — темносерый или черный (77%), реже — желтый (20%) или оранжевый (3%). Поверхность сосудов хорошо сглажена, но лощения почти не заметно, так как фрагменты сильно окатаны; несмотря на это, некоторые из них сохраняют в желобках углубленного орнамента следы белой инкрустации (рис. 12—2, 5, 19).

Углубленный орнамент состоит из ровных узких полосок. Ленты орнамента составлены одной-двумя, реже — тремя такими полосками. Иногда поле ленты заполнено поперечными насечками, обычно также инкрустированными белой пастой (рис. 12—2, 5). Иногда ленты сочетаются с округлыми углублениями, образуя узор спирали или концентрических кругов; последние особенно часто встречаются у днища сосудов. Более сложные орнаментальные мотивы составлены из тех же элементов.

Некоторые формы керамики с углубленным орнаментом удалось установить в основном по венчикам и днищам сосудов. Среди них: грушевидные сосуды (рис. 12—8); небольшие горшочки с широким горлом, довольно сильно отогнутым венчиком и маленьким дном (рис. 12—12, 26); биноклевидные сосуды (рис. 12—13); сосуды на поддонах (рис. 12—23); открытые чаши (возможно, на подставках — рис. 12—2); ковшик (рис. 12—1); фрагменты крышек сосудов (рис. 12—22); ручки от ложек (рис. 12—21) и целый ряд обломков посуды иных форм.

Вторая группа керамики — каннелированная — составляет значительно меньший процент, но и здесь преобладают фрагменты сосудов из черной и темносерой массы (84%), значительно меньше — обломков из коричневатожелтого теста (16%). Масса очень плотная, из хорошо отмученной глины, содержащей примеси шамота. Обжиг довольно слабый. Поверхности сосудов, и внутренняя и наружная, тщательно сглажены. Каннелюры представляют собой своеобразный орнамент: они идут то в виде концентрических кругов, то наклонно, то горизонтально. В громадном большинстве они сочетаются со штамповым орнаментом, который в двух случаях заменен ямочным. Довольно часто каннелированный орнамент сочетается и с углубленным и со штамповым (рис. 12—6).

Формы каннелированных сосудов довольно однообразны. Это горшочки с округлым туловом, маленьким дном и сильно отогнутым венчиком (рис. 12—9, 10); горшочки с небольшим дном и сильно выдающимися

Рис. 12. Керамика с поселения у с. Ленковцы

боками (рис. 12—6); сосуды с небольшим, слегка отогнутым венчиком и мягким очертанием округлого тулова и т. п.

Третью группу составляет неорнаментированная керамика, по материалу близкая к сосудам с углубленным орнаментом. Сюда относятся фрагменты биноклевидных сосудов (рис. 12—14, 18), сосудов на поддонах и других форм.

К четвертой группе относятся грубые кухонные сосуды, среди которых можно различить посуду из черной или серой массы (66%) и, реже, — желтой (34%). Во всех случаях глина хорошо отмучена и содержит значительную примесь шамота. Обжиг обычно неровный. Особого разнообразия в орнаментации не наблюдается. Многие сосуды лишены орнамента, на некоторых же орнамент в виде ямок помещен только на плечиках в один ряд. Внутренняя поверхность прекрасно сглажена, наружная же иногда очень шероховата, что является своеобразным отличием целого ряда кухонных сосудов.

Формы их также приходится устанавливать только по фрагментам. Здесь имеются: горшки различных форм — с широким горлом, с прямыми или почти прямыми у венчика стенками; фрагменты грушевидных сосудов; миски, среди которых интересно отметить мисочку четырехугольной формы (рис. 12—15) и мисочку с выступом-ручкой. Кроме того, встречены фрагменты двух дуршлаков (рис. 12—20, 25) и др.

Таким образом, раскоп дал три характерные для раннего Триполья группы керамики: с углубленным орнаментом, каннелированную и кухонную.

Наряду с керамическими изделиями здесь же найдено некоторое количество фрагментов глиняных статуэток людей, а также обломки рогов от статуэток животных. Большинство фрагментов принадлежит изображениям женских фигурок. Все без исключения статуэтки сидящие. Каждая имеет только одну ножку, очень плоское туловище с выступами на месте плечей и небольшой конической выпуклостью на месте головы, безо всякого обозначения лица. Все статуэтки имеют сильно выраженную стеатопигию. Одна из статуэток, вероятно, изображает мужчину, так как на ней не обозначены груди. Преобладает группа статуэток, сплошь украшенных орнаментом углубленным или спиральным (рис. 13—3), или геометрическим (рис. 13—1). Несколько статуэток имеют крайне бедный орнамент в виде одного-двух треугольников, переходящих в прямую линию, разделяющую ноги фигурки (рис. 13—5).

Ряд изображений совершенно лишен орнамента; вероятно, в свое время они были окрашены краской. Следы красной краски сохранились на статуэтке № 1288.

Почти все фигуры с углубленным орнаментом сделаны из серой массы, а неорнаментированные — из желтой. В большинстве случаев в тесте содержится примесь шамота и лишь иногда — песка.

Кроме 26 статуэток, найденных в раковинной куче, две наиболее интересные выкопаны из землянки, частично задетой раскопом 1а. Одна из них — женская фигурка, сплошь украшенная углубленным орнаментом, и, в отличие от всех указанных выше женских статуэток, имеет в плечах два сквозных отверстия для подвешивания. Вторая фигурка (рис. 13—9) из этой землянки сделана более схематично и сильно попорчена. Это — мужская фигура с перевязью через левое плечо, бедно орнаментированная неглубокими вдавлениями. Ближайшей аналогией нашей статуэтки является фигурка из Луки Врублевцевкой, опубликованная С. Н. Бибиковым¹.

Не менее интересны и находки кремневых орудий. Кремень серого цвета, употреблявшийся для изготовления орудий труда, — местного

¹ КСИИМК, вып. XXI, стр. 62, рис. 21—4, 5.

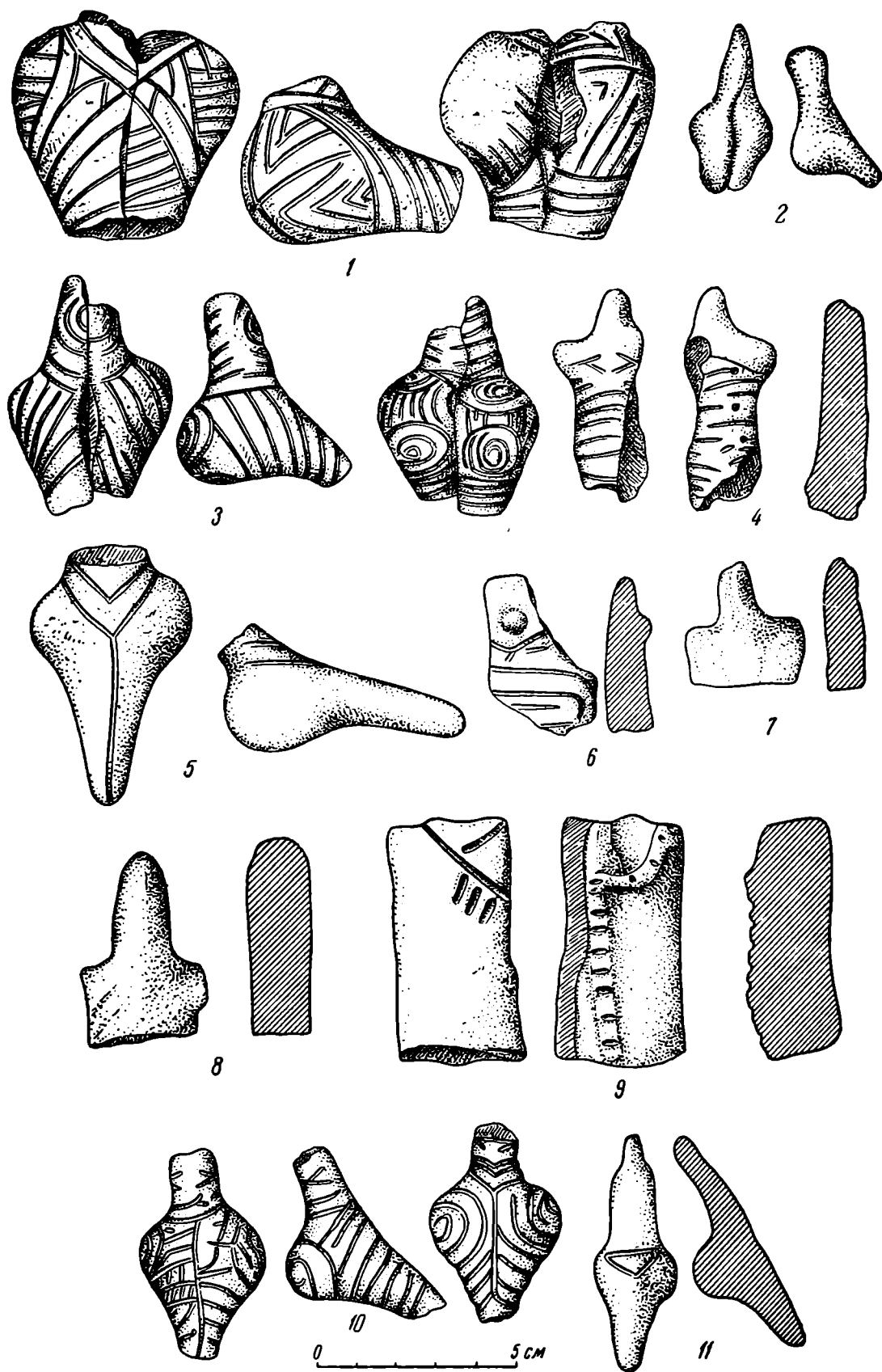

Рис. 13. Фрагменты статуэток с поселения у с. Ленковцы

происхождения и преобладает над полупрозрачным кремнем темнокоричневого цвета, встречающимся чрезвычайно редко.

Из раскопа 1а в большом количестве получены и орудия и отбросы их производства. Прежде всего нужно остановиться на находке большого числа нуклеусов. Из 36 штук — 14 имеют коническую форму (рис. 14—2), остальные — неправильно-призматическую. Некоторые из них использовались также и в качестве отбойников (рис. 14—3). Последних найдено меньше, чем нуклеусов; обычно они округлой формы. Ретушеров сравнительно мало. Один из самых интересных экземпляров сделан на ребристой пластинке с прекрасно обработанным концом (рис. 14—1).

Пластины (433 экз.) все довольно выдержанной формы с двугранной, реже с трехгранной спинкой, со слабо выраженным ударным бугорком. Большинство не имеет никакой дополнительной обработки. Довольно мало пластин и со следами употребления (всего 18 экз.). Ножей почти нет (5 экз.). В небольшом количестве встречаются и так называемые серпы (7 экз.). К сожалению, почти все они обломаны на конце. На одном сохранившемся в целости экземпляре на конце пластины имеется ретушь (рис. 14—5). На всех серпах полировка проходит под углом к лезвию. Наибольшая ширина линии полировки — 4—5 мм, затем она сходит на-нет. Серпы употреблялись в какой-то очень примитивной оправе, вероятно, из дерева. На пластинах же сделаны и кремневые проколки, отретушированные только у острия (рис. 14—4).

Среди орудий на кремневых пластинках наибольший интерес вызывают режущие инструменты в виде небольших пластин со скошенным краем, отретушированным крутой скребковой ретушью (рис. 14—8, 9). Подобные орудия известны в неолите Буга и Днепра (например, стоянка Собачки, раскопки А. В. Добровольского).

Преобладающим видом орудий на поселении являются скребки. Значительная часть их сделана на пластинах. Интересно, что целая серия скребков имеет слегка скошенный рабочий край, что в ранних поселениях встречается редко, а в поздних совсем не наблюдается (рис. 14—10). Ряд скребков с небольшим рабочим краем изготовлен на длинных узких пластинах. Довольно много экземпляров с овальным рабочим краем сделано на широких массивных пластинах (рис. 14—11). Выделяется серия скребков на небольших пластинках, почти отщепках, имеющих довольно плоский прямой или овальный крутой рабочий конец (рис. 14—14). Некоторые использованные скребки употреблялись впоследствии как ретушеры. Все они имеют сильно обкрошенные края. Скребки на отщепках самой разнообразной формы, но по характеру лезвия (рабочего края) среди них можно выделить скребки с овальным и прямым рабочим краем, а у некоторых последний имеет вид острого угла (рис. 14—13). Двойных скребков встречено лишь два (рис. 14—12). Всего с участка 1а получено 115 скребков.

В этом же раскопе найдено довольно много камней различного назначения (35 экз.) и галек с хорошо сглаженными гранями (20 экз.). У современных гончаров такие гальки применяются для лощения посуды.

Долота и тесла представлены только в виде фрагментов орудий, сделанных, по определению геолога С. И. Пастернака, из опоки бледножелтого цвета. Долота в сечении прямоугольные, почти квадратные (рис. 14—15). Тесла в сечении слегка овальные, профиль их асимметричен (рис. 14—7).

Всего на участке найдено 1345 предметов из кремня; из них только 145 приходится на орудия, остальные же 1200 являются отбросами производства. Нуклеусов — 36, осколков кремня — 133, пластин — 434 и 597 отщепов. Наличие среди находок отбойников и ретушеров позволяет говорить о мастерской кремневых орудий. Видимо, жители трипольского поселения в урочище «Гамария» выделяли кремневые орудия здесь же на месте, а отбросы производства сваливали в кучу в непосредственной близости от жилья.

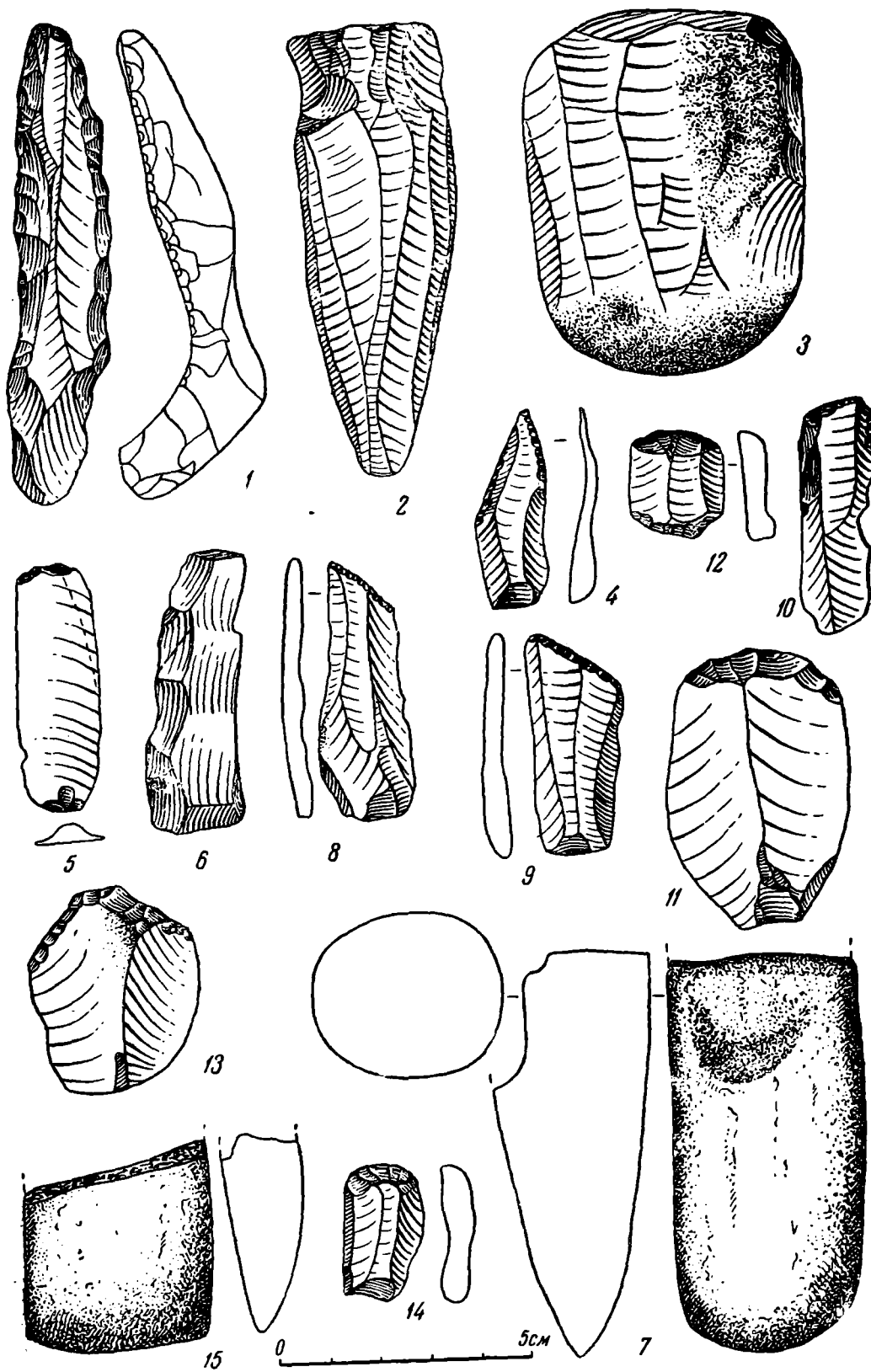

Рис. 14. Каменные орудия с поселения у с. Ленковцы

Найдены были также и изделия из кости. В большинстве своем (20 экз.) это костяные проколки с отлично отполированной поверхностью. Здесь же обнаружено несколько обломков рога оленя, видимо, употреблявшихся в каких-то хозяйственных целях (мотыги?); встречены были и пластины, сколотые с клыков кабана. Никакой обработки они не имеют, но сам факт их использования характерен для раннетрипольских поселений.

Этим исчерпывается материал культурного слоя трипольского времени в раскопе 1а. За пределами раковинной кучи и края землянки — в квадрате 7б — находок почти не было.

Раскоп 1б, заложенный на 26 м южнее рассмотренного нами участка, содержал культурный слой трипольского времени. Выбор места для этого раскопа обусловлен тем, что только здесь к началу работ были обнаружены вальки обмазки пола наземного глинобитного жилища. «Площадка» залегала на глубине 0,4—0,7 м от современной поверхности. Наиболее высоко залегавшие части жилища были растащены плугом по поверхности поля, что и помогло его обнаружить. На месте раскопа собрано значительное количество вальковой обмазки, фрагменты керамики, кости и кремнь. «Площадка» ориентирована с севера на юг. Длина ее 8 м, ширина 5 м. «Площадка» довольно сильно разрушена, особенно в центральной и южной частях. Тем не менее удалось установить в жилище наличие двух камер. В каждой имелась своя печь.

В южной камере печь сохранилась очень плохо. Сильно ошлакованные вальки ее с отпечатками лозы на поверхности содержали значительную примесь полóвы. Близ печи прослежена небольшая часть какой-то вымостки из хорошо обожженной плитчатой обмазки с примесью песка. Возможно, это остатки предпечной вымостки. Немного лучше сохранился глинобитный пол жилища. Вальки пола, крупные, с примесью полóвы, обожжены очень слабо. Лежат они в один слой. Ни основания перегородки, разделявшей обе камеры, ни входа в жилище обнаружить не удалось из-за плохой сохранности «площадки».

Северная камера сохранилась значительно лучше. Пол, вероятно, был местами земляной. Основание печи сооружено на крупных вальках пола. Под печи земляной, но выстлан камнями, растрескавшимися от жара. Рухнувшим сводом печи было раздавлено довольно много керамики — кухонной и с углубленным орнаментом. Развалом печи прикрыло также лежавшие поблизости крупные камни зернотерок с прекрасно сглаженной от работы поверхностью. Вместе с ними находились и гальки различных пород. Среди вальков развалившейся печи найдена небольшая женская статуэтка. Вероятно, она была окрашена, так как весь ее орнамент состоит только из прорисованного треугольника (рис. 13—11). Вторая найденная здесь же статуэтка украшена углубленным орнаментом по всему корпусу (рис. 13—10). Глиняная масса обеих фигурок серого цвета, с примесью шамота. Обжиг слабый.

Близ печи обнаружено скопление обломков сосудов.

Найденную керамику можно разделить на четыре группы.

I. Сосуды с углубленным орнаментом, так же как и в раскопе 1а, сделаны из серой, черной, реже — желтой массы с примесью шамота. Обжиг довольно слабый. Спиральный орнамент составлен лентами из одной-двух полосок, иногда в соединении с ямочным орнаментом. Формы: открытый сосуд, возможно, на подставке (рис. 15—1); широкогорлые сосуды со слабо отогнутым венчиком; небольшие горшочки с открытым горлом и отогнутым венчиком; фрагменты биноклевидных сосудов и ряд других.

II. Значительное количество сосудов орнаментировано как каннелюрами, так и углубленным и штамповым орнаментом. Сюда относятся: небольшие каннелированные горшочки с отогнутым наружу венчиком, пологими плечиками и небольшим дном (рис. 15—2); более крупные горшочки с резко

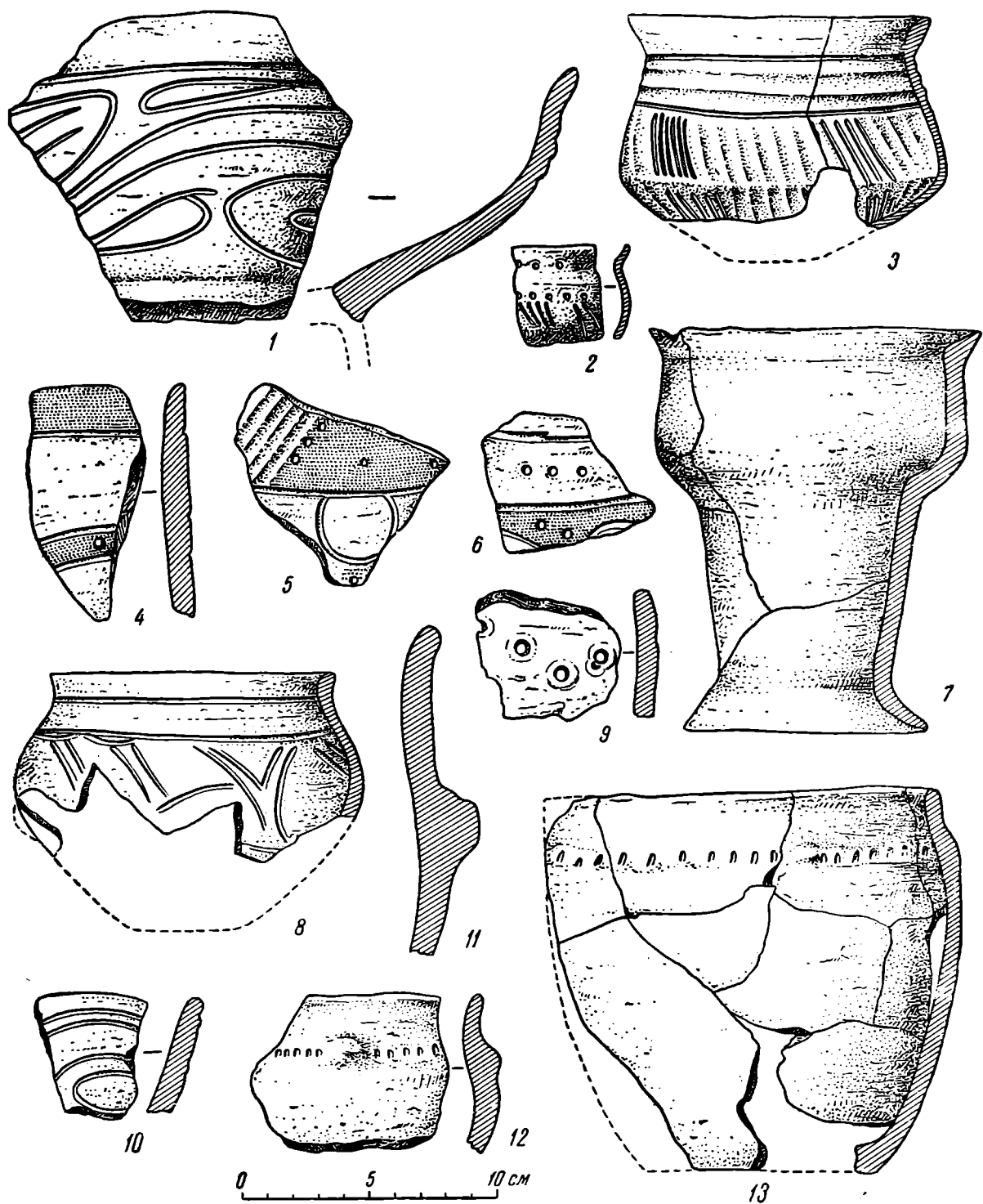

Рис. 15. Керамика с поселения у с. Ленковцы

обозначенным ребром плечей (рис. 15—3); широкогорлый открытый сосуд с прямыми стенками (рис. 15—4); поддоны некоторых сосудов. Среди фрагментов этой группы встретилось несколько экземпляров, окрашенных красной краской (рис. 15—5, 6).

III. Встречаются сосуды без орнамента. Наибольший интерес среди неорнаментированной посуды вызывает целиком склеившийся сосуд без дна в форме подставки (рис. 15—7).

IV. Среди керамики, найденной на «площадке», преобладает кухонная посуда. Сосудов из желтой и серой массы с примесью довольно крупного шамота найдено примерно равное количество. Обжиг хороший. Формы: большие открытые сосуды с почти прямыми толстыми стенками и толстым дном, наружная поверхность очень часто шероховатая и покрыта шишечками (рис. 15—11); горшочки средней величины с широким горлом, с венчиком, направленным слегка внутрь, и широким дном (рис. 15—13); сосуды с плавно отогнутым наружу краем, мягкими округлыми плечиками (рис. 15—12); фрагменты дуршлака (рис. 15—9) и т. д. Многие из кухонных сосудов орнаментированы по плечикам ямчатым или ногтевым орнаментом, а также шишечками-бугорками.

Орудий труда и отбросов производства найдено на «площадке» и возле нее несравненно меньше, чем в раковинной куче. Здесь обнаружено всего 7 нуклеусов, 3 отбойника, 7 пластин, 14 отщепов и 12 осколков. Немного здесь и орудий из кремня. Но несмотря на чрезвычайно ограниченное количество орудий, можно с уверенностью говорить об идентичности их с орудиями из раскопа 1а. Нуклеусы повторяют те же формы: призматические и конические; отбойники имеют вид круглых шаров. Из орудий труда встречены нож на пластине, три скребка и сверло на массивном трехгранном осколке кремня. Изделия из кости отсутствовали. Среди орудий из спокки имеется небольшое, хорошо отшлифованное тесло и сильно попорченное клиновидное орудие значительно большего размера.

Непосредственно близ «площадки», в квадрате 11—12к, обнаружено скопление крупных осколков (7 шт.), сбитых с желваков серого кремня. Среди них привлекает внимание грубая пикообразная заготовка какого-то кремневого орудия, что редко встречается на раннетрипольских поселениях.

Вблизи «площадки» культурный слой был довольно беден. Единичные находки встречались редко; преобладали кости и камни.

Раскоп 1в представлял собой траншею площадью 61,5 м². Между раскопами 1а и 1б в траншее вскрыто несколько землянок. Некоторые из них задеты только краем и почти не дали материала. Раскопки здесь будут продолжены.

К более позднему времени относятся обнаруженные на участке 1а две ямы вытянутой подковообразной формы. Обе они находятся вблизи раковинной кучи трипольского времени, культурный слой которой частично заполнил одну из них. Обе ямы двучастные: первая — неглубокая (0,56 м), вторая, почти вплотную подходящая к первой, имеет глубину 1,33 м. Примечательно, что в этой яме обе камеры разделены довольно высокой (0,66 м) перемычкой. Материал, полученный из ям, незначителен. По аналогии с материалом А. И. Мелюковой из раскопа 2, на том же урочище, ямы эти можно датировать раннескифским временем (VII в. до н. э.).

На участке 1а было также обнаружено 8 рядовых погребений славянского времени, датируемых Б. А. Рыбаковым X в. н. э. Все погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад. Руки были сложены на груди. Находок в погребениях нет, за исключением могилы № 3, где на грудных костях скелета найдено несколько бусин.

В пахотном слое раскопа 1а обнаружена железная поясная пряжка, датируемая X в. н. э. Возможно, что эта пряжка была задета плугом и по-

пала на поверхность одной из могил. Иного материала, с которым ее можно было бы связать, не имеется.

Как видим, находки трипольского времени из поселения у с. Ленковцы находят ближайшие аналогии в материалах с таких раннетрипольских поселений, как Озаринцы, Лука-Врублевецкая на Днестре, Сабатиновка II и Саврань на Южном Буге: те же виды керамики, тот же характер статуэток, те же формы кремневых орудий.

По аналогии с памятниками типа Извоар I поселение у с. Ленковцы в урочище «Гамария за яром» можно датировать первой половиной III тысячелетия до н. э. (3000—2600 гг.).

Рассмотренное нами поселение расположено в таких же топографических условиях — на высоком плато, как и ранее известные трипольские поселения на Днестре, Буге и Днепре.

Обнаруженные жилища также ничем не отличаются от «площадок» и землянок, ранее изученных на других поселениях. В данном случае на поселении ранней стадии развития трипольской культуры имеется сочетание жилищ как наземного, так и земляночного типа.

Характер находок раннетрипольского времени чрезвычайно выдержан. Здесь нет керамики с росписью, и лишь на отдельных фрагментах с углубленным орнаментом сохранилась окраска лент красной краской или белая инкрустация. Отмеченные выше группы керамики типичны для комплексов вещей с поселений у сел Борисовки, Греновки, Сабатиновки II, Саврани на Южном Буге, Луки-Врублевецкой, Озаринцев, Браги, Берново на Днестре и Ветилки на Пруте. Сходство форм прослеживается и в кремневом инвентаре.

Дальнейшие работы на поселении у с. Ленковцы позволят уточнить взаимоотношение открытых на нем видов жилищ и расширят наши знания в области раннего этапа трипольской культуры.

В. В. КРОПОТКИН

БЕЛЫНЕЦКИЕ КУРГАНЫ И СТОЯНКА

(К вопросу о связи среднеднепровской и фатьяновской культур)

Во время работы Деснинской археологической экспедиции в 1948 г. на левом берегу р. Десны, близ урочища Белынец, была исследована небольшая курганная группа¹, указанная учителем Вщижской начальной школы С. П. Барановым (рис. 16). Курганы расположены недалеко от дороги со станции Ржаница в с. Вщиж, в сосновом лесу, у небольшого ручья.

В группе 18 курганов, вытянувшихся разбросанной цепочкой по краю боровой террасы. Самый большой курган достигает 3 м высоты, меньшие не превышают 20—30 см и с трудом определяются на глаз (рис. 17).

В последние дни работы экспедиции были начаты раскопки двух курганов (№ 1 и 2). Исследование производилось послойно с оставлением метровой бровки, но в процессе работы мы убедились в нецелесообразности подобной методики, поскольку песчаная бровка не обладает достаточной прочностью и полный профиль получить невозможно.

К у р г а н № 1. Курган (высотой 1,5 м, диаметром 16 м) раскопан под наблюдением сотрудника экспедиции Ю. В. Кухаренко. Вся толща кургана изрезана плотными железистыми прослойками². В центре насыпи, на глубине 1,5 м от вершины, обнаружена глинистая прослойка рыжеватого цвета.

В насыпи встречены многочисленные фрагменты керамики с ямочно-зубчатым орнаментом, типичным для стоянок Десны и Сожа³. Преобладают ямки ромбической формы, но есть и круглые (рис. 18 и 19). Наряду с неолитической по облику посудой найдены обломки керамики бронзового века. Это сосуды со шнуровым и нарезным орнаментом (рис. 20—1, 5) или гладкие (рис. 20—9, 12, 14, 16, 17), отполированные, с тонкими стенками, с маленькими ручками в виде бугорка, в котором проделано отверстие (рис. 20—6). Встречены обломки плоскодонных горшков, на дне одного из них имеются отпечатки ногтей (рис. 20—18); сосуды, украшенные гладким валиком (рис. 20—13, 15) или валиком с зашипами (рис. 20—7, 8).

¹ Экспедиция работала под руководством проф. Б. А. Рыбакова, который предоставил мне материал для обработки и публикации, за что приношу ему глубокую благодарность. Пользуюсь случаем выразить признательность О. А. Граковой и М. Е. Фосс, которые просмотрели материалы раскопок и сделали ряд ценных указаний.

² Такое же явление наблюдалось на дюнной стоянке в Шелаево. См. М. Е. Фосс. Раскопки стоянок на реке Осколе. «Труды ГИМ», вып. XII. М., 1941, стр. 74, рис. 3.

³ М. В. Воеводский. Памятник каменного века на Десне. КСИИМК, вып. XXVI, стр. 24.

Сходный орнамент встречается на посуде катакомбной культуры, например, в Шелаево¹.

Кроме керамики, найдено значительное количество кремневых отщепов и орудий: скребков, ножевидных пластинок, наконечников стрел и т. п.

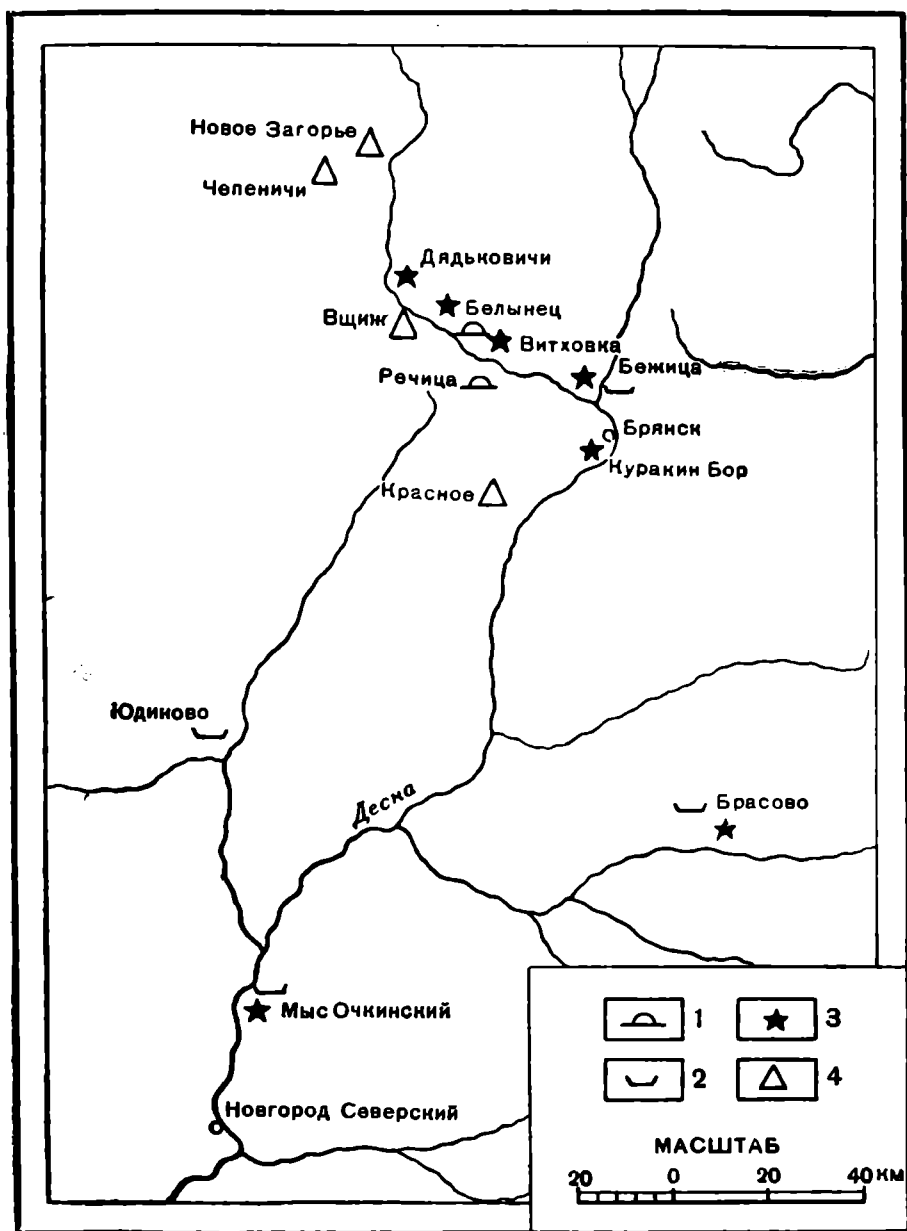

Рис. 16. Схема размещения памятников эпохи бронзы в среднем течении р. Десны

1 — курганы; 2 — могильники; 3 — стоянки; 4 — случайные находки

Выяснилось, что курганы были насыпаны на площади стоянки с культурным слоем, состоявшим, повидимому, из двух горизонтов.

Доследование кургана произведено автором статьи в 1949 г. Находки кремня и керамики встречались до глубины 2 м от вершины. Несмотря на полное вскрытие, погребение обнаружено не было. Раскопки прекращены на глубине 3,5 м.

Курган № 2. Высота кургана 0,4 м, диаметр 13 м. По общему характеру насыпи и ее содержанию курган не отличается от предыдущего, но кремневых изделий, отщепов и керамики найдено здесь значительно

¹ М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 78.

меньше, чем в остальных раскопанных курганах. На глубине 1,3 м обнаружен небольшой колоколовидный сосуд с уплощенным дном (высота 16 см, диаметр: по краю — 14 см, дна — 4 см). Поверхность сосуда гладкая, отполированная, стенки тонкие, цвет желтовато-коричневый, в изломе черный. В верхней части по горлу и плечикам сосуд небрежно орнаментирован косыми углублениями, обрамленными снизу двумя рядами ногтевых оттисков (рис. 21—1). По форме и орнаменту сосуд очень близок к керамике

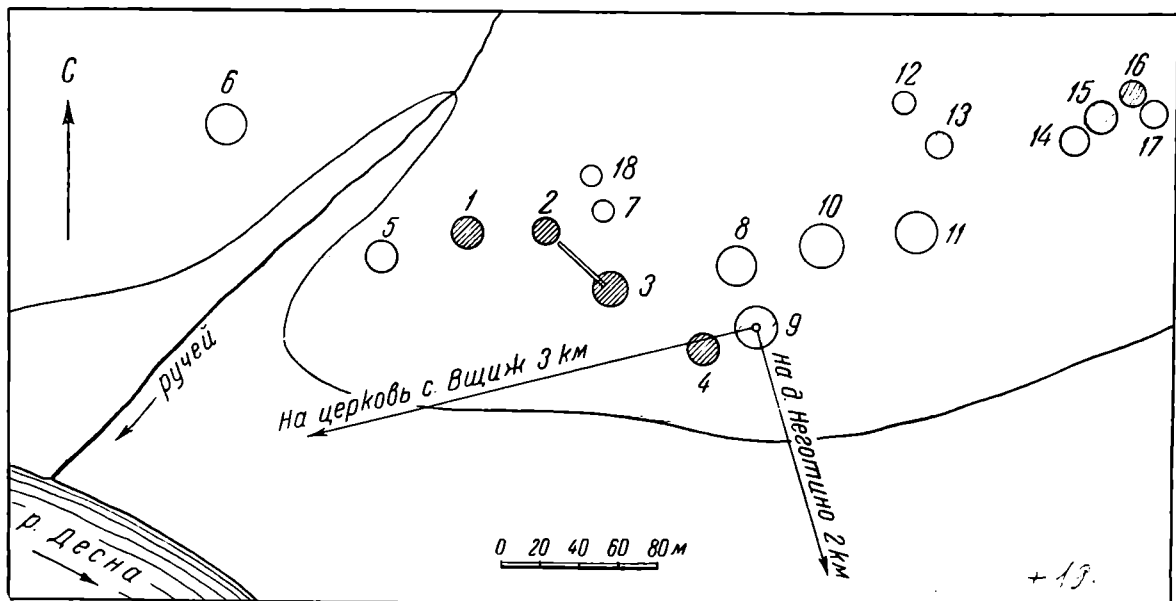

Рис. 17. План курганной группы близ урочища Бельнеж
Заштрихованы раскопанные курганы; остальные — не раскопаны

среднеднепровской культуры¹. Южнее сосуда, на глубине 1,6 м, найден прекрасный сверленный топор из зеленого камня (по классификации В. А. Городцова — лопастно-хордовый; рис. 21—3)². Длина топора 15 см, ширина в средней части 7 см. Лезвие выпуклое, свисающее небольшой лопастью книзу. Обух овальный, на спинке топора — выпуклый валик, идущий от обуха к лезвию. Западнее сосуда обнаружен клиновидный кремневый топорик с заполированным прямым лезвием, овальный в сечении (рис. 22—1). Найденная поблизости кремневая ножевидная пластина, повидимому, принадлежит к составу погребения (рис. 22—5). Такие ножи известны в целом ряде фатьяновских могильников, например, в Детчинском, Протасовском, Вауловском и др.³

Могильная яма в профиле кургана прослежена не была, но поскольку погребальный инвентарь обнаружен на 1,2 м глубже современной поверхности, очевидно, что погребение совершено в яме. Доследование кургана было произведено в 1949 г.

Курган № 3. Высота кургана 1 м, диаметр 19 м. Насыпь содержала большое количество обломков посуды (751 шт.), кремневых изделий и отщепов (43 шт.), в том числе прекрасно сделанный наконечник с пильчатым краем (рис. 23—10) и маленький черешковый наконечник стрелы (рис. 23—11). На глубине 1,25 м в центре кургана обнаружилось угольное пятно до

¹ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, рис. 10—7.

² В. А. Городцов. Культура бронзовой эпохи в Средней России. М., 1916, табл. VIII, 10.

³ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. «Труды ГИМ», вып. XII, стр. 147, табл. IV.

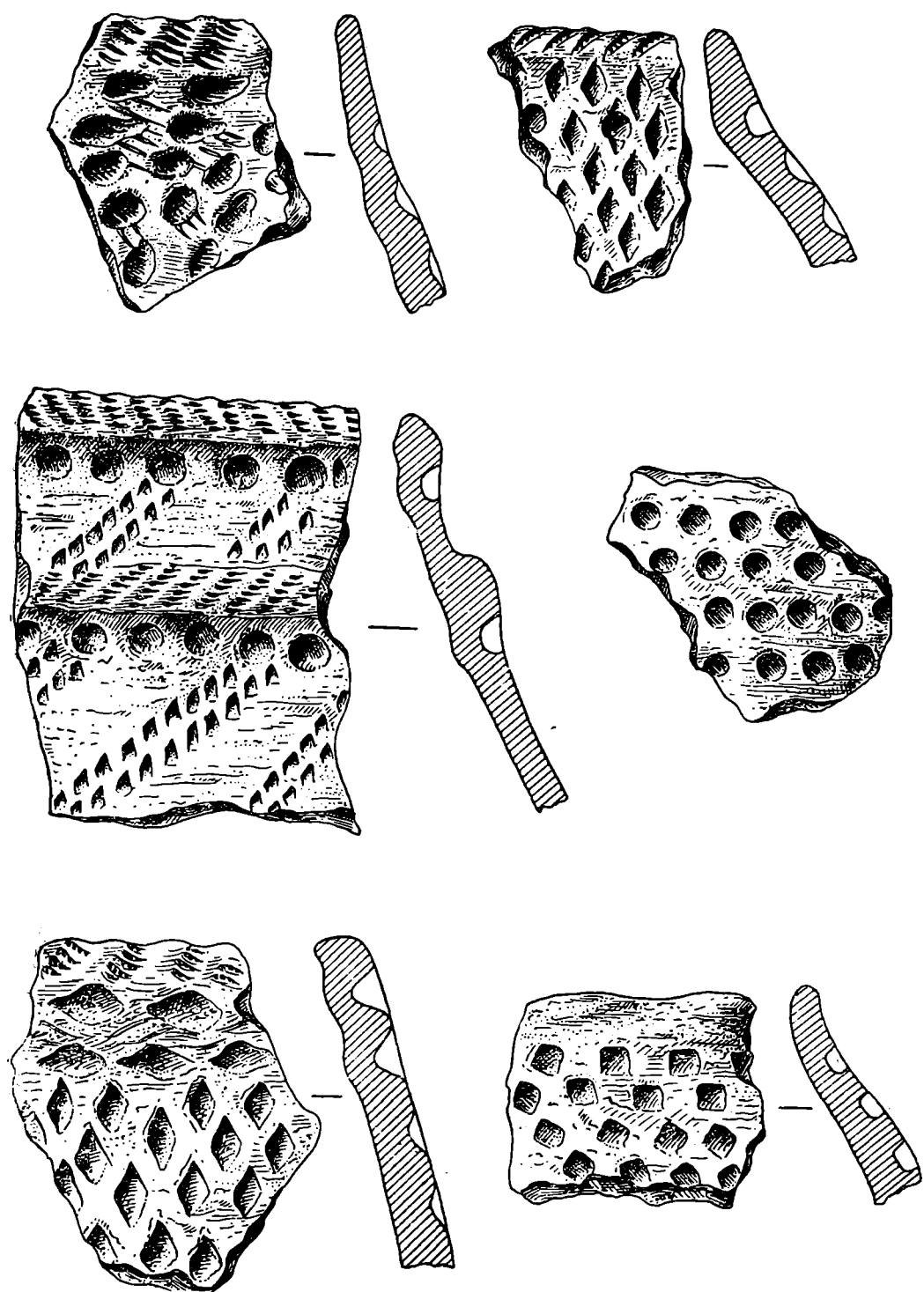

Рис. 18. Керамика Бельнецкой стоянки. Обломки сосудов с ямочно-зубчатым орнаментом из курганных насыпей ($\frac{2}{3}$ н. в.)

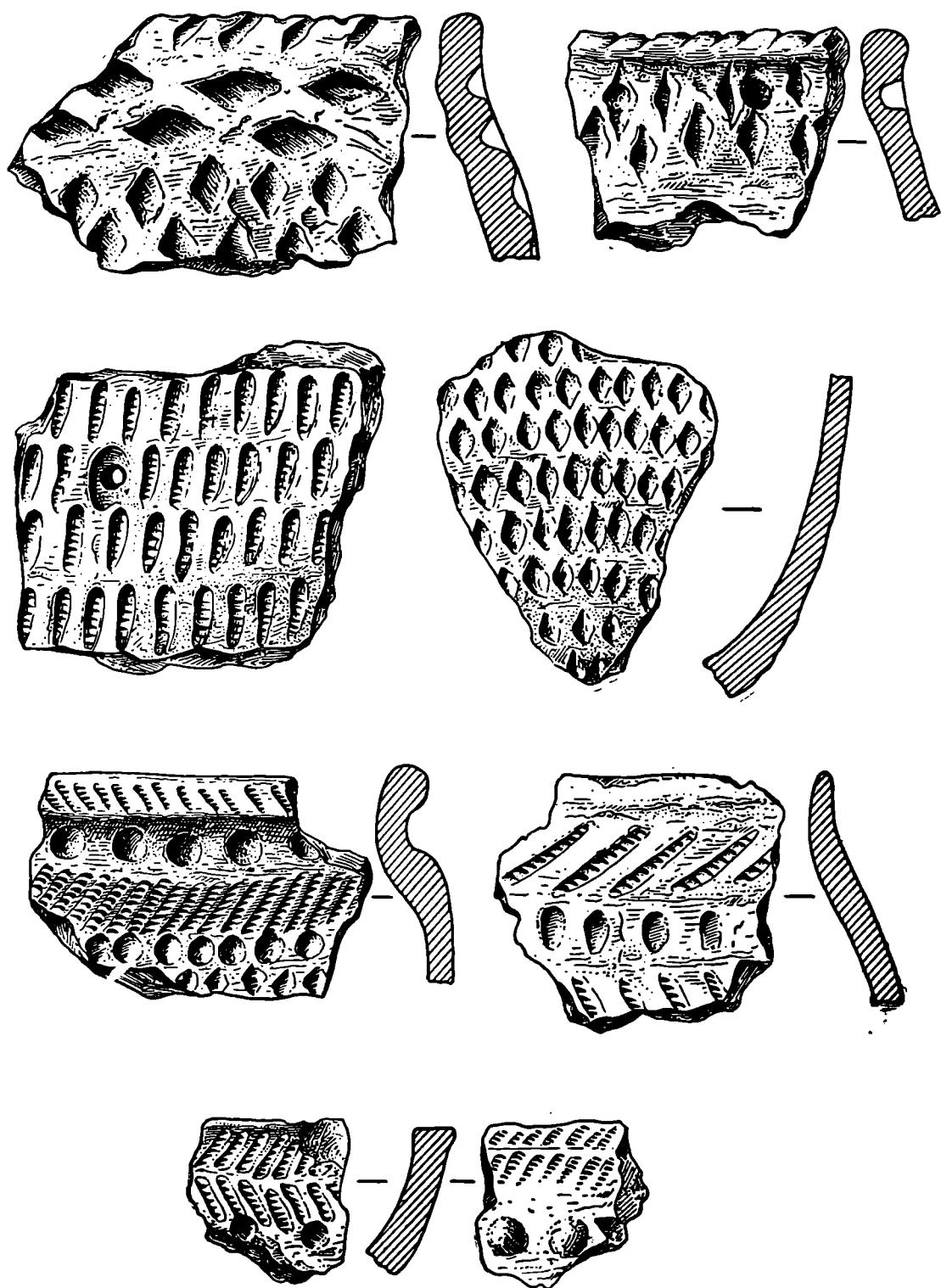

Рис. 19. Керамика Бельнедской стоянки. Обломки сосудов с ямочно-зубчатым орнаментом из курганных насыпей ($\frac{2}{3}$ н. в.)

3 м диаметром. Перегоревший слой состоял из мелких угольков, золы и черного песка. На глубине 1,4 м размеры кострища сокращаются, намечая в центре могильную яму. На 20 см глубже на светлом материковом песке резко обозначились очертания прямоугольной могильной ямы, ориентированной с запада на восток. Размеры ее 2,8 × 2 м. На дне могилы, в 1,85 м от поверхности насыпи, найдена массивная полировальная плита (наибольшие размеры 24 × 16,5 × 13 см), лежавшая плоской рабочей стороной вверх. Западнее обнаружен клиновидный топорик из черного кремня с заполированным изогнутым лезвием, прямоугольный в сечении (рис. 22—2). Еще западнее находился массивный клиновидный топор из светлокорицевого кремня с изогнутым лезвием и заполированными сторонами, прямоугольный в сечении (рис. 21—6). Длина его 13,5 см, ширина у лезвия 5 см, толщина 3 см. Аналогичный клиновидный топор из светлого кремня найден близ д. Речицы Овстуговского района Брянской области¹. В фатьяновских могильниках, например у Ивановой Горы, встречаются сходные большие клинья². Аналогии можно указать также на правобережье Днестра, в области волянской мегалитической культуры, например в Суемцах³.

В 60 см южнее маленького топора обнаружен лопастный сверленный топор из зеленого камня. Лезвие топора изогнуто, спинка плоская, хорошо отполированная, обух округлый, немного расширенный. Длина топора 14,2 см, наибольшая ширина 6 см (рис. 21—4).

Никаких следов костяка, как и в предыдущих курганах, не обнаружено. Выделить горизонт погребенной почвы не удалось, так как курган был насыпан на культурном слое стоянки, который по цвету и составу находок ничем не отличается от насыпи, но угольное пятно, повидимому, соответствует погребенному слою почвы. Явных следов костра над засыпанной могильной ямой не прослежено; возможно, что остатки костра, разведенного в стороне, были перенесены и насыпаны над погребением. О кострищах, связанных с погребениями Брасовского могильника, упоминает А. А. Спицын⁴. В Вауловском могильнике над одной могильной ямой обнаружен мощный слой золы и угля. Это погребение (№ 7) выделяется по богатству своего инвентаря⁵. То же можно сказать о погребении кургана № 3, инвентарь которого отличается по богатству от инвентаря других раскопанных курганов.

Курган № 4. Высота кургана 1 м, диаметр 16 м. Насыпь состояла, как и в других случаях, из культурного слоя стоянки и дала большое количество фрагментов различной керамики (661 шт.), кремневых орудий и отщепов (56 шт.). В насыпи найдены обломки сосуда с орнаментом из двух рядов соприкасающихся сторонами треугольников, заштрихованных параллельными полосками (рис. 20—1, 4). Такой орнамент встречается на сосудах гатнинской группы среднеднепровской культуры, а также на сосудах бронзового века, найденных на стоянках в бассейне Десны и Сожа⁶.

На глубине 1,2 м в центре кургана обнаружен сверленный обушковый из зеленого камня топор с небольшим валиком на брюшке, круглым обухом и выпуклым лезвием (рис. 21—5). Длина топора 10 см, ширина 5 см. Несколько южнее найден кремневый клиновидный топорик с прямым

¹ Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Разведки в районе Брянска. «Труды секции археологии РАНИОН», т. IV. М., 1928, стр. 382.

² К. Виноградов. Три этапа культуры у Ивановой горы на р. Рузе. М., 1929, стр. 20, рис. 7.

³ И. Левицкий. Пам'ятки мегалітичної культури на Волині. «Антропологія», т. II. Київ, 1929, табл. II, рис. 13.

⁴ А. А. Спицын. Новые сведения о медном веке в средней и северной России. ЗОРСА, т. VII, вып. 1. СПб., 1905, стр. 73.

⁵ Д. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 111.

⁶ Т. С. Пассек. Указ. соч., рис. 11—14; М. В. Воеводский. Указ. соч., стр. 26, рис. 8; И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский. КСИИМК, вып. XXXI, стр. 132, рис. 44.

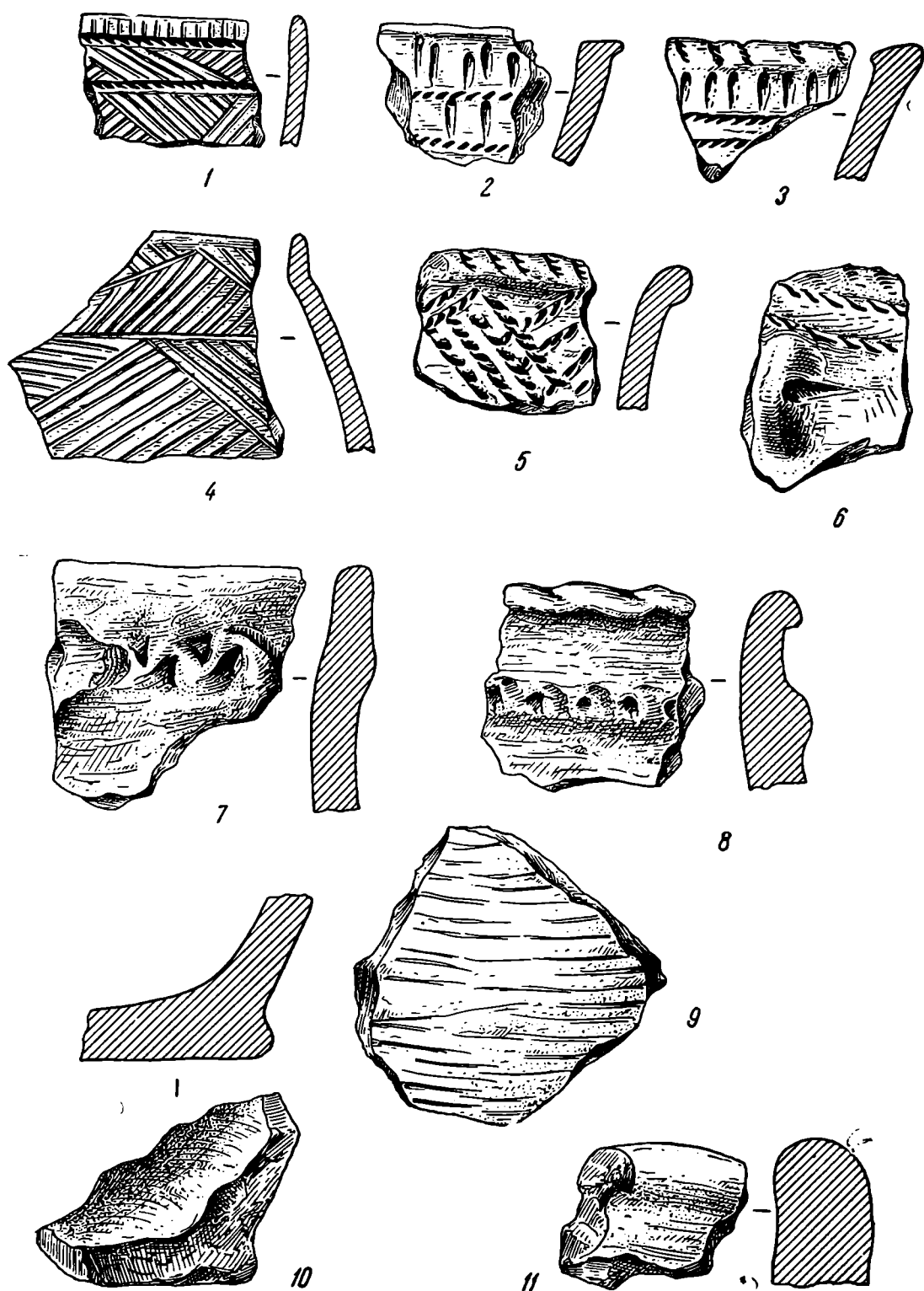
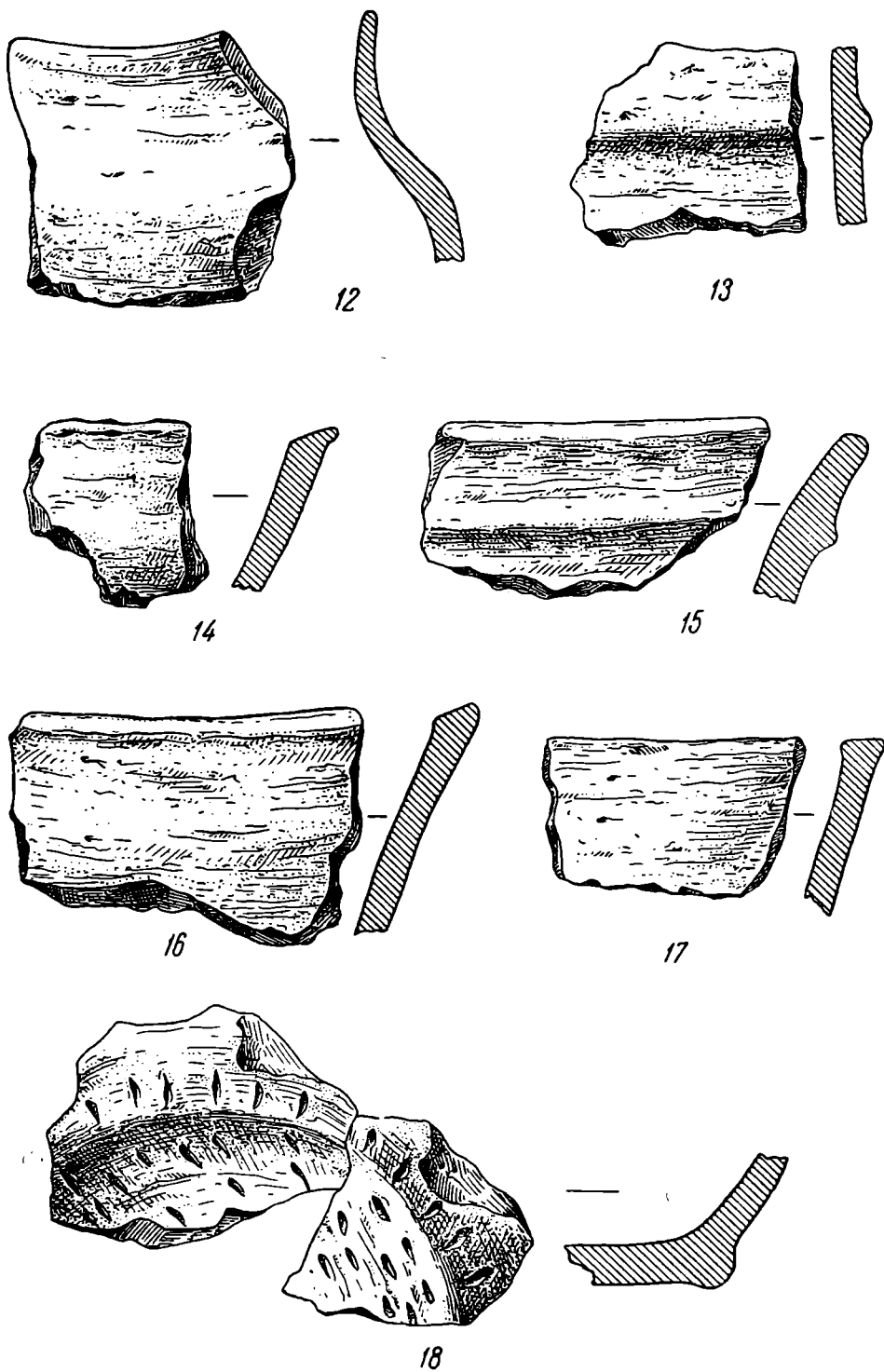

Рис. 20. Фрагменты керамики

1-5 — со шнуровым и нарезным орнаментом; 6 — с ручкой; 7, 8 — с валяком
 (1, 4, 6, 7, 9, 12, 15, 18 — из курганных насыпей;

Белынецкой стоянки ($\frac{2}{3}$ н. в.)

и защипами; 9–12, 14, 16, 17 — без орнамента; 13, 15 — с валяком
 2, 3, 5, 8, 10, 11, 13, 14, 16, 17 — из траншеи)

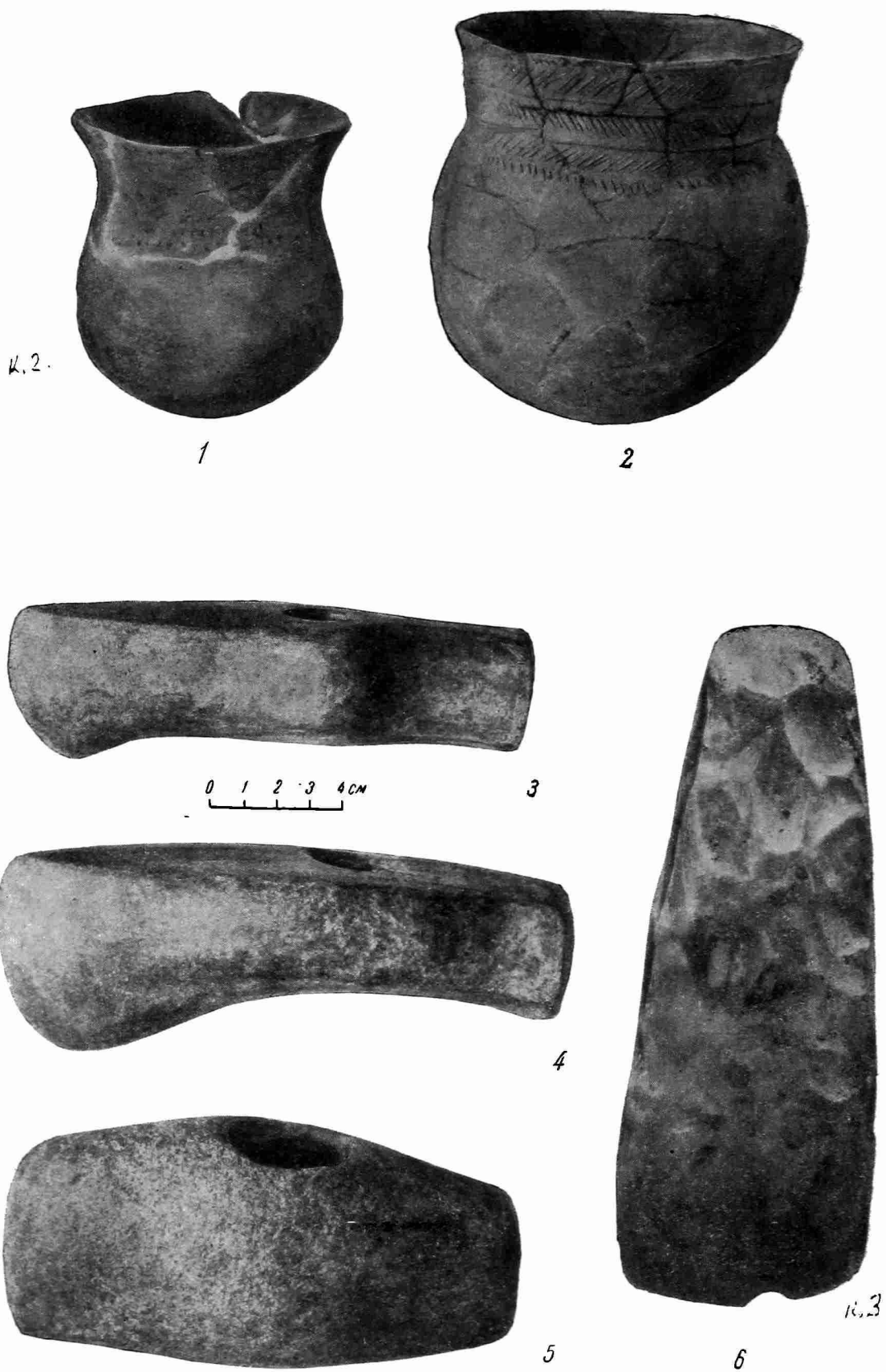

Рис. 21. Горшки и каменные топоры из Бельнецких курганов (2/3 н. в.)
 Горшки: 2 — из кургана № 4; 1 — из кургана № 2; топоры: 3 — лопастно-торцовый из кургана № 2;
 4 — лопастный из кургана № 3; 5 — обушковый из кургана № 4; 6 — клиновидный кремневый из кургана № 3

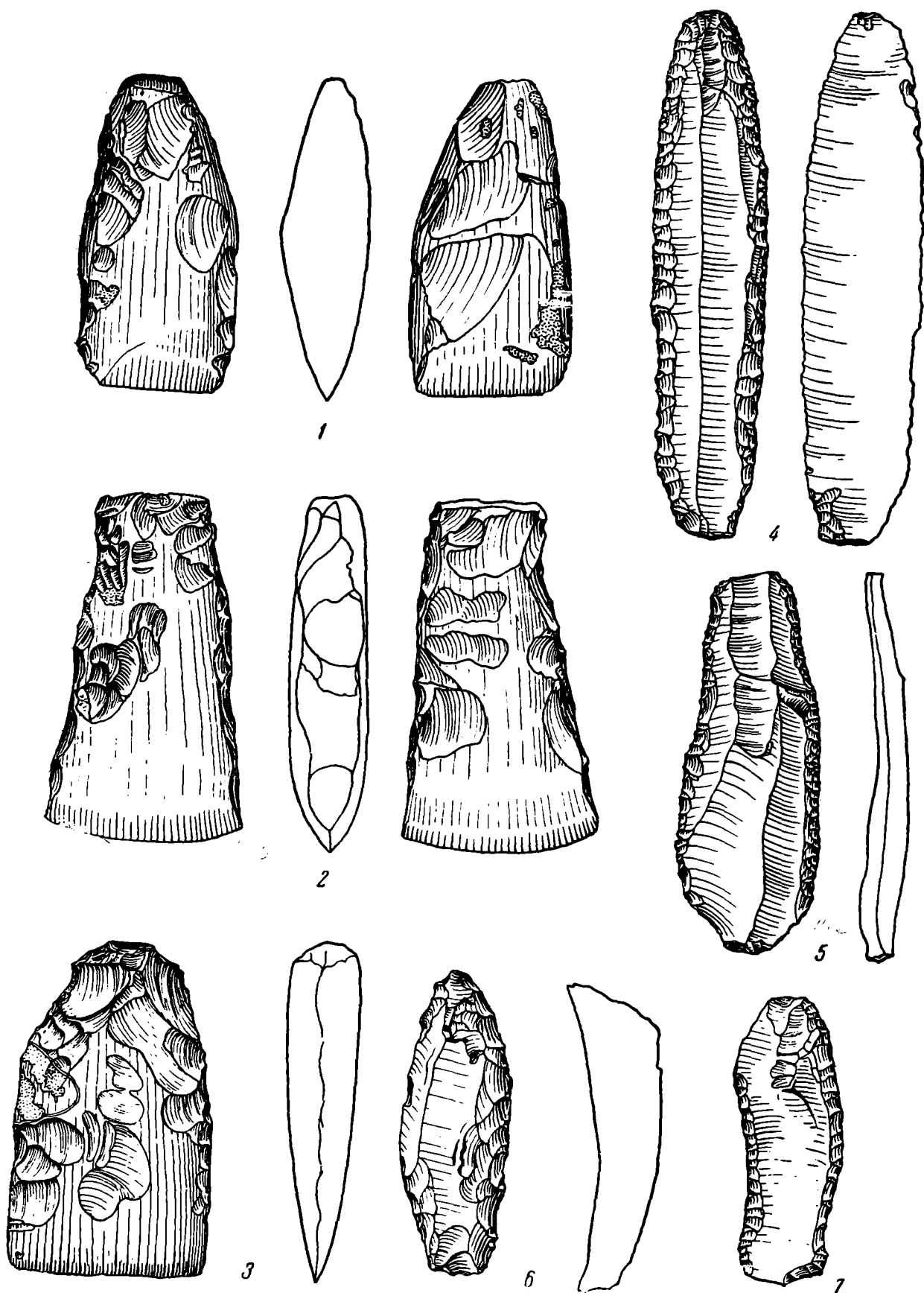

Рис. 22. Кремневый инвентарь Бельнецкой стоянки и курганов ($\frac{2}{3}$ н. в.)
 1, 5 — из кургана № 2; 2, 7 — из кургана № 3; 3, 6 — из кургана № 4; 4 — из стоянки

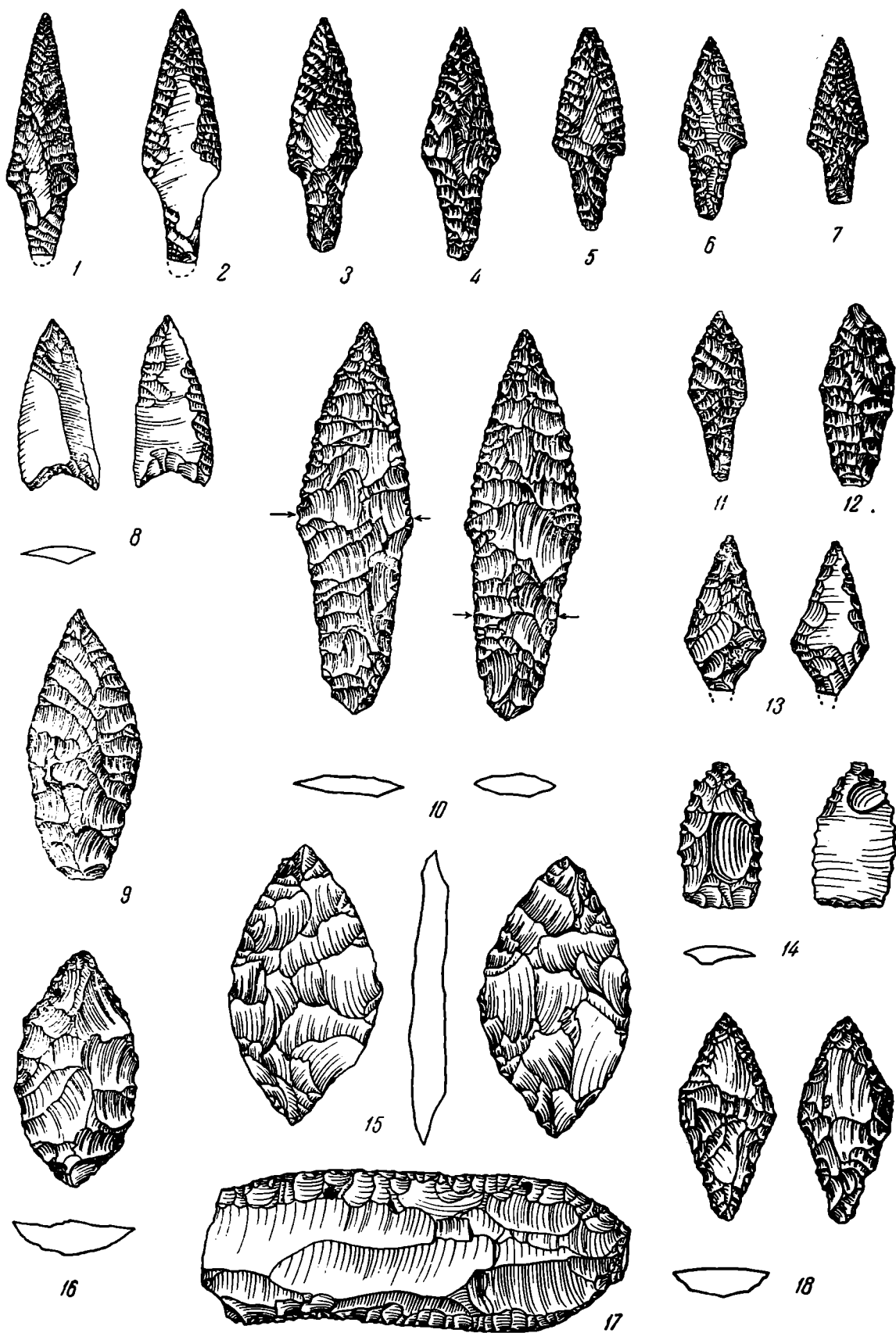

Рис. 23. Кремневый инвентарь Бельнецкой стоянки и курганов (2/3 н. в.).
 Пояснения — в тексте

заполированным лезвием, линзовидный в сечении (рис. 22—3). Юго-восточнее его находился большой круглодонный шаровидный сосуд с немного расширяющимся горлом (рис. 21—2). Высота сосуда 20 см, диаметр по краю 18 см, высота горла 4,5 см. Стенки очень тонкие, утолщающиеся ко дну, поверхность хорошо заглажена, глина светлорыжевого цвета, в изломе светлая. Сосуд украшен по горлу и плечикам рядами косых углублений, разделенных двумя горизонтальными линиями и обрамленных косыми насечками. Сосуд разбит еще в древности и найден в обломках. Восточнее сосуда на глубине 1,3 м встречено семь черешковых наконечников стрел (рис. 23—1—7). Они изготовлены на пластинках, обработанных тонкой косой ретушью; один наконечник из светложелтого кремня, остальные шесть — из черного. Длина их 3,5—5,3 см. Аналогичные наконечники стрел найдены в двух погребениях Буньковского могильника близ г. Ногинска Московской области¹.

Более близкие по территории аналогии встречены в Детчинском могильнике близ г. Калуги, где в одном погребении найдены три наконечника стрел², и в могильнике у Ивановой Горы, где наконечники обнаружены в двух погребениях (№ 1 и 3)³. О наконечниках стрел из Брасовского могильника пишет А. А. Спицын⁴, но, к сожалению, форма их неизвестна. Наконечники из Балановского могильника значительно отличаются от найденных нами укороченными пропорциями и формой черешка⁵.

Если в предыдущих курганах погребения были совершены в могильных ямах, то в этом кургане погребальный инвентарь находился на горизонте. Находки фрагментов ямочно-зубчатой керамики и кремня встречаются несколько глубже погребального инвентаря.

Культурный слой древней стоянки был перекрыт курганной насыпью и поэтому довольно хорошо сохранился до нашего времени.

Для изучения культурного слоя стоянки от кургана № 3 в направлении кургана № 2 была заложена траншея 32 м длины и 2 м ширины. Находки мелких фрагментов керамики встречаются в верхнем слое песка до глубины 20—30 см. По цвету культурный слой стоянки ничем не отличается от материкового песка. В 16 квадратах (2 × 2 м) обнаружено 899 фрагментов. Среди находок преобладают обломки гладкостенных сосудов с толстым плоским дном, глина содержит значительное количество дресвы, стенки сосудов плохо заглажены. Здесь же встречены отдельные фрагменты керамики эпохи бронзы (рис. 20—2, 3, 5).

Ямочно-зубчатая керамика найдена в двух крайних юго-восточных квадратах, врезавшихся в насыпь кургана № 3. Кремневых изделий и отщепов на площади стоянки почти не встречено.

Все изложенное убеждает в том, что культурный слой древней стоянки (III тысячелетия до н. э.) был срыт при сооружении курганов, а обильный керамический и кремневый материал в перемешанном виде оказался в курганных насыпях. Повидимому, между курганами культурный слой был вычерпан полностью, так как сопоставление материала из курганных насыпей с керамикой стоянки убеждает в его одновременности. После сооружения курганов жизнь на стоянке возобновилась, и между курганами отложился новый культурный слой (конец II — начало I тысячелетия до н. э.).

Белынецкие курганы и стоянка — интереснейший памятник для изучения энеолита и бронзы бассейна Верхнего Днепра и Десны. До последнего

¹ Раскопки 1950 г., материал не опубликован. За любезное ознакомление с ним приношу благодарность А. Я. Брюсову.

² К. Я. Виноградов. Новые данные о памятниках фатьяновского типа. ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 74, рис. 3.

³ К. Виноградов. Три этапа культуры..., стр. 18 сл., рис. 5, 6, 11.

⁴ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 73.

⁵ О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии. СА, VI. М.—Л., 1940, стр. 72, рис. 12, 4.

времени в этом районе были известны отдельные памятники эпохи бронзы, открытые случайно при земляных работах: Брасовский¹ и Бежицкий могильники²; так же случайно найдены шаровидная амфора, два больших клиновидных топора и полировальная плита (в пойме Десны у д. Речицы Овстуговского района³) и полированные топоры, кремневые клинья и круглодонные сосуды (в с. Красном, пос. Новое Загорье и д. Чепеничи быв. Бежицкого уезда Брянской области⁴; см. рис. 16). В литературе отмечено, что на ряде стоянок с ямочно-зубчатой керамикой (например, Куракин Бор и др.) встречаются отдельные находки, типичные для фатьяновской культуры⁵. В 1947 г. на стоянке Мыс Очжинский, на левом берегу Десны, севернее г. Новгород-Северского, было раскопано погребение, содержащее клиновидный кремневый топорик и четыре целых сосуда⁶. Некоторые исследователи относили эти находки к фатьяновской культуре. В последнее время О. А. Гракова писала по этому поводу: «Немногочисленный материал, происходящий из этих мест, дает возможность предполагать, что здесь мы имеем дело не с вариантом фатьяновской культуры, а может быть, с другой, самостоятельной культурой»⁷. Т. С. Пассек относит эти находки к особой, днепро-деснинской группе среднеднепровской культуры⁸.

Сложная стратиграфия Бельнецкой стоянки позволяет установить относительную хронологию различных памятников бассейна Десны, а интересный инвентарь раскопанных курганов связать как с областью распространения среднеднепровской культуры, так и с московской группой памятников фатьяновской культуры. С одной стороны, курганный обряд погребения, колоколовидная форма и орнаментация сосудов рядом заштрихованных треугольников характерны для погребальных памятников среднеднепровской культуры, с другой стороны, лопастные сверленные топоры и черешковые наконечники стрел типичны для фатьяновских погребений Волго-Окского междуречья.

В области верхней Десны происходило, повидимому, смешение среднеднепровских и фатьяновских племен, что и отразилось на погребальном ритуале пограничного района. Это и неудивительно, поскольку во II тысячелетии до н. э. здесь проходила граница леса и степи, о чем свидетельствует почвенная карта: деградированный чернозем на левом берегу Десны доходит до современного Вщижа.

Древний горизонт Бельнецкой стоянки с ямочно-зубчатой керамикой по характеру кремневых орудий (наконечник с пильчатой ретушью, черешковый наконечник стрелы и наконечник с выемкой в основании, большие ножевидные пластины, массивные скребки с крутой ретушью — рис. 24) относится к эпохе энеолита, повидимому, ко второй половине III тысячелетия до н. э.⁹

В конце III или в начале II тысячелетия до н. э. в этом районе произошло столкновение двух различных культур. С юго-запада или запада сюда проникли племена, известные нам по фатьяновским могильникам и

¹ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 73; Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 46, рис. 14, 1 и 2.

² Д. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 142.

³ Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Указ. соч., табл. XXII, рис. 2; Т. С. Пассек. Указ. соч., рис. 14, 4.

⁴ С. Деев. Археологические памятники Брянской губ. «Материалы к доистории Центрально-промышленной области». М., 1927, стр. 32.

⁵ Д. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 142; Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Указ. соч., стр. 386—388.

⁶ И. Г. Розенфельдт. Указ. соч., стр. 130—133.

⁷ О. А. Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, стр. 23.

⁸ Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 48.

⁹ М. Е. Фосс. О терминах «неолит», «бронза», «культура». КСИИМК, вып. XXIX, стр. 42 сл.

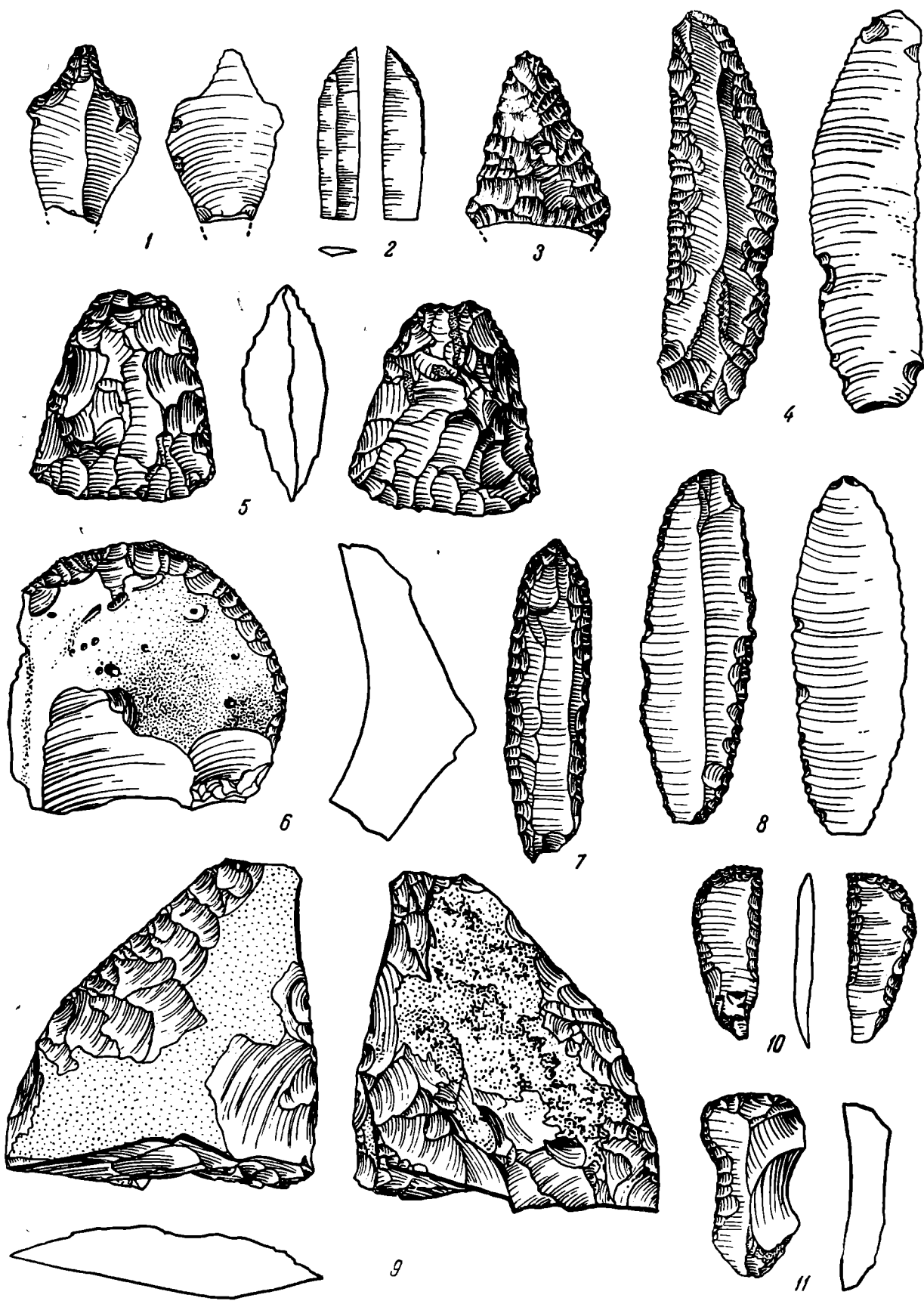

Рис. 24. Кремневый инвентарь Бельнецкой стоянки (2^е/₃ н. в.)

1, 3, 10, 11 — из кургана № 3; 2, 4, 5, 6, 9 — из кургана № 4; 7 — из кургана № 2; 8 — из кургана № 1

среднеднепровским курганам бронзового века. Возможно, что это расселение на северо-восток стояло в какой-то связи с постепенным движением трипольских племен на северо-восток вплоть до бассейна р. Тетерева и низовьев Десны. Люди, хоронившие в Бельнецких курганах, повидимому, оттеснили первоначальное население, а древний культурный слой стоянки был почти сплошь выбран при сооружении насыпей.

Но пришлое население, надо думать, обитало некоторое время на этих заброшенных стоянках, о чем свидетельствуют многочисленные обломки сосудов бронзового века на ряде энеолитических стоянок района, в том числе и на Бельнецкой¹.

Кроме того, отдельные фрагменты сосудов, украшенных шнуровым орнаментом, встречены и на правом, высоком берегу Десны, например на Юхновском городище (Благовещенская гора у с. Вщиж Жуковского района Брянской области)².

На основании одного памятника трудно делать более широкие заключения. Но уже теперь ясно: стоянки бронзового века с керамикой, украшенной шнуровым и нарезным орнаментом, близкой к среднеднепровской и фатьяновской посуде, на Десне найдены. Древнейшими курганами средне-русских лесов мы можем теперь считать Бельнецкие курганы на Десне, под Брянском, которые можно датировать концом III — первыми столетиями II тысячелетия до н. э. Они приблизительно на 500 лет старше известных Абашевских курганов.

---

¹ Д. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 142.

² Б. А. Рыбаков. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. КСИИМК, вып. XXXVIII, стр. 35.

А. Н. ЛИПСКИЙ

АФАНАСЬЕВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ХАКАССИИ

Целая система горных отрогов Кузнецкого Алатау, образующих бассейны рек Еси и Аскиза, то круто, то полого, рядом уступов-террас опускается в долину р. Абакана.

В предустьевом пространстве р. Аскиза эти террасы прорезаны более или менее глубокими лощинами, между которыми лежат возвышенные площадки. У подошвы террас, к северо-востоку и юго-западу от низовьев р. Аскиза, расстилается слегка всхолмленная степь (рис. 25). Степь и ограничивающие ее террасы густо заполнены курганными и бескурганными древними погребениями всех эпох (на полях колхоза с. Бельтыры их насчитывается 150 на 1 км²). В расположении разновременных погребений наблюдается определенная закономерность. Так, погребения карасукского времени располагаются только по долине реки, погребения афанасьевского времени встречаются в пределах очерченной территории только на надпойменной террасе¹, причем они нередко прорезаются более поздними, расположенными по всем горизонтам погребениями, особенно тагарскими.

Судя по надкурганным каменным сооружениям, мы приступили к раскопке явно тагарского погребения (рис. 26—1). Оно было расположено на первой надпойменной террасе р. Аскиза.

Съемка земляной насыпи обнажила оригинальное тагарское каменное сооружение (рис. 26—2а). Подобного рода сооружение мною было впервые

Рис. 25. Местонахождение афанасьевского могильника

¹ Афанасьевский могильник на нижней надпойменной террасе правого берега р. Сыды к западу от с. Сыд отмечает С. В. Киселев (С. В. Киселев. «Афанасьевские» курганы у с. Сыды и Теси. СА, т. II, 1937, стр. 71; его же. Древняя история Южной Сибири, 1949, стр. 22).

обнаружено при раскопке позднеатагарского кургана у разъезда Чартыжова, в 7 км к востоку от места настоящей раскопки.

При зачистке подошвы насыпи в юго-западном углу погребения было обнаружено нарушение почвы и несколько камней. На этом участке, на глубине около 20 см от подошвы, вскрыт прямоугольный каменный ящик из

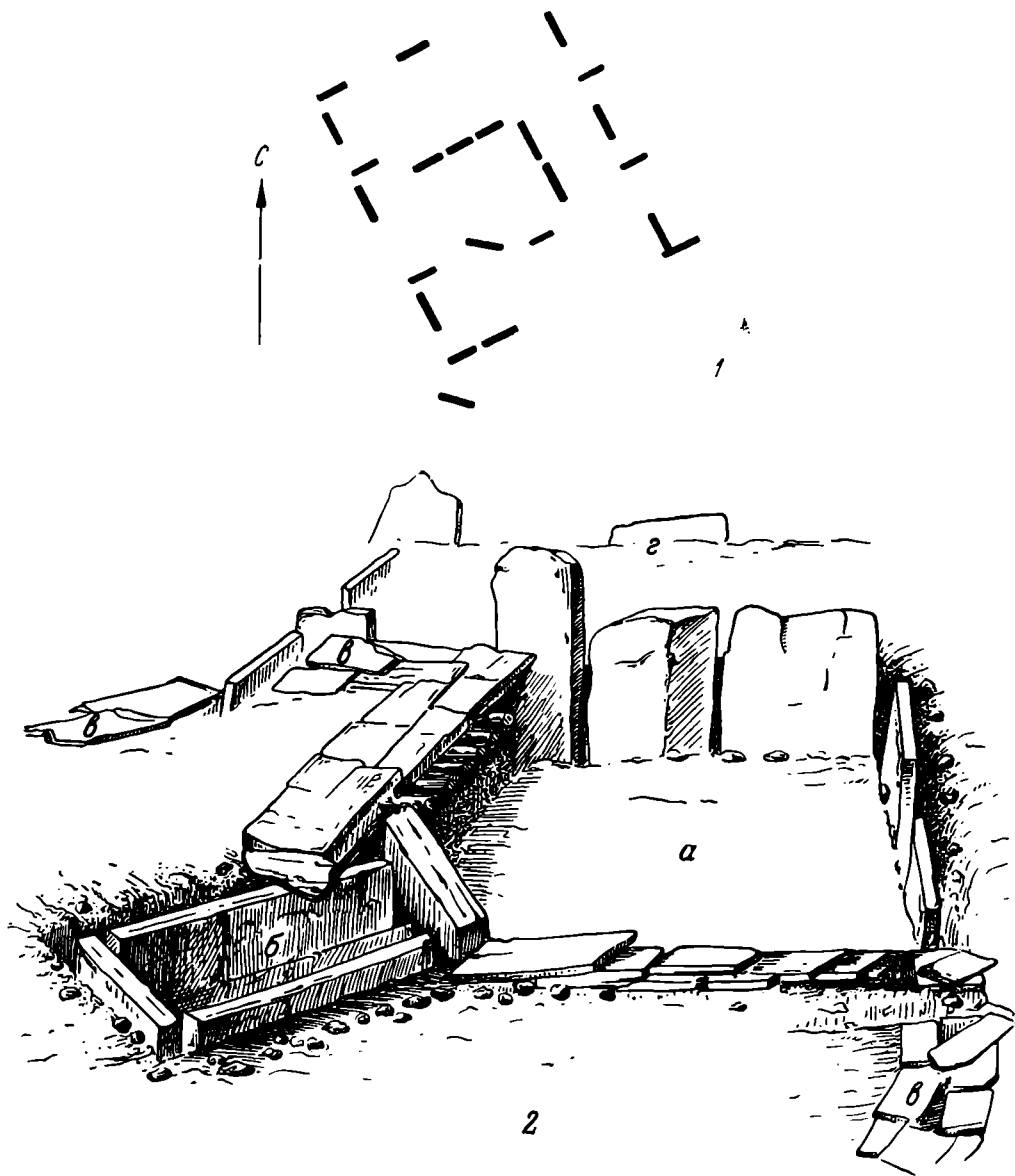

Рис. 26. Погребения афанасьевского могильника

1 — план каменных сооружений тагарского бескурганного погребения; 2 — общий вид каменного сооружения тагарского погребения (а, з), афанасьевского гроба-ящика (б) и остатков кольцевой оградки (в)

вертикально поставленных плит, ориентированный с ССВ на ЮЮЗ. Плиты, из которых он сложен, были более массивны, чем у тагарского погребения этого кургана (рис. 26—26). Размеры каменного ящика: длина 1,48 м, ширина 70—80 см, высота плит, образующих ящик, 60—70 см, толщина их 12—15 см. Широкой стороной ящик-гроб был обращен к югу. Это обстоятельство, а также и положение найденного в ящике куска плечевой кости дают основание думать, что покойник был положен головой на юг.

Устройство каменного ящика и его почти южная ориентировка напоминают андроновское погребение, раскопанное мною в 1946 г. в с. Усчуль, на

р. Тее, где встречена та же ориентировка и такие же массивные плиты стенок и покрытия ящика.

От восточного и западного углов каменного тагарского сооружения¹, на глубине около 20 см, несколько выше уровня древней почвы, отходила каменная дугообразная кладка из плит, положенных плашмя (рис. 26—2в). Центром этого круга был малый прямоугольник из выступавших торцом из-под земли плит. Это, очевидно, были остатки каменной оградки погребения более ранней эпохи, разрушенного тагарцами. Диаметр круга-оградки достигал почти 10 м.

Вскрытие каменного ящика и прилежавших к нему участков тагарского погребения показало, что северный конец ящика был разрушен и к торцам его продольных стен была привалена массивная плита (12 см толщины) подпрямоугольной формы, размером 1,25 × 0,85 м, служившая, очевидно, покрытием гроба (рис. 26—2б).

Содержание ящика-гроба, видимо, выброшено еще тагарцами; в южном конце каменного ящика найдено несколько небольших обломков глиняного сосуда с елочным орнаментом и куски плечевой кости человека.

К востоку от северного конца каменного ящика, на глубине 80 см от подошвы курганной насыпи, у южной стенки и на дне выемки тагарского времени, среди кучи небольших каменных плит найдены куски разбитого крупного глиняного сосуда с таким же орнаментом и из того же материала, что и обнаруженные в ящике. Очевидно, это части одного и того же сосуда, разбитого и выброшенного грабителями. Реконструкция сосуда дала форму типично афанасьевского остродонного горшка. Характерна и его орнамента. Сосуд имел ярко выраженную шейку с четко оформленным плечом. Венчик, высотой 12 мм, покрыт косыми, справа влево, глубокими штрихами, нанесенными, повидимому, концом ножа. Под венчиком, по нижней части шейки (16 мм), нанесены три бороздки, а ниже, по плечу сосуда, — полоса орнамента в елочку, шириной 4 см. Под нею — группы из трех вертикальных черточек: две выше и одна под ними (рис. 27—1). Эти черточки нанесены движением острия ножа сверху вниз: нижние концы имеют острое сужение, верхние — почти прямоугольны. Полоса елочного орнамента, опоясывающая сосуд, местами прерывается, но продолжение ее проходит или в том же направлении, или же наклон штрихов идет встречно.

Размеры сосуда: диаметр по венчику около 28 см, наибольший диаметр 32—33 см, высота около 50 см, толщина стенки по венчику 9 мм, толщина у основания шейки 7 мм, на линии наибольшего диаметра 9—10 мм, у острия дна 15 мм. Глина хорошо отмучена; после обжига она приобрела черный или темносерый цвет. Стенки заглажены, видимо, травой, так как заметны тонкие горизонтальные штрихи, но усматриваются штрихи и более глубокие и широкие, нанесенные каким-то предметом, возможно лоуилом, направление этих штрихов иногда наклонное. Сосуд употреблялся для варки пищи, о чем свидетельствуют закопченность и обильное отложение накипи на внутренней стороне стенки и снаружи — по плечу вдоль венчика.

В 12 м к юго-востоку от раскопанного погребения был расположен еще один невысокий курганчик, достигавший в северной части 80 см, в южной же плавно сливавшийся с несколько наклонной поверхностью террасы.

Исследованные в этом кургане погребения расположены на широкой террасе северного склона небольшого хребта и по восточную сторону его отрога.

Курганная насыпь выгнута (до 8 м), но не с юга на север, как это чаще всего наблюдается в курганах окрестной степи, а с востока на запад,

---

¹ Описание части раскопанного кургана, относящейся к тагарскому времени, будет дано в другом месте, здесь же я ограничиваюсь только памятником афанасьевского времени.

причем восточная часть несколько шире западной, меридианный диаметр курганчика приблизительно на 1 м короче¹. Так же как в описанном выше кургане, при раскопке этой насыпи была обнаружена каменная оградка, состоящая из отдельных камней, поставленных на ребро; в плане она квадратна и вписана в окружность кургана, но ближе к его восточному сектору.

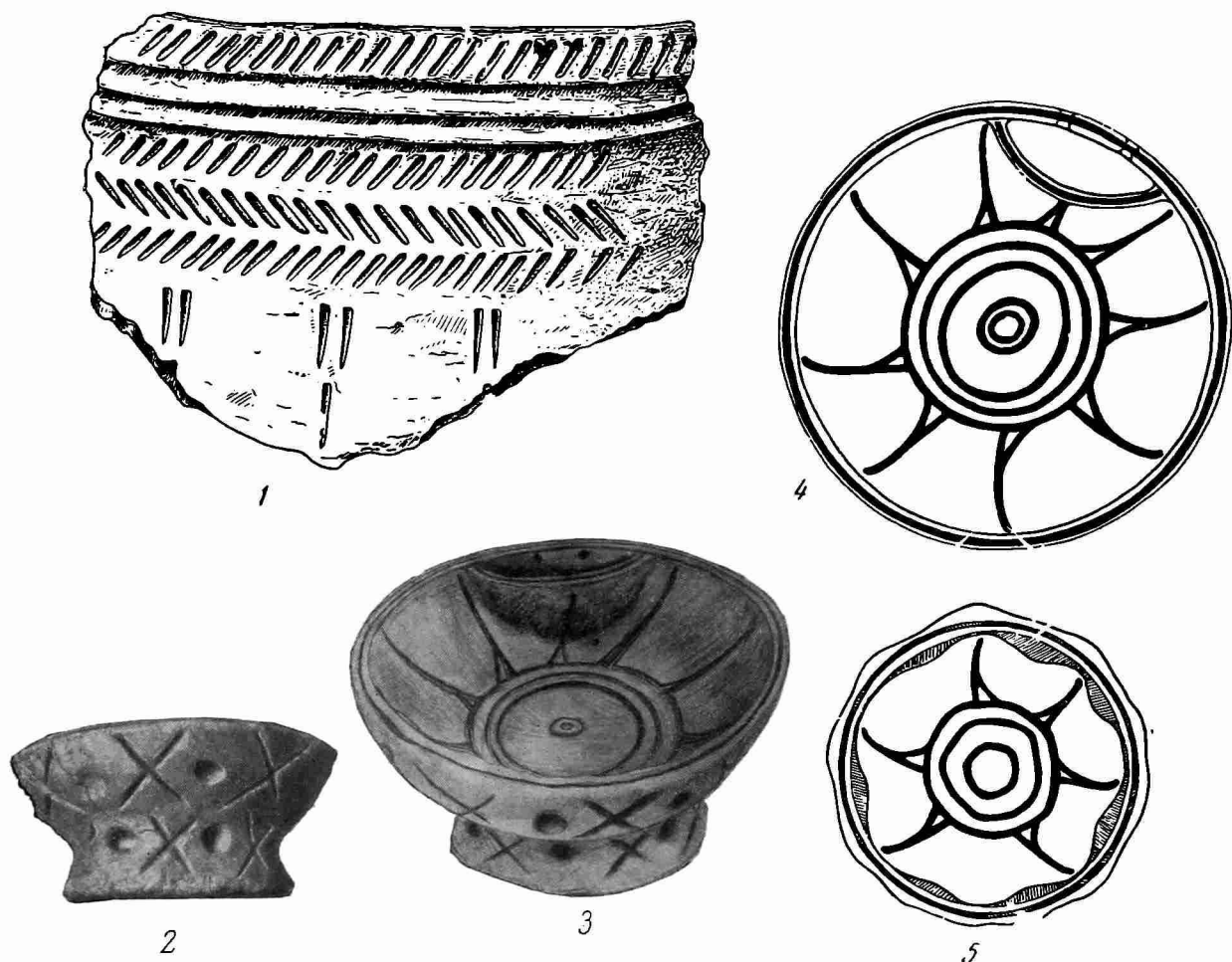

Рис. 27. Керамика из афанасьевских погребений

1 — фрагмент афанасьевского сосуда; 2—5 — светильня (2 — вид сбоку; 3 — реконструкция; 4 — орнамент с внутренней стороны; 5 — орнамент с поддона)

После очистки площадки в пределах квадрата каменной оградки обнаружена площадка нарушенной курганной насыпи и дугообразно отходящая от могилы каменная кладка. В дальнейшем ходе раскопки удалось установить, что курган афанасьевской эпохи разрушен устройством в нем тагарского погребения², в связи с чем произошло увеличение насыпи кургана к востоку, а также несовпадение оградок разных эпох.

Описание тагарского погребения раскопанного курганчика мы здесь опускаем и ограничиваемся только могилой афанасьевского времени.

Раскоп был заложен несколько шире разрушенного участка курганной насыпи (около 4 м²). При этом в середине тагарской части кургана обна-

¹ Все размеры раскопанного кургана укладываются в размеры, приведенные С. В. Киселевым для афанасьевских курганов из окрестностей с. Сыды («Афанасьевские» курганы...», стр. 72).

² Аналогичное было описано С. В. Киселевым в афанасьевских погребениях в с. Теси: «Один из курганов с кольцом, будучи использован под могилы в позднейшее время, хотя и сохранил часть кольца, имел вместе с тем четырехугольную оградку тагарского типа с вертикальными камнями по углам» («Афанасьевские» курганы...», стр. 86).

ружен грабительский лаз (размером около 1,5 м² и глубиной 1,2 м), заполненный камнями и грунтом.

В южном конце западного борта раскопа, на глубине 25 см от подошвы кургана, обнаружена вертикально поставленная плита. Позже здесь был вскрыт четырехугольный, из массивных плит девонского песчаника ящик — типично андроновской конструкции и ориентировки (почти меридиональной — 350°). Нечто подобное С. В. Киселев нашел у с. Тесь¹. Размеры ящика: длина 1,5 м, ширина 80—85 см; большая ширина в северном конце. Высота плит и глубина гроба-ящика (70 см) были установлены после окончательной раскопки. Толщина плит гроба 10—12 см. Северная половина ящика была покрыта массивной плитой²; грунт, засыпавшийся под нее, не заполнял этой части ящика и был здесь более рыхлый, нежели в южной непокрытой части, где он уплотнен тяжестью насыпи тагарского погребения.

В ящике лежал скелет мужчины на спине, головой к югу, со скорченными в коленях ногами (колени высоко подняты и склонены влево, к западной стенке гроба)³. Приподнятый череп опирался на небольшую каменную плиту. На темени черепа стояла глиняная светильня⁴ (рис. 27—2).

Так как светильен этого типа найдено пока немного (одна — С. А. Теплоуховым в IX могиле афанасьевского могильника у С. Батеней⁵, две в 1928 г. и одна в 1932 г. — С. В. Киселевым⁶ около с. Теси и, наконец, нами в предустьевом пространстве р. Аскиза), мы даем возможно более полное описание нашего экземпляра.

Наибольший диаметр (по наружному краю венчика)	154 мм
Диаметр поддона (по наружному краю венчика)	101 »
Общая высота светильни	73 »
Высота сосуда (чашки светильни)	48 »
Высота поддона до наиболее узкого места шейки	25 »
Глубина чашки светильни	37 »
Глубина чашки поддона	23 »
Толщина дна (между сосудом и поддоном)	13 »
Длина отделения внутри светильни	71 »
Наибольший радиус отделения	21 »
Глубина отделения	13 »
Высота внутренней стенки отделения	26 »
Превышение стенки светильни над стенкой отделения	4 »
Толщина стенки светильни по венчику	9—13 »
Толщина стенки по средней линии	15 »
Толщина стенки поддона	14 »
Толщина стенки отделения внутри сосуда	14 »
Количество отверстий в стенке светильни	2 шт.
Диаметр этих отверстий	6 мм
Расстояние между отверстиями	16 »

¹ «Одна яма, — пишет С. В. Киселев, — по стенкам была обставлена песчаниковыми плитами в виде четырехугольного ящика» («Древняя история Южной Сибири», стр. 20).

² Покрытие погребальных ям песчаниковыми плитами нашел С. В. Киселев в тесинском афанасьевском могильнике («Древняя история Южной Сибири», стр. 20). У с. Сыды на р. Сыде тем же исследователем обнаружено, что «четыре ямы (из пяти) были покрыты массивными песчаниковыми плитами» (там же, стр. 22). Афанасьевское погребение, «заключенное в четырехугольный ящик из песчаниковых плит», нашла и В. П. Левашева у Красного Яра (там же, стр. 24).

³ Костяк, лежавший на спине коленями кверху, С. В. Киселев нашел в афанасьевском погребении у с. Сыды (там же, стр. 24); в этом же погребении, по свидетельству С. В. Киселева, были и скелеты, лежавшие головой к югу (там же, стр. 26).

⁴ Светильня хранится в Хакасском областном музее в г. Абакане.

⁵ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, МЭ, т. II, вып. 2, Л. 1927, стр. 73—74, табл. V, рис. 1.

⁶ С. В. Киселев. «Афанасьевские» курганы..., стр. 85—86; рис. на стр. 75 и 89.

Таким образом, светильня, найденная нами, низка и, сравнительно с высотой, широка по диаметру и имеет массивные стенки. Такой же массивностью стенки отличается и отделение внутри сосуда.

Изготовлена светильня из грубой темносерой глины со значительной примесью дресвы. Из этого материала сделан главным образом поддон, сам же сосуд вылеплен из более мелкозернистой глины. Внутренняя поверхность стенок сосуда покрыта слоем хорошо отмученной глины. Лепка сосуда весьма небрежна. Все линии орнамента, особенно наружного, глубоки и широки.

Орнамент подчинен назначению сосуда как источника света (солнце). По венчику сосуда и внутри него прочерчена глубокая и широкая (3 мм) линия¹. Уже только это сочетание линий — окружности венчика сосуда светильни и вписанного в него (вырезанного по венчику) глубокого и широкого круга — создает впечатление солнца. На дне внутренней части светильни изображено солнце с пятью концентрическими кругами и девятью лучами (рис. 27—4). Такое же изображение солнца и такими же энергичными штрихами вырезано и внутри поддона, в окружности его основания. По окружности внутреннего края поддона также имеется вырезанная линия (рис. 27—5).

Солярность этого сосуда находит свое выражение и в орнаментике внешних стенок: кресты и крупные круглые, диаметром 13—15 мм, глубокие ямки (рис. 27—3). Круглые ямки на стенке поддона настолько глубоки, что образуют значительные выпуклости на внутренней поверхности стенки (рис. 27—5). Эти ямки и линии-борозды по венчикам сосуда и поддона аналогичны орнаментальному украшению точно таких же светильен, найденных на Маньчэ и описанных М. И. Артамоновым². Наконец, как мне кажется, солярность сосуда подчеркивается еще и окраской охрой наружных и внутренних поверхностей, а также и тем, что преимущественно эти сосуды-светильни афанасьевской эпохи подвергались окраске³.

В связи с культовым характером светильни следует отметить нечетное число в количестве орнаментальных элементов сосуда. Солнце внутри сосуда изображено пятью кругами и девятью лучами, солнце внутри поддона — тремя кругами и шестью лучами (единственный случай). Круглых вдавлен по стенке сосуда — 7, перекрестий — 7; круглых вдавлен на стенке поддона — 7, перекрестий — 7.

Обращает внимание и характер лучей солнца, вырезанных на дне сосуда светильни и поддона. Это прямоугольный, реже — равнобедренный треугольник с длинной линией, продолжающей катет в первом случае или идущий вверх от вершины — во втором. Этот орнаментальный мотив (главным образом на андроновских и карасукских стелах) в изображении лучей, отходящих от бычочеловечьих личин, получает широкое распространение и совершенно аналогичное выражение.

Наконец, заслуживает внимания еще одно обстоятельство. Светильники, найденные С. В. Киселевым⁴, имеют как бы ручки — плоские прилепы на наружной стороне стенки сосуда, и, что особо важно, в обоих случаях в ручках просверлены парные отверстия, сделанные, совершенно очевидно, не в качестве украшения. При осмотре отверстий можно убедиться в том, что они имеют притертости, свидетельствующие о продевании в них шнуров или ремешков.

В нашей светильне также имеются отверстия; и здесь они не противоположны, а парны, находятся рядом (рис. 27—3, 4) и проткнуты в той

¹ Эта линия четко видна на рис. 12 внизу.

² М. И. Артамонов. Раскопки в долине р. Маньчэ в 1935 г. СА, 1937. № IV, стр. 106, рис. 23; стр. 111, рис. 32; стр. 125, рис. 48 (описаны 3 экземпляра).

³ С. В. Киселев читает обычной красную окраску афанасьевских «курильниц» («Древняя история Южной Сибири», стр. 20).

⁴ Хранятся в Минусинском музее им. Мартьянова.

части стенки сосуда, около которой находится внутреннее отделение. Отверстия тоже носят следы притертости. Вероятно, при помощи шнура или ремешка, продетого в отверстия, светильня подвешивалась не горизонтально, как сосуд, а наклонно. Сосуд мог висеть при таком способе подвешивания, опираясь о стенку (жилища) поддоном и боком чашки или ручкой (в светильнях С. В. Киселева). Замечательно, что в нашем случае светильня стояла на черепе человека в таком положении, как она могла быть только подвешена: наклонно, опираясь о стенку гроба поддоном и стенкой самого сосуда. Только при таком положении подвешенного сосуда приобретает смысл изображение солнца на дне и на стенках внутри и становится очевидной солярность светильни.

Других предметов, равно как и костей животных, в погребении не найдено¹.

Как видно из описанного выше, погребения афанасьевского времени, раскопанные у ст. Аскиз, имеют ряд своеобразных особенностей: наличие ящиков из массивных каменных плит, ориентированных с севера на юг, положение покойника на спине с согнутыми и поднятыми кверху в коленях ногами и подкладка каменной плитки под голову. Это отличает их от большинства афанасьевских погребений в грунтовых ямах, описанных С. В. Киселевым, но сближает с раннеандроновским погребением женщины, раскопанным мною у с. Усчуль, того же Аскизского района, в 60 км к западу от ст. Аскиз. Весьма близки они также и раннеандроновскому погребению, раскопанному в 1945 г. у церкви в г. Абакане (раскопки производили Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев, В. П. Левашева и А. Н. Липский).

Все это дает основание датировать описанное погребение со светильней поздней порой афанасьевской эпохи², чем, быть может, и обусловлено интересное само по себе сходство нашей светильни из Хакасии со светильнями, найденными М. И. Артамоновым в Северном Предкавказье.

Нельзя считать случайным наличие нечетного числа орнаментальных деталей (число лучей солнца, изображенного в поддоне): 3, 5, 7 и 9 и только один раз 6 (шестой луч вырезан крайне нечетко, неуверенно). Очевидно, человек афанасьевской эпохи уже отличал четное число от нечетного, т. е. знал счет — простой и десятичный.

Исключительная сохранность черепа мужчины из погребения со светильней позволяет дать его антропологическую характеристику (рис. 28).

Череп крупный и массивный, несомненно мужской. Возраст пожилой или даже старческий (около 60 лет).

По ряду существенных признаков аскизский череп резко отличается от известных до настоящего времени черепов афанасьевцев, описанных Г. Ф. Дебецом³. Прежде всего бросается в глаза круглая форма черепной коробки. Череп из Аскиза умеренно длинный (185 мм) и широкий (155 мм), что дает указатель 83,8, в то время как у исследованных Г. Ф. Дебецом мужских афанасьевских черепов из Минусинского края средняя величина этого указателя всего 74,5. Подобное различие само по себе еще не свидетельствует о принадлежности аскизского черепа к другой расе.

¹ Аналогичное было отмечено и С. В. Киселевым в тесинских и сыдинских афанасьевских погребениях. Автор склонен был рассматривать это явление как исключение и ставил его «в зависимость от местных вариантов обряда» («Древняя история Южной Сибири», стр. 24). Очевидно, это не так. Аскиз и Сыда отделены один от другого 155 км по прямой. Видимо, отсутствие костей животных в этих погребениях не случайность местного порядка.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 44, примечание. «Повидимому,— пишет автор,— андроновские отличительные черты явились не внезапно и не со стороны, но в результате местной подготовки в предшествующий „афанасьевский“ период» (там же, стр. 24).

³ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. «Труды Института этнографии АН СССР» (новая серия), т. IV, М.—Л., 1948.

Но все же, если рассматривать небольшую серию афанасьевских черепов, описанных Г. Ф. Дебецом, как популяцию, то вероятность встретить в ней череп с таким высоким указателем, как у аскизского, очень мала.

Высота черепа небольшая (130 мм от базииона и 107 мм от пориона до брегмы), в то время как ранее описанные афанасьевские черепа характеризуются средними или даже большими размерами высоты черепной коробки. Особенно велика разница в ширине лба: на аскизском черепе наименьший лобный диаметр всего 91 мм, т. е. на целый сантиметр меньше, чем

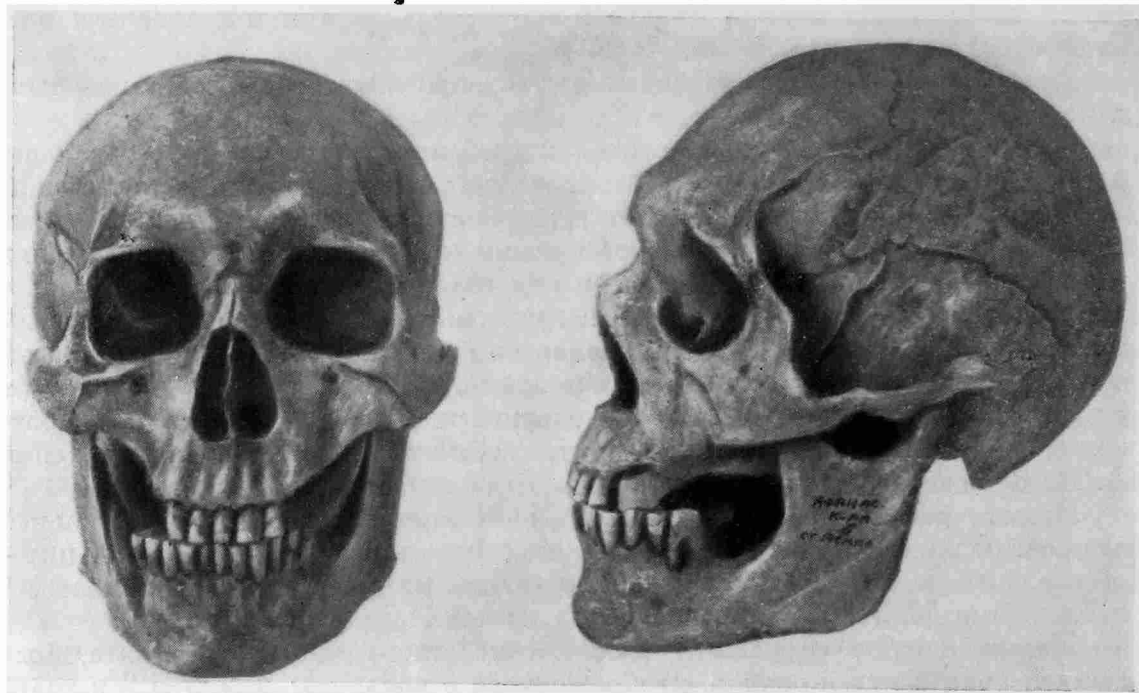

Рис. 28. Череп афанасьевца из погребения у ст. Аскиз

на черепах из Батеней и Теси. Так как ширина мозговой коробки на аскизском черепе заметно больше, чем на ранее изученных, создается резкая разница в лобно-поперечном указателе: 58,7 против 71,0 по Дебецу. Такое строение лба считается характерным для североазиатских монголоидов. К вопросу о монголоидности мы вернемся ниже, а пока отметим некоторые другие заслуживающие внимания особенности строения мозговой коробки.

Ширина посторбитального сужения, измеренная скользящим циркулем при положении черепа в вертикальной норме, т. е. сверху, равна 95,5 мм, превосходя, следовательно, наименьшую ширину лба, что считается характерным для неандертальцев и редко встречается у современных людей. Надбровные дуги сильно развиты: длина продольного диаметра от офриона на 8 мм меньше, чем от глабеллы. У современных европейцев разность обоих диаметров 1—2 мм, наибольшая средняя разность у современных людей 6,9 мм, у питекантропов 9—14 мм. Горизонтальная окружность через глабеллу составляет на аскизском черепе 536 мм, а через офрион всего 519 мм. Разность — 17 мм, что также указывает на значительное развитие надбровья, так как даже у австралийцев эта разность составляет в среднем 12 мм. По шкале Мартина выступание глабеллы оценено баллом 5. Однако надбровные дуги развиты только в средней части и совершенно не распространяются на скуловой отросток, почему череп, конечно, не только не принадлежит неандертальцу, но даже не является переходной формой, несмотря на отмеченные примитивные особенности, к которым следует прибавить и ряд других.

Лоб у аскизского черепа сильно наклонный: угол линии глабелла — метопион к франкфуртской горизонтали 58° , угол линии назисн — метопион 70° . Большая разница в величине обоих углов является еще одним показателем сильного развития надбровья. Выпуклость лба очень мала: высота изгиба над линией назисн — брегма всего 17,5 мм, отношение той же линии к лобной дуге 90,7.

Инион на аскизском черепе совпадает с опистокранионом, в то время как на современных черепах он лежит обычно значительно ниже. Ширина затылка очень велика (118 мм), всего на 1 мм меньше, чем наибольшая ширина лба. Сагиттальная дуга (342 мм) мала по отношению к продольному диаметру и к длине основания черепа (105 мм). Ширина между стефанионами 110 мм, т. е. на 9 мм меньше, чем наибольшая ширина лба, — особенность, характерная для ископаемых видов человека и довольно редко встречающаяся на современных черепах. Наибольшее расстояние между наружными краями лбно-скуловых швов (фронтотемпорале) очень велико (116 мм) и, соответственно, очень мал лбно-биорбитальный индекс: 78,4.

Приведу небольшую табличку сравнительных данных, составленную преимущественно по материалам, собранным и систематизированным Я. Я. Рогинским¹.

Показатели	Современные черепа (средние величины)	Череп из Аскиза	Череп ископаемых видов *
100 продольный диаметр / сагиттальная дуга . . .	47,7— 51,1	54,1	55,3— 60,2
100 длина основания черепа / сагиттальная дуга.	25,9— 28,8	30,7	29,9— 34,7
100 затылочная хорда / продольный диаметр . . .	51,5— 56,5	48,1	37,3— 52,5
100 теменная хорда / продольный диаметр . . .	59,5— 64,5	55,7	44,8— 60,7
100 сумма трех хорд / продольный диаметр . . .	172,1—184,4	162,2	140,0—163,8
100 ширина затылка / наибольшая ширина лба . .	88,8— 97,2	99,1	95,3—117,7
100 наименьшая ширина лба / ширина затылка . .	85,8— 93,9	77,2	65,9— 92,3
100 ширина затылка / теменная хорда	89,4—101,0	114,6	99,0—132,0
100 ширина затылка / затылочная хорда	106,6—120,6	132,6	118,0—160,0
100 наименьшая ширина лба / ширина фронтотемпорале	86,0— 93,5	78,4	69,5— 87,5
100 высота изгиба лба / лобная хорда	19,3— 26,8	16,2	13,8— 22,2

* Яванские и китайские питекантропы и неандертальцы европейские, африканские и яванские.

Совершенно очевидно, таким образом, что на аскизском черепе отмечается в высшей степени редкое сочетание примитивных особенностей мозговой коробки. Вполне современный характер имеют только указатели сагиттального изгиба теменных костей (88,8) и затылочной кости (83,2).

Переходя к лицевому скелету, следует прежде всего отметить большие размеры его. Особенно велика ширина между скуловыми дугами (153 мм) и между углами нижней челюсти (116 мм). Полная высота лица 127 мм, высота верхней части (до альвеолярной точки) 77 мм, длина основания (базисн — простион) 105 мм, тот же размер, до альвеолярной точки 103 мм. Исходя из этих данных, площадь лицевого треугольника (назисн — базисн — альвеолярная точка) равна 3718 мм² — величина и сама по себе большая, но еще более значительная, если выразить ее в процентах к квадрату

¹ Я. Я. Рогинский. Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М., 1949.

сагиттальной дуги. Получаемый указатель на аскизском черепе равен 3,18, тогда как максимальная средняя величина его у современных рас 2,62, минимальный же указатель у неандертальцев 3,32. Среди современных человеческих рас этот указатель достигает наибольшей величины у североазиатских монголоидов. В сопоставлении с отмеченной выше малой шириной лба это обстоятельство заслуживает пристального внимания.

Монголоидная раса характеризуется, как известно, уплощенностью лица. Г. Ф. Дебец специально изучал эту особенность на афанасьевских черепах и подтвердил ранее сделанный им вывод о европеоидном типе населения афанасьевской культуры¹. Найденный нами череп отличается от черепов, ранее изученных Г. Ф. Дебецом, и в этом важном признаке. Зиго-максиллярный угол аскизского черепа 139° (при ширине 111 мм), у афанасьевцев, по Дебецу, $126^\circ,2$; у бурят, по этому же автору, $141^\circ,1$. В верхней части лица также заметно уплощенное — назо-малярный угол 144° (при ширине 108 мм), что также ставит аскизский череп значительно дальше от афанасьевских ($136^\circ,1$), чем от бурятских ($146^\circ,7$). Назо-малярная дуга (между наиболее задними точками наружных краев орбит) равна 116 мм, что составляет 107,4% прямого расстояния между этими точками. Этот старейший способ определения уплощенности лица теперь применяется редко. Все же следует отметить, что у сибирских монголоидов данное соотношение составляет 106—108%, а у европейцев 111—112%. Таким образом, и этот способ измерения указывает на уплощенное «скуластое» лицо. Глубина клыковой ямки, измеренная от линии, соединяющей наиболее латеральную точку края грушевидного отверстия с передней точкой в нижней части скулового шва, небольшая — 3,3 мм, что по межгрупповому масштабу соответствует баллу 1. По данным, полученным китайским антропологом Ыу, скуловая кость у монголоидов более изогнутая, чем у европейцев. Для измерения этой особенности Ыу определяет ширину скуловой кости между пересечением скуло-челюстного шва. Горизонтальная дуга скуловой кости измеряется между этими же точками по поверхности кости при помощи ленты. Направление дуги обязательно отмечается на кости карандашом. Затем при помощи координатного циркуля определяется высота изгиба на линии дуги. Отношение высоты изгиба к ширине является указателем изгиба скуловой кости. У монголоидов этот указатель составляет в среднем 22—24%, у европейцев 17—18%. На аскизском черепе высота изгиба 14 мм, указатель 23,1. Таким образом, и по этому признаку он характеризуется монголоидным строением.

Однако нос у аскизского черепа сильно выступающий, и по этому признаку он не отличается от ранее исследованных афанасьевцев.

Дакриальная высота	13,6 мм
Дакриальный указатель	63,3%
Симотическая высота	4,8 мм
Симотический указатель	48,5%
Угол выступания носа	33°

Аскизский череп, таким образом, за исключением степени выступания носа, совершенно не отвечает той характеристике типа населения афанасьевской культуры, которая была дана Г. Ф. Дебецом. Перед нами представитель иного типа, по многим признакам — монголоидного и обладающего рядом примитивных особенностей. В целом череп относится, конечно, к современному виду человека, но количество и степень выраженности неандерталоидных особенностей более значительно, чем, например, на черепах

¹ Г. Ф. Дебец. О древней границе европеоидов и американоидов в Южной Сибири. СЭ, 1947, № 1.

позднего палеолита из Западной Европы. По всей вероятности, аскизский череп принадлежал представителю древнего типа монголоидной расы. Он по многим признакам сходен с черепом, найденным В. В. Передольским в «неолитическом» могильнике «у перевоза» под Красноярском. Об этом черепе Г. Ф. Дебец замечает, что он «характеризуется столь резко выраженными чертами монголоидного типа, что даже довольно значительное выступание носа не ослабляет этого впечатления».

В заключение приводим табличку некоторых общеупотребительных размеров, не использованных для характеристики черепа, но могущих представить интерес для дальнейших исследований.

Высота носа	53,1 мм
Ширина носа	27,5 »
Ширина орбиты (макс.-фронтоле)	46,2 »
Ширина орбиты (дакрион)	43,8 »
Высота орбиты	34,7 »
Длина нёба (стафилион)	51,0 »
Ширина нёба	44,0 »
Длина затылочного отверстия	44,3 »
Ширина затылочного отверстия	31,8 »
Общий лицевой угол	85°
Средний лицевой угол	88°
Альвеолярный лицевой угол	83°
Угол затылочного отверстия	—7°
Длина нижней челюсти от мышелков	113 мм
Длина нижней челюсти от углов	83 »
Ширина мышелковая	140 »
Высота ветви	71 »
Наименьшая ширина ветви	39 »
Угол ветви	120°
Угол индизион-погион с базальной плоскостью	69°

Находка аскизского черепа указывает, следовательно, на более сложный состав населения афанасьевской культуры, чем это до сих пор предполагалось. В связи с этим безусловно необходимы новые раскопки с целью пополнения палеоантропологических материалов.

П. Ф. ИЩЕРИКОВ

АЛАНСКИЙ МОГИЛЬНИК БЛИЗ г. СТЕРЛИТАМАКА

Летом 1950 г. при земляных работах у д. Левашевки, в 4 км севернее г. Стерлитамака, был обнаружен древний могильник. Он занимает обширное поле, которое распахивалось уже более двух столетий. Здесь с 1948 г. при земляных работах находят человеческие скелеты с сопровождающими их глиняными горшками, бронзовыми, железными и другими вещами. Среди вещей встречены украшения, остатки оружия (сабель, наконечников стрел), принадлежности конской сбруи (удила, стремяна, бубенцы) и др.

Может быть, находки принадлежат курганным погребениям, но признаков курганов на поле не обнаружено. Вероятнее всего, что здесь находился могильник с грунтовыми погребениями, насыпи которых в результате длительной распашки сравнялись со степью. Остатков надмогильных камней тоже не обнаружено. Нет также известий о находках на этом поле или в окрестностях каменных баб.

Погребения располагаются на различных друг от друга расстояниях. Кроме более частых одиночных, встречаются и семейные погребения с детскими костяками. Южная часть могильника граничит с краем оврага. Надо отметить, что в полосе шириной 50—60 м вдоль оврага погребения наиболее часты и характеризуются бедным инвентарем.

В настоящее время территория древнего могильника представляет собой неправильный прямоугольник длиной от 0,9 до 1 км и шириной до 100 м. Не исключено, впрочем, что погребения могут быть встречены и вне намечаемых сейчас границ могильника — там, где поле еще не задето земляными работами.

При наблюдениях за земляными работами в районе могильника директору Стерлитамакского краеведческого музея П. Х. Михайлову удалось обнаружить и произвести в 1950 г. раскопки трех одиночных совершенно целых погребений — двух мужских и одного женского.

В двух погребениях, принадлежавших воинам, инвентарь оказался одинаковым.

Умершие или убитые воины погребались на глубине 1,2—1,5 м, головой на запад, вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. У костей левой ноги лежали прямые железные однолезвийные сабли длиной 90 см. Справа, у костей кистей рук, найдены боевые железные топоры с проухами и молотообразными обухами. Топоры имеют интересную деталь: в них ниже проуха имеются сквозные дыры (рис. 29—1, 2), очевидно, служившие для крепления ремнем топора с рукояткой во избежание утери и для приторачивания к поясу или седлу. В изголовье покойников ставились

круглодонные глиняные горшки, украшенные снаружи под краем двумя строчками ямочного орнамента. Вместе с черепками горшков найдены берцовые кости коровы и лошади. В ногах клалась конская сбруя. Она состоит из крупных литых круглых бронзовых бубенчиков с ушками наверху, с вертикально гофрированной (ребристой) поверхностью и прямоугольной щелью снизу (рис. 29—6); железные кованые стремена с подножиями ромбического сечения (рис. 29—4, 5) и удила от узды с длинными псалиями (рис. 29—3). Седла, повидимому, были деревянными, обтянутыми кожей или войлоком, поэтому остатков их не найдено.

В раскопанном женском погребении на костяке обнаружены только металлические украшения, а в изголовье ритуальный горшок с берцовыми костями коровы. На костях обеих рук найдены бронзовые незамкнутые браслеты и два замкнутых кольца. На тазовых костях оказались интересные поясные украшения — двойные бронзовые коньки, обращенные головами в разные стороны, с шумящими привесками в виде колокольчиков (рис. 29—7, 12).

Особенно важной для датировки погребения и, в целом, могильника является находка на костях грудной клетки женского костяка двух серебряных монет — диргемов с куфическими надписями и с пробитыми у краев дырами-ушками (монеты, очевидно, или с нагрудной повязки, или были вплетены в косы, перекинутае на грудь). Датировка этих монет и перевод надписей будут даны ниже.

Много находок, аналогичных найденным в раскопанных погребениях, П. Х. Михайлов собрал при наблюдениях за земляными работами (рис. 30). Приходится сожалеть, что летом 1950 г. на могильнике не было организовано правильно поставленных раскопок, которые могли бы дать о нем исчерпывающее представление. Но уже судя по ценности инвентаря, по находкам его в разных местах могильника и в раскопанных погребениях можно судить о социальной дифференциации племени, оставившем этот памятник.

Два одиночных погребения воинов с личным их оружием принадлежат рядовым дружинникам: вооружение небогато и однообразно. Не выделяется дорогими вещами и женское погребение, если не считать двух диргемов, использованных в качестве украшений. В разрушенных земляными работами погребениях встречались не только бронзовые, но и серебряные вещи: пряжки и бляхи, бронзовые браслеты с серебряной отделкой. Летом 1950 г. в разрушенном погребении найдена золотая серьга, аналогичная по размерам и форме бронзовой (рис. 29—10). Эта серьга в 1951 г. с комплексом различных находок поступила в Башкирский центральный краеведческий музей.

Ознакомившись с рисунками вещей из мужских погребений, проф. А. П. Смирнов аналогизировал их с салтовской культурой и отнес к VIII—X вв. н. э. (что подтверждает нашу предположительную датировку). Он высказал предположение, что эти погребения оставлены племенами салтовской культуры, связываемой с аланами.

Известно, что аланские племена — сарматского происхождения. Во II—IX вв. н. э. они населяли Северный Кавказ (осетины — их потомки) и область между нижним Днепром и Южным Уралом. Аланы занимались кочевым скотоводством и отчасти земледелием.

Башкирские племена и аланы в IV в. были покорены гуннами и участвовали в великом переселении народов. В VI—IX вв. аланы, оставшиеся в Восточной Европе, подчинились Хазарскому каганату.

Аланы, обитавшие и частью оставшиеся в Южной Башкирии, соединились с местными численно преобладавшими племенами, уже известными под названием «башкиридов». В арабских и персидских письменных памятниках X в. аланы на территории Башкирии уже не упоминаются.

Ассимилируясь с башкирами, аланы все же отличались от них как

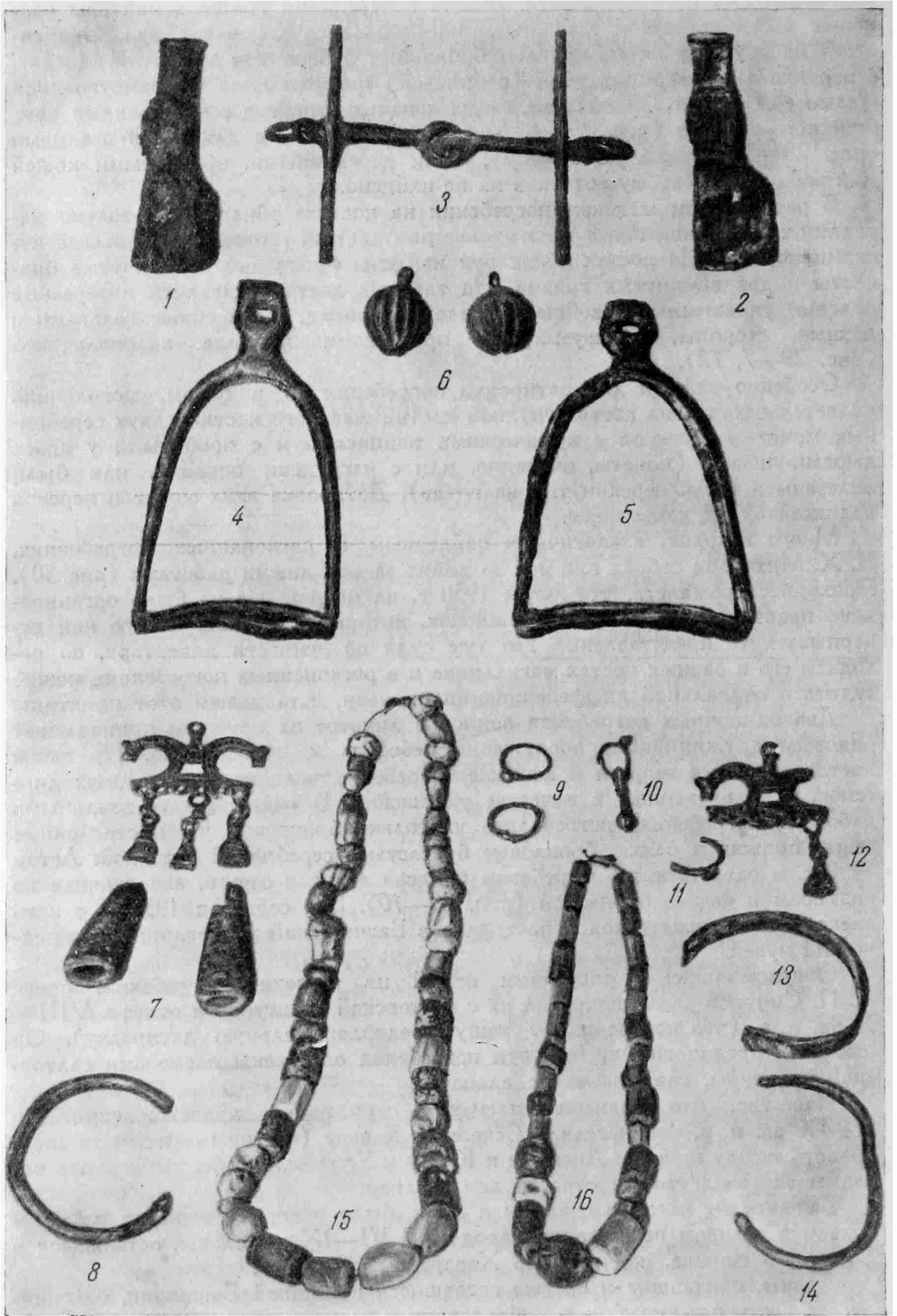

Рис. 29. Аланский могильник близ г. Стерлитамака
 1-6 — инвентарь мужских погребений; 7-16 — инвентарь женских погребений

носители своей племенной культуры, так ярко выраженной в инвентаре погребений обширного могильника у д. Левашевки близ г. Стерлитамака.

В свете учения И. В. Сталина о языке открытие аланского могильника в Башкирии позволяет вписать еще страницу в ее древнюю историю и должно помочь разрешению вопроса о происхождении современного башкирского языка, для которого характерны некоторые диалектологические различия. Юрматынский южный диалект сложился как раз на территории районов, где найден аланский могильник.

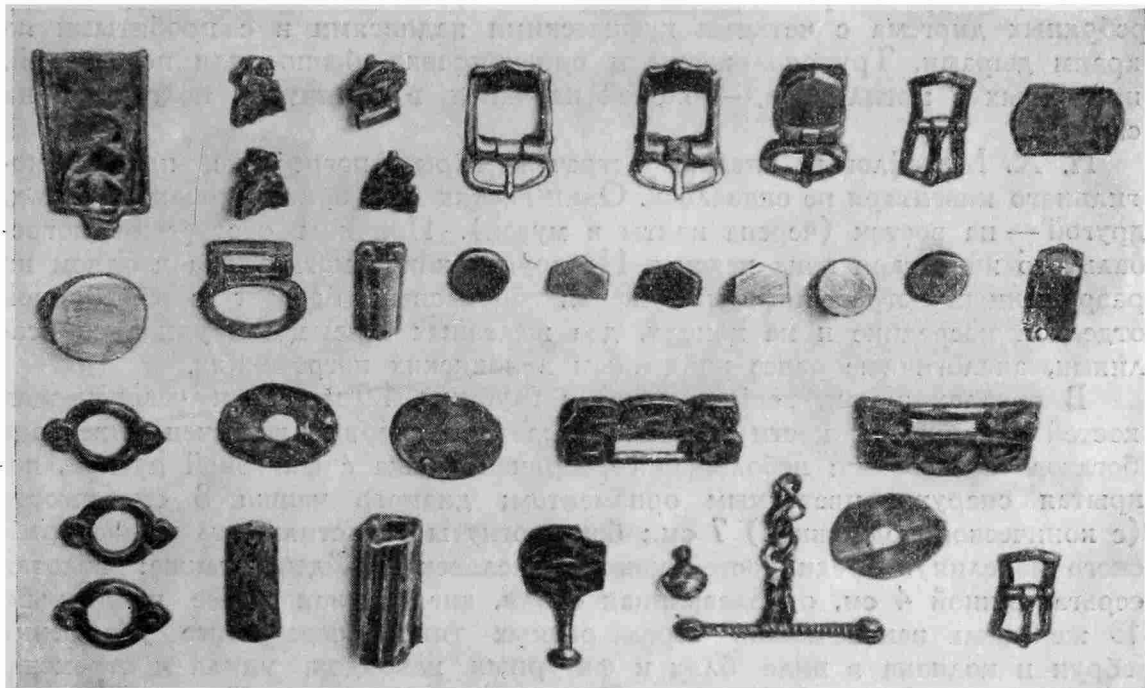

Рис. 30. Аланский могильник близ г. Стерлитамака. Вещи из различных погребений

Археологическая ценность могильника еще и в том, что благодаря открытию его впервые в Башкирии получено точное свидетельство об известном в истории инородном племени, обитавшем в указанном районе Башкирии и имевшем свой язык и свою культуру.

Скрещиваясь с языком аборигенов в течение сотен лет, аланский язык изменился и слился с языком башкир, так как «...при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»¹.

Изучение аланского могильника внесет еще одно существенное дополнение в вопрос об этногенезе башкирского народа, вводя в конгломерат образовавших его племен аланов. Решение вопросов башкирского этногенеза пока еще не привлекало внимания ни лингвистов, ни этнографов. Еще слабо обобщены результаты немногих научно поставленных археологических исследований в Башкирской АССР. Двухлетние труды П. Х. Михайлова по наблюдению за земляными работами на могильнике у д. Левашевки привели в 1951 г. к новым ценным открытиям.

Летом 1951 г. на могильнике производились раскопки сотрудником Башкирского центрального краеведческого музея Р. Б. Ахмеровым. В заложенной им траншее находок не оказалось, однако ему удалось собрать немало подъемного материала из погребений, разрушенных земляными работами.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1951, стр. 29—30.

В этом же году П. Х. Михайлову удалось расчистить встреченное землекопами женское погребение с интересными вещами, аналогий которым нет в коллекциях, ранее собранных П. Х. Михайловым и Р. Б. Ахмеровым. В этом погребении оказалось много бусин от ожерелья, браслеты — серебряный и бронзовый; на костях пальцев обеих рук оказалось пять колец; что особенно интересно — обнаружено два овальных наглазника из тонких серебряных пластинок, имевших посредине овальные отверстия; по обе стороны черепа найдено по бронзовой сережке, аналогичных ранее найденным золотой и бронзовым. При костяке (в области грудной клетки) были три серебряных диргема с четкими куфическими надписями и с пробитыми по краям дырами. Труположение и ориентировка обычны для погребений, найденных в могильнике, — головой на запад, в вытянутом положении на спине.

П. Х. Михайловым впервые встречено парное погребение, причем могильного инвентаря не оказалось. Один костяк был ориентирован на запад, другой — на восток (черепа взяты в музей). Причины отсутствия погребального инвентаря пока неясны. На другом конце могильника в одном из разрушенных погребений обнаружены: бронзовый браслет с серебряной отделкой посредине и на концах, два железных стремени и удила со псалиями, аналогичные ранее найденным в воинских погребениях.

В отвалах земли, выброшенной с глубины 1,5 м, среди человеческих костей обнаружены кости конского скелета и впервые встречен инвентарь богатого погребения: небольшая серебряная чашка с фигурной ручкой, покрытая снаружи цветочным орнаментом; диаметр чашки 8 см, высота (с конической подножкой) 7 см.; бока вогнуты (по стилю эта чашка арабского изделия). Среди костей коня и человека найдена также: золотая серьга длиной 4 см, однолезвийная сабля, аналогичная ранее найденным, 13 железных наконечников стрел разных типов, серебряные украшения сбруи и колчана в виде блях и фигурных накладок, удила и стремяна, несколько бронзовых бубенчиков. Среди этих находок самой ценной — эпиграфической — является золотой динар с куфическими надписями с обеих сторон, диаметром 18 мм, без дыры у края, что наблюдалось у серебряных диргемов, встреченных в женских погребениях (рис. 31—6).

Таким образом, в результате наблюдений и раскопок на могильнике в 1951 г. обнаружено, кроме рядовых, богатое погребение воина, может быть князя, судя по уцелевшим вещам, входившим в состав богатого могильного инвентаря.

Древнейшим из известных в Средней Азии считается клад куфических медных монет, найденный в одиночном погребении, обнаруженном при дорожных работах на улице в г. Сафаре, в Таджикистане¹. Установлено, что эти монеты принадлежат саманидской чеканке аббасидского времени в городах Мавераннахра. До 279 г. гиджры (892 г. н. э.) в городах Мавераннахра и в Самарканде от имени Саманидов чеканилась только медь, серебро же и золото (диргема и динары) выпускались от имени аббасидского халифа².

Два диргема из женского погребения, раскопанного летом 1950 г., одинакового размера³. Это тонкие пластинки, изношенные от долгого употребления в качестве украшения, очевидно, в косах или на нагрудной повязке. Одна монета (№ 1) найдена разломленной надвое (рис. 31—1). Аверс ее: в центре — горизонтальные строки куфической надписи, содержащей символ ислама: «Нет божества, кроме аллаха великого, и нет ему равного».

¹ А. А. Быков. Новый клад медных куфических монет из Таджикистана. Гос. Эрмитаж. «Труды отдела нумизматики», т. I, стр. 87—113, табл. I, рис. 1 и 2.

² А. А. Быков. Указ. соч., стр. 100.

³ Пользуемся случаем выразить признательность С. А. Диомидовой за помощь в определении этих диргемов.

Рис. 31. Аланский могильник близ г. Стерлитамака. Монеты из погребений
 1-5 - серебряные дирхемы (а - аверс; б - реверс); 6 - золотой динар (а - аверс; б - реверс)

Вокруг этой центральной надписи, вдоль края монеты, содержатся интересные нас данные: «Во имя аллаха чеканен этот диргем в Арране в 154 году». Реверс. В центре — горизонтальные строки содержат дополнительные существенные обозначения, продолжающие данные круговой надписи аверса: «из того, что приказал [выбить, отчеканить] Эль-Махди Мухаммед, сын повелителя правоверных». Ниже — имя: «Эль-Хасан». Вокруг этой надписи — другая, также вдоль края монеты, содержит 33-й стих (суру) 9-й главы Корана: «Мухаммед, посланник аллаха, который послал его с руководством и истинной верою, чтобы возвеличить ее над всеми религиями, несмотря на сопротивление многобожников».

Диргем этот аббасидский, халифа Эль-Мансура (132—158 гг. гиджры, или 754—775 гг. н. э.), чеканен в Арране в 154 г. гиджры, или в 770 г. н. э. Арран (ныне Карбаг) находился во владениях багдадского халифата — между Азербайджаном и Арменией — и являлся столицей области Бердаа.

Древнейшим оказался омейядский диргем (рис. 31—5) времени халифа Валида I (86—96 гг. гиджры, или 705—715 гг. н. э.), чеканен в г. Васите в 94 г. гиджры (712 г. н. э.).

Из остальных диргемов, по определению С. А. Диомидовой, один принадлежит чеканке 126 г. гиджры, или 743 г. н. э., в г. Васите (в арабском Иране), другой — 158 г. гиджры, или 774 г. н. э., в городе Медина-ас-Салам (в Багдаде — столице халифата). Еще один диргем — 163 г. гиджры, или 779 г. н. э., тоже багдадской чеканки.

Считая данное сообщение о левашевском могильнике предварительным до изучения надписей на динаре¹, который мы публикуем, и до новых, может быть еще более значительных, находок в других погребениях, мы позволим себе высказать некоторые обобщения.

Ислам запрещает захоронение с покойниками вещей, но этот обычай как пережиток еще долго соблюдается в первые века ислама у обращенных языческих племен (так же, как, например, у славян после крещения). Характерна выбитая на диргемах соответствующая этому периоду распространения ислама — VIII в. — сура из Корана, трактующая о воинствующем исламе: «...несмотря на сопротивление многобожников», т. е. языческих племен.

По находкам арабских куфических монет и по ориентации погребений во всех могилах строго на запад (лицом на юг), за исключением одного костяка в описанном парном погребении, можно предположить, что левашевский могильник является раннемусульманским кладбищем на юге Башкирии, с характерным для аланов IX—X вв. инвентарем, сходным с инвентарем салтовской культуры. Судя по изношенности куфических диргемов из женских погребений, можно судить о том, что они оказались в погребениях значительно позднее времени их чеканки и были занесены в степи Южного Приуралья арабскими или среднеазиатскими купцами в результате торговых связей.

После завоеваний в Средней Азии арабы стремились продвинуться и в Приуралье, подчинить своему влиянию местные племена. С торговыми, политическими и миссионерскими целями они в IX и в начале X в., по проторенным дорогам, проникли и в Среднее Поволжье, где уже утверждался ислам и строились мечети. Это мы знаем от Ибн-Фадлана, посетившего г. Болгар с посольством от багдадского халифа, минуя хазар, с которыми халифат был во враждебных отношениях. Посольство пришло в Болгар далеким окольным путем — через Хорезм, степи и через земли племен

¹ От автора статьи получено дополнительное сообщение о том, что этот динар, как установлено по фотоснимку в Государственном Эрмитаже, принадлежит омейядской чеканке при халифе Валиде I 87 г. гиджры (705—706 гг. н. э.) и, таким образом, является самой древней монетой среди найденных на левашевском могильнике. — *Ред*

«башгирдов» — так называли тогда башкир, так их называет и Ибн-Фадлан (922 г. н. э.)¹.

Нам кажется, что изношенные диргемы VIII в., найденные в погребениях левашевского могильника, не противоречат его датировке IX—X вв., так как монеты, как женские украшения, весьма долговечны. По датам монет можно лишь приблизительно датировать сохранившие их погребения.

Среди монет на башкирских нагрудных и головных повязках — «харусах» можно найти весьма древние серебряные монеты, которые в качестве украшений переходят из поколения в поколение в течение многих десятилетий.

Датировку левашевского могильника уточняет в основном могильный инвентарь с вещами салтовской культуры VIII—X вв. Самый могильник функционировал в течение не более двух веков и вначале, вероятно, был еще языческим.

---

¹ Ибн-Фадлан. Путешествие на Волгу. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939.

Я. В. СТАНКЕВИЧ

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ 1950 ГОДА В ВЕЛИКОЛУКСКОЙ ОБЛАСТИ

Западно-Двинский отряд Славянской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950 г. совместно с Торопецким музеем краеведения продолжил и шире развернул начатые в 1949 г. разведочные работы на территории восточной части Великолульской области в пределах Торопецкого, Октябрьского и Куньинского районов¹.

Область, связанная с бассейном верхнего течения Западной Двины и ее притоков, в прошлом входившая в Торопецкий и другие уезды Псковской губернии, до последнего времени почти не привлекала внимания археологов. В конце прошлого столетия Псковской археологической комиссией были проведены первоначальный учет и незначительные раскопки могильных памятников на данной территории, но древним поселениям почти никакого внимания не уделялось. Подобное положение вызвало необходимость постановки здесь многолетних и планомерных разведочных работ, которые и были начаты нами. Они охватили в первую очередь бассейн основного притока Западной Двины — р. Торопы, представлявшей в древности важную водную магистраль.

В 1949—1950 гг. обследовано все течение р. Торопы, а также связанная с р. Торопой система р. Жижицы и Жижицкого озера; общая протяженность маршрута составляла более 300 км. Открыто до 150 археологических памятников, среди них 35 неолитических стоянок и свыше 110 поселений и могильников I тысячелетия н. э.

В 1950 г. обследование было начато с конечного пункта разведок предыдущего года — от д. Золотилово, в среднем течении р. Торопы, и до д. Устье — места слияния рек Торопы, Западной Двины и Жижицы. Далее были исследованы районы по течению р. Жижицы и берега соединяющихся протоками озер Жекто, Жижицкого и Кодосно, а также озера Допшо в верхнем течении р. Торопы. В итоге разведочных работ 1950 г. вновь обнаружено до 80 археологических памятников, в том числе 11 неолитических стоянок и значительная группа памятников I тысячелетия н. э., среди них: 14 городищ, 15 селищ и до 40 курганных групп и могильников.

Судя по количеству обнаруженных памятников, наиболее заселенным с древних времен было верхнее и среднее течение р. Торопы, изобилующее

¹ В составе отряда работали: от Ленинградского государственного университета — проф. А. И. Попов, от местного музея — В. Леонов.

мелкими притоками и озерами, а в системе Жижицкого озера — наиболее изрезанный северный берег.

Не останавливаясь на анализе группы стоянок эпохи неолита, необходимо лишь отметить их особенности, учитывая итоги разведок 1950 г. Прежде всего бросается в глаза специфическое для неолитических стоянок расположение их довольно редко разбросанными группами, на расстоянии 20—35 км друг от друга, преимущественно в истоках рек и у озер, на первой надпойменной террасе.

Обследованные нами 11 неолитических поселений в основном относятся к развитой стадии неолита и характеризуются керамикой с поздним ямочно-гребенчатым орнаментом. Наряду с мелкими, тщательно отретушированными кремневыми орудиями: наконечниками стрел, проколками-остриями, скребками и т. д., в большом количестве встречены крупные кремневые орудия: топоры, долота, остря, скребла и т. п., в том числе со следами полировки. Весь этот инвентарь в известной мере близок к инвентарю обследованных нами поздне-неолитических поселений Валдайской возвышенности.

Основной интерес среди исследованных памятников представляют вновь обнаруженные нами свыше 50 поселений, из которых половина городищ, относящихся к I тысячелетию н. э.

На основании анализа имеющихся данных мною была произведена предварительная классификация этих поселений, в основу которой положен хронологический принцип, с учетом внешних признаков поселений; формы и ее соотношения с системой оборонительных сооружений, а также функционального назначения памятников.

Подобная группировка поселений в целом подтверждает ту предварительную схему, которая была нами предложена на основе небольших материалов разведки 1949 г.¹ Значительное пополнение этих данных позволяет более четко определить основные категории памятников.

Собранный в процессе разведки небольшой материал далеко еще не достаточен для абсолютной датировки памятников, однако в большинстве случаев он позволяет произвести их предварительное хронологическое членение и установить относительную дату.

Таким образом, поселения I тысячелетия н. э. верхнего Подвинья могут быть предварительно разделены на следующие группы: 1) древнейшие поселения первых веков I тысячелетия н. э.; 2) поселения середины I тысячелетия н. э.; 3) поселения конца I тысячелетия н. э.; 4) поселения великокняжеской эпохи.

Первая группа памятников представлена преимущественно укрепленными поселениями. В нижних слоях культурных отложений отмечена типичная керамика с сетчатыми отпечатками на наружной поверхности стенок. Городища, относящиеся к этой группе, расположенные обычно на холмообразных возвышенностях и мысах, были обнаружены в бассейне Жижицкого озера. Характерная для них сравнительно небольшая (30 × 40—50 м) округло-овальной формы площадка укреплена довольно стройной системой проходящих ниже нее валов и рвов. Типичным примером является городище у д. Ямище, на озере Жекто.

Наряду с сетчатой (рис. 32—1) и типичной для городищ бассейна Жижицкого озера керамикой, на которой сочетаются сетчатые отпечатки с грубыми оттисками ложно-гребенчатого штампа (рис. 32—2, 3) и с зашипами по венчику (рис. 32—4), в инвентаре данных поселений встречаются костяные изделия, единичные бронзовые поделки, а также многочисленные костные остатки. Предварительно устанавливается принадлежность последних крупному и мелкому рогатому скоту (корове, овце) и диким животным — зайцу-беляку, лисице и др.²

¹ Я. В. Сганкевич. Археологические работы в 1949 г. в Великолукской области. КСИИМК, вып. XXXVIII.

² Определение остеологического материала еще не закончено.

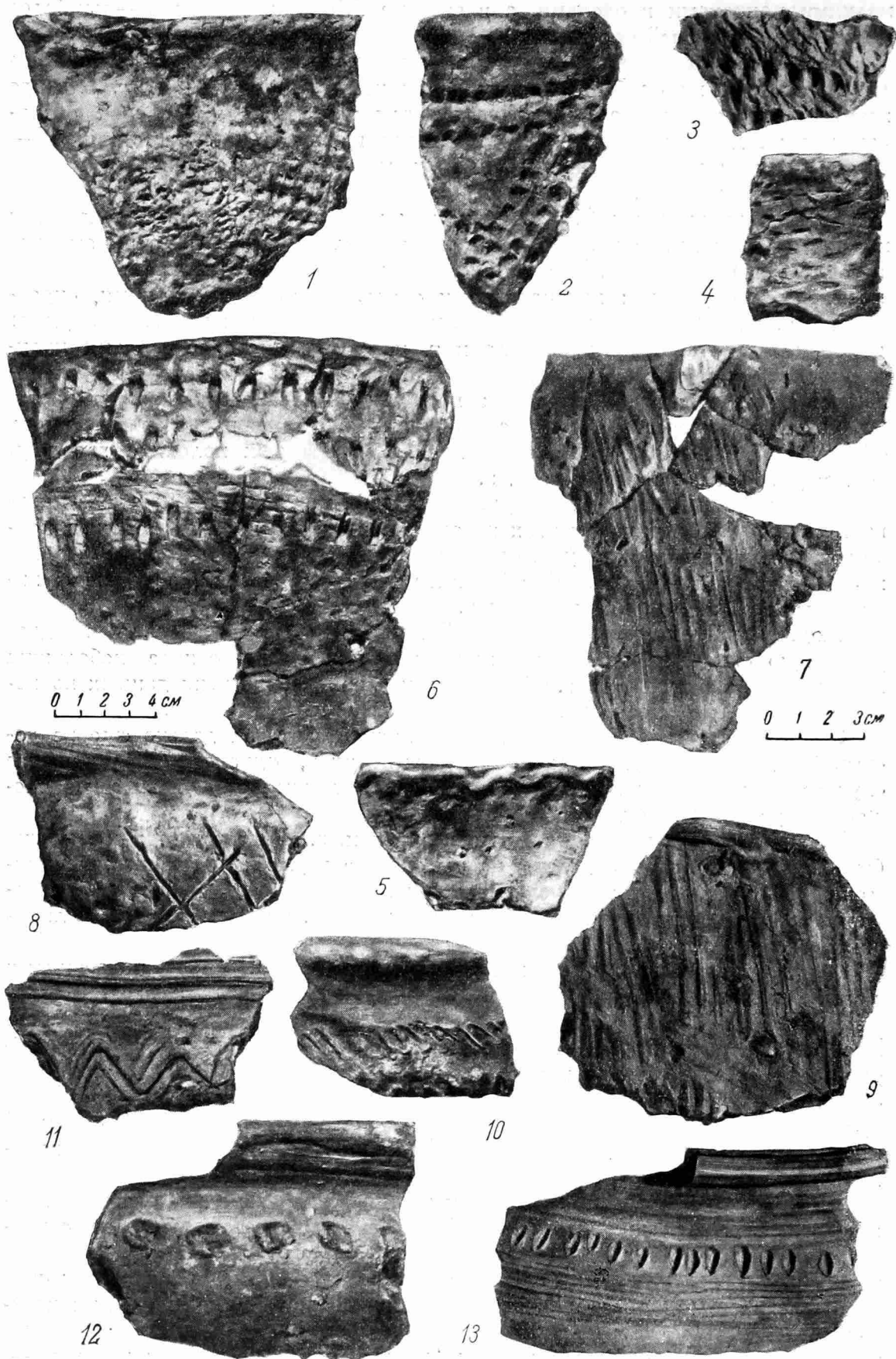

Рис. 32. Образцы керамики, найденной на древних поселениях Великолукской области

1—3— с городища Ямце; 4 — с городища у с. Михайловского; 5—9 — с городища Подгай;
10—13 — гончарная с Жищицкого городища

К числу многочисленных поселений данной группы относятся: одиночное городище у с. Михайловского и городище в урочище Подгай, на котором мы остановимся в связи с характеристикой следующей группы.

На основании отмеченных признаков древнейшие городища верхнего Подвинья следует отнести к сравнительно поздней стадии городищ дьякова типа, датирующихся первыми веками н. э. и распространенных на широкой территории к северо-востоку от обследованного района, в первую очередь в верховьях р. Волги. Вместе с тем следует отметить, что поселения, весьма близкие к обнаруженным нами, известны в границах с Великолукской областью верховьях р. Ловати, в северной части Белоруссии.

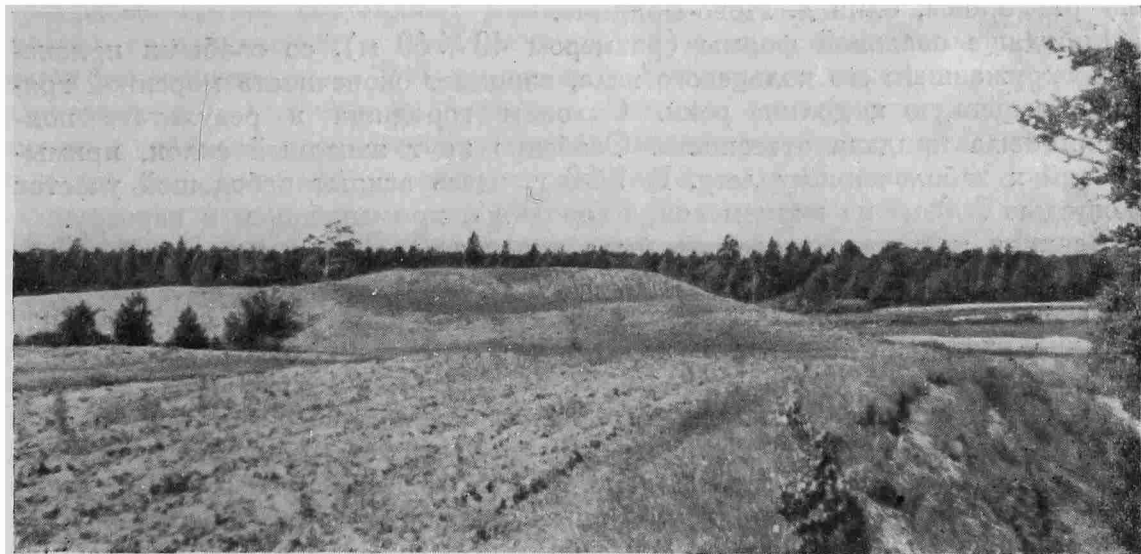

Рис. 33. Общий вид городища у хутора Ковали

К следующей, второй, группе поселений в первую очередь следует отнести небольшие городища, расположенные на мысах или мысовых возвышенностях, близ воды. Наиболее полно они были выявлены разведкой 1950 г. Верхняя площадка таких городищ имеет овальную форму, с наибольшей осью в 25—45 м. С напольной стороны или с двух сторон площадка окружена террасой-валом (Ковали, Селяне № 1, Анашкино, Хмелево, Плоская Лужа).

Достаточно характерным среди них является городище у бывшего хутора Ковали в верхнем течении р. Торопы. Оно, как и многие городища этого типа, сильно разрушается распашкой (рис. 33).

На площадке городища был обнаружен значительный (толщиной свыше 1,5 м) культурный слой, содержащий типичную для подобных поселений гладкую и штрихованную лепную посуду баночной формы.

Наряду с отмеченными к этой же группе относится особый тип городищ, расположенных на возвышенностях, в известном отдалении от водной системы. Их небольшая, правильной округло-овальной формы площадка защищена проходящим ниже нее кольцевым или полукольцевым валом и рвом (Золовье, Спицино, Барузда). Расположение этих городищ в граничащей с лесом полосе водораздела преимущественно среднего течения р. Торопы способствовало хорошей сохранности их первоначальной формы.

Достаточно выраженный культурный слой обычно содержит незначительное количество культурных остатков, среди них — керамика, аналогичная встреченной на мысовых городищах. Эта особенность наводит на мысль, не являются ли они городищами-убежищами, заселявшимися только на время военной опасности.

Наиболее типичным укрепленным поселениям мысового типа второй группы сопутствуют селища, расположенные вдали и независимо от городищ, на возвышенности коренного берега или по краю первой надпойменной террасы, содержащие аналогичные культурные остатки (Золотилово, Шетнево, Барузда). Кроме того, к данной группе относятся уже известные и связанные с поселениями довольно многочисленные курганные группы и могильники из длинных, удлинённых и круглых уплощенных насыпей (против деревень Золовье, Шетнево, Жерносеки, Бенцы).

Характер укрепленных поселений второй группы наиболее полно раскрыт в результате произведенных в 1950 г. небольших раскопок городища в урочище Подгай. Расположено оно в 10 км к югу от р. Торопца, на левом берегу р. Торопы, близ д. Ново-Бридино.

Городище овальной формы (размером 40 × 60 м), со слабыми признаками окружавшего его кольцевого вала, занимает оконечность моренной гряды, обращенную к долине реки. Склонам городища в результате подправки была придана отвесность. Особенно крут западный склон, примыкающий к заболоченному лесу. В 1950 г. здесь вскрыт небольшой участок площадью 200 м² на южном конце городища, примыкающем к карьере.

Верхняя площадка городища была укреплена земляным валом с дополнительной подсыпкой из битого камня. На прилегающем к валу с наружной стороны участке склона вскрыт древнейший культурный слой селища, частично уходящий под вал и перекрытый основными отложениями городища.

Для культурного слоя древнего селища, наиболее выраженного на юго-западном склоне городища, характерны: сетчатая керамика, иногда с орнаментом в виде нарезок (рис. 32—6), представленная фрагментами крупных сосудов, костяные поделки (рыболовные крючки, острия, орнаментированные трубочки и пуговицы) и единичные бронзовые предметы. Здесь же встречено значительное скопление костей животных и рыб. Древнейший культурный слой городища Подгай хронологически увязывается с первой группой городища нашей классификации, датирующейся первыми веками н. э.

В пределах вскрытого участка на верхней площадке городища обнаружены остатки пяти небольших жилищ полуземляночного типа, с расположенным в центре каждого из них открытым глинобитным очагом округлой формы, диаметром до 80 см. В культурном слое жилищ (мощностью свыше 1 м) верхней площадки городища встречены обломки сосудов баночной формы диаметром до 30 см со штрихованной поверхностью (рис. 32—7, 9), гладкостенная керамика (рис. 32—8), а также орнаментированная крупным ложно-гребенчатым штампом, глиняные пряслица грибовидной формы с нарезным краем, грузики дьякова типа с удлиненной ножкой, костяные острия, железные серпы, кривые ножи, наконечники стрел, острия и миниатюрные долотца, а также топорик-кельт с ушком.

Представляет интерес встреченная в жилище № 3 небольшая глинобитная печь с ошлакованной внутренней поверхностью стенок, служившая для выплавки железа.

Почти в каждом жилище были встречены каменные зернотерки, состоящие из нижней прямоугольной плиты и верхнего растирательного камня овальной формы. В жилище № 5 у каменного очага были обнаружены обугленные зерна мягкой пшеницы (*Triticum vulgare*)¹.

Среди значительного количества костных остатков, по предварительному определению, представлены кости домашних животных: коровы, овцы, и диких животных: лося, зайца, бобра и других.

Основой хозяйства обитателей этого небольшого родового поселения являлось земледелие, очевидно, подсечное, и скотоводство. Вместе с тем

¹ По определению В. А. Петрова.

древние жители были хорошо знакомы с выплавкой железной руды и выделкой необходимых в хозяйстве железных орудий. Ряд отмеченных черт сближает данный памятник с известными в северной и центральной частях Белоруссии древнейшими городищами V—VII вв.

Уже предварительное изучение сравнительно небольших материалов из раскопок на Подгае в 1950 г. позволяет считать этот памятник одним из наиболее древних среди второй группы поселений.

В целом все отмеченные нами укрепленные поселения этой группы, обнаруженные в бассейне р. Торопы, находят известную аналогию в первой группе небольших смоленских городищ, овальной формы, частично защищенных валом, с характерной лепной гладкой и штрихованной керамикой.

Третью группу составляют миниатюрные городища на мысах или несколько отдаленных от водной системы возвышенностях. Они обследованы почти исключительно в 1949 г., поэтому ограничимся самой сжатой их характеристикой. Небольшие, овальные в плане, площадки этих городищ имеют в разрезе правильную усеченно-коническую форму и в отдельных случаях дополнительно укреплены замкнуто-кольцевой террасой с валообразными выступами по длинным сторонам. Культурный слой слабо выражен (Курбаты, Хворостьево). Городищам этого типа сопутствуют связанные с ними и расположенные поблизости или в стороне селища, а также многочисленные для этого периода курганные группы и могильники с круглыми расплывчатыми насыпями. Для подобных селищ характерны лепная посуда с чуть отогнутым венчиком, гладкая и орнаментированная отпечатками гребенки или примитивной волной, глиняные грузики округлой формы, уплощенные точилки из серого шифера. Судя по инвентарю, можно ориентировочно датировать всю эту группу памятников в целом концом I тысячелетия н. э. (IX—X вв.).

Очевидно, основным типом поселений в это время являлись селища. Характер городищ еще неясен — неизвестно, временные ли это убежища, сторожевые пункты или поселения. Известную аналогию подобным городищам можно найти во второй группе городищ Смоленской области, которые исследователи предположительно определяли как места для игрищ.

Последняя, четвертая, группа прежде всего представлена поселениями, среди которых еще сохраняется более древняя форма мысовых городищ. Наиболее типичным из них является городище, обнаруженное нами близ д. Залучье на месте бывшего Жижицкого погоста, расположенное у самого основания узкой выдающейся в озеро косы или полуострова.

Верхняя, овальной формы площадка городища (70 × 50 м) имеет почти геометрически правильные искусственно подправленные склоны, особенно крутые на северо-западной вытянутой напольной стороне; с противоположной стороны имеется пологий въезд. При осмотре здесь свежей пахоты, а также при шурфовке был собран значительный материал и выяснена стратиграфия городища. Обнаружено, что в основании его культурных отложений лежит древний слой с сетчатой керамикой. Однако основной период жизни этого древнейшего поселения городского типа определяется многочисленной гончарной керамикой самых разнообразных форм, начиная от горшков (рис. 32—12) и кончая кувшинами с орнаментацией в виде волны, параллельных линий, насечек (рис. 32—10—13); шиферными пряслицами, костяными гребнями, обломками стеклянных браслетов. Материал этот относится к великокняжескому периоду и последующему времени (XI—XIV вв.). В данном случае перед нами характерная картина постепенного разрастания древнерусского города Жижицы и примыкающего к нему посада, упоминающегося в летописных источниках начиная с XI—XII вв.

Разведочными данными установлено, что существенную роль в хозяйственной жизни городища играл рыболовный промысел, что подтверждается свидетельствами письменных источников.

Среди поселений четвертой группы, наряду с отмеченными, имеются характерные, новые по типу, мощные укрепленные детинцы округлой формы (диаметр до 100 м), обнесенные замкнутым кольцевым валом. К числу их относится обследованное в 1949 г. городище Кривит в г. Торопце, упоминающееся в летописи уже в XI в.

Для группы памятников великокняжеского периода и времени, непосредственно ему предшествующего, характерно сочетание городищ-детинцев с прилегающими к ним поселениями-посадами и расположенными на известном от них расстоянии мощными курганными могильниками. К числу таковых относится вновь обнаруженный, второй по счету, могильник (№ 2) на северной окраине г. Торопца.

Уже при предварительном изучении поселений I тысячелетия н. э. в верхнем Подвинье наметилась в общих чертах достаточно целостная картина преемственного развития культуры на данной территории. Наиболее заселенными с древнейших времен оказались верхнее и среднее течение р. Торопы и северный участок водной системы Жижицкого озера; излюбленными местами поселения являлись истоки рек, берега озер и наиболее изрезанные бухты и мысы.

Характерна устойчивая форма древних городищ на мысах или прибрежных возвышенностях; в каждом отдельном случае при их сооружении максимально использовался рельеф местности.

Особый интерес представляет наиболее густая сеть возникающих в середине I тысячелетия н. э. поселений, расположенных обычно близ воды и в значительной мере отражающих процесс формирования и развития местной славянской культуры на данной территории.

В последующее время, на рубеже I и II тысячелетий н. э., небольшие родовые поселки сменяются более мощными укрепленными поселениями городского типа, состоящими из детинца и прилегающего к нему посада, а также небольшими укрепленными поселениями сельского типа.

Достаточно густая насыщенность обследованного нами района памятниками свидетельствует об интенсивном его заселении уже на протяжении I тысячелетия н. э. и, очевидно, была в значительной мере обусловлена важным географическим положением этого района на «великом водном пути».

Археологическое изучение территории верхнего течения Западной Двины только начато, тем не менее уже получены ценные данные для изучения древнейшей истории этого края, входившего в состав коренной территории, занятой с древнейших времен славянами (балто-славянская группа).

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950 ГОДУ

Археологические работы в Калининградской области в 1950 г. производились ИИМК АН СССР совместно с Калининградским областным музеем на территории Приморского района. Обследовано 14 памятников — 11 городищ и 3 селища и проведены небольшие раскопки на одном из городищ¹.

Основной задачей археологических работ 1950 г. являлось продолжение изучения типов поселений, начатого в 1949 г.

Не имея достаточных материалов для хронологической классификации памятников, мы берем за основу последней их расположение на местности, используя для датировок материал разведок и раскопок.

В первую группу памятников выделяются городища различных очертаний, расположенные на мысах. Они составляют большую часть обследованных поселений и обнаружены у с. Грачевки, г. Пионерска, к северу от с. Романова, у с. Куликово и у с. Дружное. Простейшие из них — городища у г. Пионерска и у с. Куликово. Они имеют только вал с напольной стороны, высотой 1,5—2 м.

Городище у г. Пионерска (35 × 40 м) имеет форму вытянутого треугольника, вершиной обращенного к северу, и возвышается над долиной на 1 м. С южной стороны здесь сохранились остатки вала. С востока и запада городище ограждено оврагами 6—8 м глубиной.

Городище у с. Куликово (20 × 18 м) находится на крутом берегу ручья и окружено валом в виде полукольца.

К двум вышеупомянутым памятникам примыкает городище у с. Дружное (38 × 68 м). Оно расположено в 1 км к юго-западу от селения и находится у места впадения реки в озеро (рис. 34—1). С севера городище ограждено довольно мощным валом, имеющим с восточной открытой стороны 5 м высоты и охватывающим городище полукольцом. Дополнительным оборонительным укреплением на городище у с. Дружное был небольшой и теперь уже оплывший вал 90 см высоты; рядом видны следы заплывшего рва.

Все три отмеченных нами городища имеют небольшие размеры.

Наиболее выразительным является культурный слой на городище у с. Дружное. Он имеет толщину до 1 м. При раскопках на глубине 65 см

¹ В экспедиции участвовали: Ф. Д. Гуревич — начальник отряда; М. В. Казанкова, Л. Г. Коршунова, К. В. Павлова и Т. В. Равдина — лаборанты.

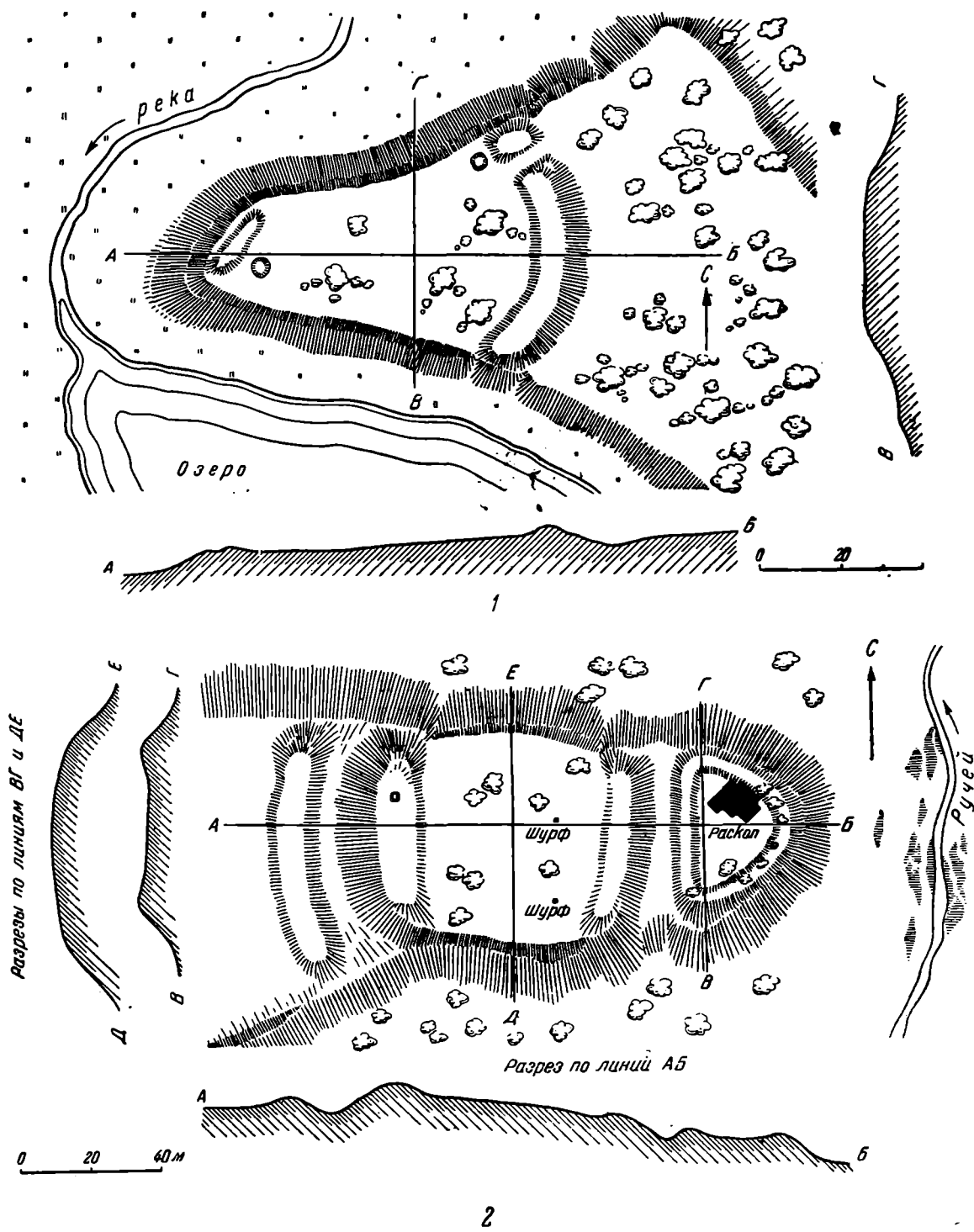

Рис. 34. Планы и разрезы городищ у с. Дружное (1), у с. Грачевки (2)

показался интенсивный угольный пласт, в котором встречались обожженные камни. Быть может, здесь находился очаг. На этом пункте раскопок найдены фрагменты серого, сильно обожженного, довольно тонкостенного сосуда, представлявшего собой расширяющуюся книзу урну. На этом же городище найдена красная толстостенная керамика баночных форм с защипами по венчику. На городище у с. Куликово найден янтарь в виде отдельных необработанных кусков.

Более сложный тип укрепленного поселения на мысу представлен городищем, находящимся в 2 км к северу от с. Романово (размером 90×32 м) и занимающим участок второй надпойменной террасы; площадка его находится в 180 м от ручья, возвышаясь над долиной на 18—20 м. С северной и южной сторон площадку городища ограждают овраги, спуск к которым очень крутой. Вал высотой 3 м находится с восточной стороны. С внутренней части городища к валу примыкает ров 8 м ширины и около 1 м глубины. Кроме того, городище у с. Романово имеет дополнительные укрепления. Это остатки валов, следы которых сохранились с восточной стороны, ниже площадки на 3 м, а также с северной.

На поселении найдены фрагменты грубой керамики и куски необработанного янтаря.

Наиболее сложное городище, из числа расположенных на мысах, находится у с. Грачевки, на высоком берегу ручья, впадающего в Балтийское море. Поселение обращено мысом к востоку, с севера и юга склоны мыса круто спадают к оврагам. По дну одного из них протекает ручей.

Городище разделено на две части — собственно мысовую, имеющую форму полукруга, и примыкающую к ней площадку. Размеры мысовой части с севера на юг 45 м, с востока на запад 20 м; она возвышается над долиной на 7—8 м и окружена замкнутым валом 1—2 м высоты. С запада к мысовой площадке примыкают ров 2 м ширины и 2 м глубины и мощный вал 8 м высоты, прикрывающий вторую площадку, размером 50×40 м, в форме прямоугольника с закругленными краями, причем общий уклон площадки дает превышение на 8 м с западной стороны.

Вторая площадка прикрывается с запада валом высотой 5 м и шириной 22 м. К нему примыкает ров 8 м ширины и 2,5 м глубины, к которому в свою очередь примыкает наружный вал 3,5 м высоты, защищающий городище с напольной стороны. Таким образом, на второй площадке оборонительные сооружения существовали только с восточной и западной сторон. С северной и южной сторон края площадки круто спускаются к оврагам. Вершина площадки поднималась над оврагом на 14 м (рис. 34—2).

Городища, расположенные на мысах, весьма различны по форме: от примитивных укрепленных поселений у с. Куликово и г. Пионерска до сложных фортификационных сооружений двухчастного городища Грачевки.

Подъемный материал, собранный на большей части мысовых городищ, позволяет датировать их первой половиной I тысячелетия н. э. Наиболее яркий материал для датировки получен с городища у с. Грачевки, на котором мы остановимся ниже. Фрагмент урны, обнаруженный на городище у с. Дружное, имеет свои аналогии в могильном инвентаре этой территории и относится к VI—VII вв. н. э. Возможно, что городище у с. Дружное следует отнести к этому же времени.

Среди городищ мысового типа конца I тысячелетия н. э. назовем городище у с. Логвиново, обследованное в 1949 г. Это поселение датируется раннегончарной керамикой, сходной со славянской, характерной для конца I и начала II тысячелетий н. э.

Ко второй группе следует отнести обследованные нами в 1950 г. болотные городища у с. Богатого (диаметр 35 м) и к востоку от с. Русского (64×60 м). Болотные городища возвышаются, как холмы среди низин. Одно из них обнесено кольцевым, а второе — неполным кольцевым валом.

Наиболее интересные материалы были обнаружены на городище к востоку от с. Русского. Здесь найдена лепная керамика, как шероховатая грубая, так и довольно гладкая коричневая с защипами по валику. При зачистке обнажения вала найдены фрагменты керамики, подобные обнаруженным при шурфовке площадки городища. Под основанием вала выявлен культурный слой мощностью 1,5 м, насыщенный находками, в том числе лощеной керамикой. Встречались и черепки лепной керамики от слабо профилированных сосудов с защипами по венчику. Здесь же найдены обгорелый камень, несколько костей животных и кусок янтаря со следами обработки. Черная лощеная керамика дает основание причислить это городище к памятникам первой половины I тысячелетия н. э.

Любопытно, что в этом пункте первоначально существовало открытое поселение, позднее окруженное валом.

Третью группу составляют городища, расположенные на вершинах высоких возвышенностей. Их обнаружено три — в с. Романово, в с. Кумачево и в 2 км к северу от с. Русского. Городище в с. Романово не имеет никаких оборонительных сооружений. Оно расположено на вершине высокой, труднодоступной горы, у подножья которой находилось озеро. Площадка горы имеет культурный слой мощностью 70 см, в значительной мере перемешанный при возведении поздних строений. Здесь обнаружены фрагменты керамики, куски янтаря, шлаки, заготовки для изделий из рога и т. д.

Городища в с. Кумачево и к северу от с. Русского представляли собой совершенно исключительные оборонительные сооружения. Они расположены на вершинах гор и почти недоступны для нападений.

Городище в с. Кумачево занимает самую высокую точку района. Для того чтобы достигнуть площадки, нужно войти на плато с восточной стороны, где находились два вала, затем, постепенно поднимаясь вверх, можно достичь площадки, представлявшей собой в плане овал, ориентированный с севера на юг. Площадку окружали замкнутый мощный вал и параллельные ему другие валы. Размеры площадки 150 × 50 м. Мощность культурного слоя равна 1,60 м. В верхних горизонтах найдена раннегончарная керамика, в нижних — лощеная. Таким образом, поселение существовало здесь в начале I тысячелетия н. э. и в конце его. Была ли здесь жизнь на промежуточных этапах, сказать трудно.

Весьма значительным сооружением является также городище у с. Русского. Площадка его расположена на вершине горы и представляет собой в плане трапецию с закругленными углами, окруженную замкнутым валом 3 м высоты. Второй вал отделен от первого рвом 6—9 м глубины, который идет по спирали. С западной части между первым и вторым (спиральным) валом были два дополнительных вала. Один из них достигает 7 м в высоту. С восточной стороны также заметны следы дополнительных валов. Мощность культурного слоя здесь равна 70—80 см; он густочерного цвета от примеси угля. В слое найдены обломки лепных прямостенных сосудов архаической выделки с линейным орнаментом, куски глиняной обмазки с отпечатками соломы, злаки, зерна гороха, куски янтаря. На городище обнаружена и средневековая гончарная керамика.

Возникновение городища к северу от с. Русского относится, по видимому, к I тысячелетию н. э. Впоследствии оно было использовано уже в эпоху средневековья. Трудно сказать, когда здесь были возведены валы.

Среди обследованных поселений особняком стоит расположенное в 3 км от с. Березники. Оно состоит из двух частей, подобно городищу у с. Грачевки, и относится к числу поздних городищ. Свидетельствами этого служат четырехугольная площадка и прямоугольные валы. Однако на этом городище нами обнаружена архаичная лепная керамика, которая указывает на то, что жизнь на поселении существовала и в I тысячелетии н. э.

К последней группе обследованных памятников относятся селища. Одно из них расположено на 500 м севернее поселка Янтарного, на первой террасе ныне высохшего ручья. Мощность культурного слоя равна 40—50 см. Здесь найдены фрагменты лепного желто-красного прямостенного сосуда. Керамическое тесто довольно хорошей выделки и содержит малое количество примесей. Здесь же найдены куски янтаря, сланцевый оселок и другие изделия. Характер керамики и наличие янтаря дают основание причислить это открытое поселение к памятникам I тысячелетия н. э.

Таким образом, большая часть обследованных нами в 1950 г. поселений относится к I тысячелетию н. э., преимущественно к первой его половине.

По окончании разведочных работ нами были предприняты раскопки на городище Грачевка (рис. 34—2), на изолированной мысовой части которого вскрыта площадь в 112 м². Почти под дерном обнаружены плотно примыкавшие друг к другу фундаменты двух прямоугольных помещений; площадь каждого из них равнялась около 9 м². Оба помещения ориентированы по линии север — юг. Камни фундамента по углам были более крупными, чем в основной кладке. Между ними находились железные гвозди со шляпками и куски глиняной обмазки. К помещению № 1 вела вымостка, сложенная из мелкого булыжника. Внутри помещений находок сравнительно мало. Повидимому, сооружения относятся к тому времени, когда городище было уже покинуто.

Наряду с контурами двух прямоугольных помещений было встречено большое количество развалов камней, некоторые из них также составляли ряды, ориентированные по линии север — юг.

На глубине 1,3 м мы снова встретились с развалом камней, иногда вытянутых в линии, соответствующие странам света. На глубине 1,25 м встречено сооружение, выложенное из камней, диаметром 60 см; середина его была заполнена песком. Следов огня и печей на вскрытом участке не обнаружено. Однако по всей площади раскопа встречались следы открытых очагов в виде скоплений угля, золы, раздавленных сосудов с остатками зерен. Особенно часто открытые очаги попадались на глубине около 2 м вдоль линии вала, который, как показали раскопки, был возведен тогда, когда поселение уже существовало, ибо культурный слой с большим количеством горелой пшеницы уходил под вал. Культурный слой был распределен неравномерно: в то время как в мысовой части вала он достигал мощности около 2 м, у вала со стороны рва толщина его равнялась 50—60 см.

На городище найдено довольно много керамики различных форм, куски янтаря и изделия из него, украшения из бронзы, стеклянные бусы, хозяйственные предметы и, кроме того, зерна пшеницы, проса и гороха.

Керамика — исключительно лепная. Встречены горшки грубой работы из красной и желтой глины с примесью толченого гранита и кварца и довольно много венчиков прямостенных и слегка профилированных лощеных и нелощеных сосудов. Значительная часть сосудов имеет баночную форму с защипом по венчику. Из других форм следует упомянуть большой сосуд (диаметр свыше 30 см) из желтой глины, ведерной формы, с высокими плечиками и защипами по венчику.

В нижнем слое городища встречаются ребристые сосуды с ручками. Неоднократные находки ручек свидетельствуют о том, что сосуды подобного типа не были редкостью. Встречены также фрагменты посуды для изготовления сыра. Обращают на себя внимание желтые ребристые сосуды с парными коническими налестками на ребрах.

Большая часть керамики городища Грачевки не орнаментирована. Для орнаментированной характерным украшением являются защипы по венчику, которые наблюдались на баночных и некоторых профилированных сосудах. Довольно редко встречается орнамент в виде нанесенных палочкой линий,

в отдельных случаях составляющих треугольники. Иногда орнамент наносился в виде ямок, выдавленных палочкой или пальцем. В ряде случаев на керамике запечатлены следы ногтей.

Особую группу составляет лощеная черная и желтая керамика: фрагменты тонкостенных сосудов, резко отличающиеся от всех остальных, чаще

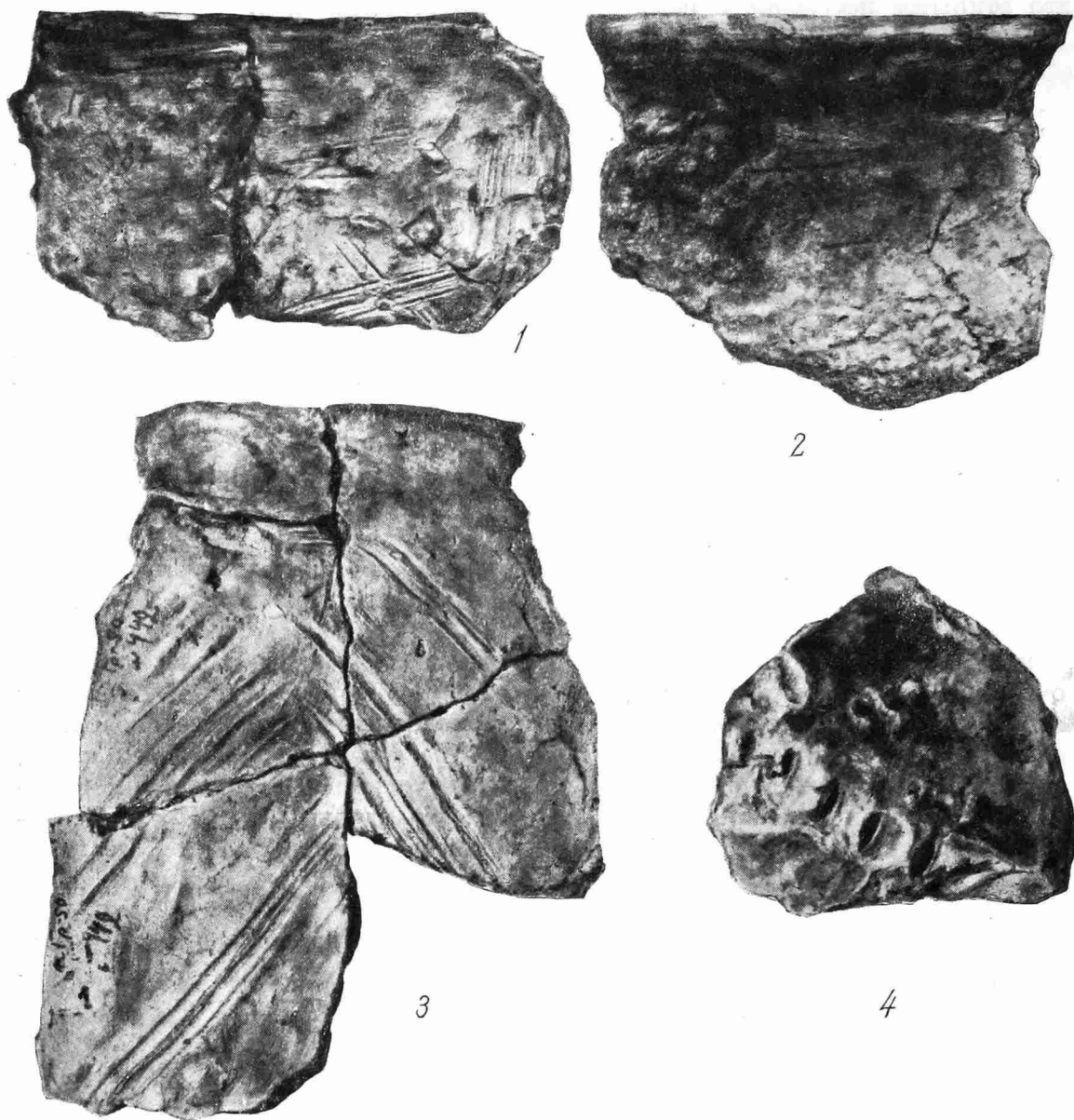

Рис. 35. Керамика с городища у с. Грачевки

всего имеющих рыхлую структуру черепка (рис. 35). Наиболее совершенной по технике выработки является черная лощеная керамика.

Находки янтаря стоят по количеству на втором месте после обломков посуды. На небольшой площади раскопа найдено около 400 в большинстве случаев необработанных кусков янтаря различной величины. Лишь на некоторых из них видны следы первичной обработки — шлифовки, сверления и т. д. Часть янтаря находилась в золе, хотя, как известно, он является застывшей смолой, которая горит в огне. Повидимому, обитатели с. Гра-

чекки его «томили», т. е. держали некоторое время в жару, чтобы придать ему «каленный» цвет.

Значительно меньше встречено изделий из янтаря. Это, главным образом, бусы. Большая часть их выработана весьма грубо. Бусине не всегда придана определенная форма. Редко ее делали круглой, чаще всего ограничивались тем, что просверливали отверстие в необработанном куске. Исключение представляет одна бусина округлой формы, тщательно отшлифованная (диаметр 1,7 см). Бочок бусины рифленый, отверстие ровное, цилиндрическое.

Из бронзовых украшений обращает на себя внимание несомкнутый браслет с прогибом посередине, украшенный геометрическим узором. Здесь же были найдены ложно-витой перстень, оковка сосуда и две подвески, из которых одна с веревочным орнаментом.

Из других украшений встречены стеклянные бусы — синие и белые. Найдены также оселки и другие предметы хозяйственного назначения.

Изделий из железа сравнительно немного: наконечник стрелы и несколько сильно поржавевших обломков. Обнаружены куски железных шлаков, служащих свидетельством производства здесь выплавки железа.

Для характеристики хозяйства обитателей городища Грачевки имеет большое значение находка зерен. Найдено 5 фрагментов раздавленных сосудов с зернами пшеницы и проса. Значительные запасы горелых зерен пшеницы обнаружены на мысу городища, на участке, над которым позднее был насыпан вал.

Раскопки у с. Грачевки дают нам некоторые опорные данные для датировки этого поселения. Датирующим материалом здесь служат черная лощеная керамика, а также янтарь, который обычно встречается в ранних памятниках первой половины I тысячелетия н. э. Сосуд ведерной формы, найденный в Грачевке, имеет аналогию в инвентаре могильника III—IV вв. н. э. Приморского района. Аналогию в орнаменте можно найти на некоторых сосудах из могильников также III—IV вв. н. э. на территории Польши.

Основания для датировки дают также украшения из бронзы. На одной из подвесок имеется веревочный орнамент, встречающийся на фибулах III—IV вв. н. э., известных по могильным памятникам.

В свете приведенных данных нам представляется возможным датировать городище у с. Грачевки III—IV вв. н. э.

Жизнь на этом городище продолжалась, повидимому, долгий период. Как мы уже отмечали, наиболее ранний этап в истории этого поселения связан с тем временем, когда на нем отсутствовал вал. О длительности заселения свидетельствуют остатки двух строительных этапов (развал камней нижнего горизонта и фундаментов прямо под дерном).

Небольшие работы на городище Грачевка дали материал, по которому можно судить об интенсивной жизни на поселении в первой половине I тысячелетия н. э. Повидимому, жители изучаемой территории уже в первые века н. э. интенсивно занимались сельским хозяйством, о чем свидетельствуют мощный слой сторевшей пшеницы и значительное число сосудов с просом и пшеницей. Костей животных встречено довольно мало, однако фрагменты сосудов для изготовления сыра являются косвенным доказательством занятия животноводством.

Находки шлаков служат признаком существования железоделательного производства.

Многочисленные находки янтаря, являющегося характерной принадлежностью поселений первой половины I тысячелетия н. э., подтверждают известное свидетельство Тацита о собирании янтаря на берегах Балтийского моря обитателями побережья и о торговле им.

Доказательством наличия внешних связей у древних обитателей обследуемой нами территории служат находки привозных вещей: прекрасно выделанной черной лощеной керамики, бронзовых украшений, стеклянных бус.

Размеры работ в 1950 г. были сравнительно невелики, однако и они дали новый материал для истории до сих пор неисследованных поселений Калининградской области. Нет сомнения, что в дальнейшем следует шире практиковать на этой территории разведочные работы и раскопки памятников.

М. В. ФЕХНЕР

РАСКОПКИ В КОСТРОМЕ

(К вопросу о времени возникновения Костромы и ее первоначальном местоположении)

История возникновения Костромы не нашла своего отражения в письменных источниках. На страницах русских летописей город впервые назван под 1213 г. в связи с междоусобной борьбой суздальских князей, когда ростовский князь Константин Всеволодович напал на Кострому как на город, тяготевший к владениям его брата, владимирского князя, «и пожже ю всю, а люди изымаша»¹. Это первое известие рисует Кострому уже вполне сложившимся городом, что дает основание предполагать о существовании ее как поселения задолго до начала XIII в. Согласно преданию, державшемуся в местном крае еще в XIX в., основание Костромы связано со строительной деятельностью князя Юрия Долгорукого по укреплению рубежей Суздальской земли. Как полагал В. Н. Татищев, город был заложен в 1152 г., в тот год, когда Юрием Долгоруким были созданы в стратегических целях на западной окраине Ростово-Суздальской земли Юрьев-Польский и Переяславль-Залесский. Такой же передовой крепостью Суздальской земли (на северо-востоке) являлась и Кострома; она контролировала путь по р. Костроме, который связывал северо-восточную часть Ростово-Суздальской земли с верховьями Волги.

По мнению некоторых исследователей Костромы, город первоначально находился на правом берегу Волги, на месте селения Городище и был перенесен на левый берег реки в связи с разгромом его татарами лишь в середине XIII в.² Однако раскопки в районе Городища, произведенные членами Костромской архивной комиссии Н. М. Бекаревичем и И. Д. Преображенским в конце XIX в. и сотрудником Костромского музея В. И. Смирновым в 1920-х годах, дали лишь кремневые орудия, обломки сосудов неолитического типа и сетчатую керамику; материал же XI—XII вв. не был обнаружен. Между тем в 90-х годах прошлого столетия на берегу р. Сулы — левого притока Волги, у дома № 10 по улице Островского (быв. Московская или Мшанская улица) были найдены при земляных работах наряду с предметами, относящимися к неолитическому периоду, 101 обломок стеклянных браслетов, 38 пастовых, стеклянных и глиняных бус,

¹ ПСРЛ, т. VII, стр. 119.² Б. Дунаев. Кострома в ее прошлом и настоящем по памятникам искусства. М., 1913; В. К. Лукомский. Кострома. Исторический очерк и описание памятников художественной старины. СПб., 1913; И. В. Миловилов. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1888.

железные ножи и кольца, двухсторонние трапециевидные костяные гребни, обломки глиняных сосудов с линейным и волнистым орнаментом и др. (рис. 36). Среди обнаруженного материала значительный интерес представляет бронзовый стержень овального сечения с уплощенным концом и навершием в виде птички. У последней на месте глаз имеется круглое отверстие, а на обеих сторонах тулова — два углубления круглой формы, по

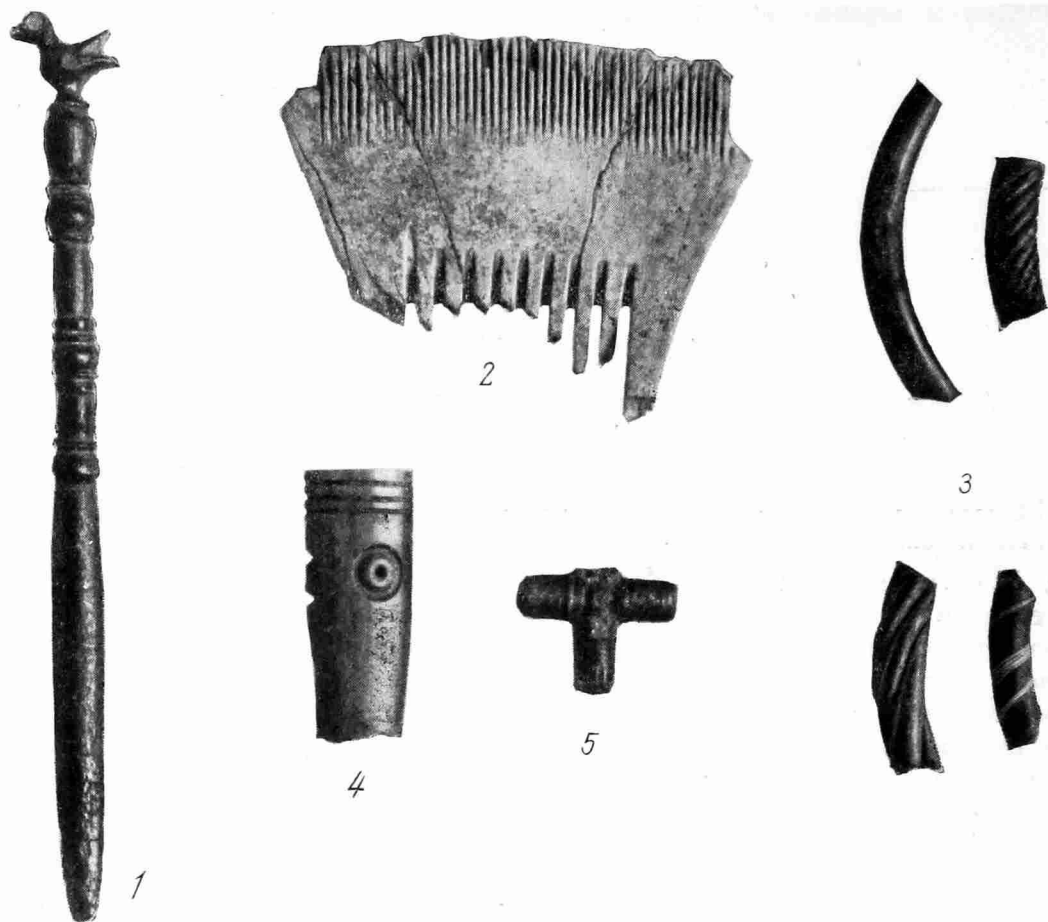

Рис. 36. Материал, обнаруженный в г. Костроме при земляных работах на берегу р. Сулы в конце прошлого века.

1 — бронзовый стержень, употреблявшийся при тканье поясов; 2 — костяной гребень; 3 — обломки стеклянных браслетов; 4 — костяное изделие; 5 — обломок глиняного крестика

диаметру равные отверстию. Такой же формы и такого же размера стерженьки, или «ножички», с навершиями в виде птиц были найдены во Владимирской области близ Муром (случайная находка) и на месте древнего г. Белоозера (подъемный материал)¹. Повидимому, они восточного происхождения, так как подобные предметы часто встречаются в развалинах городов на территории Средней Азии². Эти бронзовые «ножички» являлись орудиями, которыми пользовались при тканье поясов; ими прибивали уток в процессе тканья (рис. 36—1).

Подобные же находки, свидетельствующие о существовании поселения городского типа на левом берегу Волги уже в домонгольское время, встречались в 1920—30-х годах на побережье р. Сулы в районе Пятницкой улицы и недалеко от места впадения Сулы в Волгу. Несмотря на этот заслуживающий внимания материал, археологического обследования территории

¹ Сбор В. В. Горновского 1948 г. Череповецкий музей, № 1740/1.

² Закаспийская область. Собр. А. Комарова. ГИМ, инв. № 23877/Щ.

по нижнему течению Сулы не было произведено. Раскопки Областного краеведческого музея, организованные летом 1951 г., были первыми как в этом районе города, так и вообще в Костроме. Они носили преимущественно разведывательный характер и ставили перед собой задачу установить первоначальное местоположение Костромы и вместе с тем археологически решить вопрос о времени ее возникновения¹.

После обследования местности по нижнему течению Сулы (в районе улиц Пятницкой и Островского) были выбраны следующие участки для работ:

1) Три раскопа были заложены во дворе дома № 23 по улице Островского (рис. 37). Здесь, на высоком холме близ места впадения р. Сулы в Волгу, находилась Богоотцовская церковь, построенная в 1769 г. на месте деревянной церкви Федора Стратилата, в которой, согласно летописным данным, был в 1276 г. похоронен князь костромской Василий Ярославич: «Преставися князь великий Василий Ярославич и положен бысть у святого Федора на Костроме»². В «Сказании о чудесах федоровской иконы» (рукопись 1613 г.) указано, что соборная церковь Федора Стратилата находилась «на площади по прозванию Мшанская улица»³. Эта церковь, не раз горевшая, упоминается также в писцовой книге г. Костромы 1628 г.: «На Суле у Мшанской улицы церковь стоит без пенья Феодора Стратилата древяна...»⁴. В начале XVII в. вблизи Федоровской церкви можно было видеть и остатки «старой осыпи», некогда окружавшей город⁵.

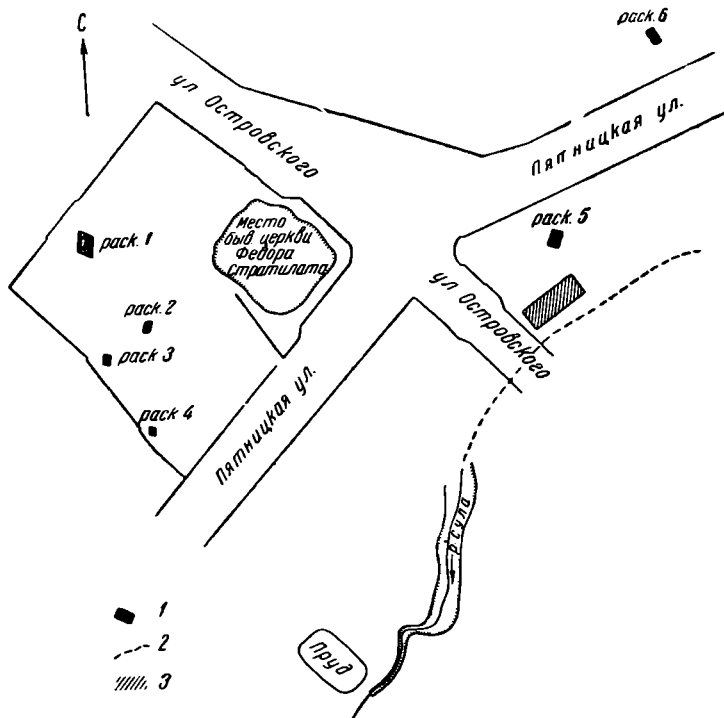

Рис. 37. План раскопок 1951 г. в г. Костроме

1 — места раскопок; 2 — русло р. Сулы; 3 — место находки археологического материала в 90-х годах XIX в.

Таким образом, три раскопа были разбиты в центре территории, которую, как это явствует из письменных источников, Кострома занимала в XIII в. Из них раскоп 1 был разбит на площадке, свободной от строений, в 45 м к западу от бывшей Федоровской церкви. Заложить раскоп на месте, занятом в свое время церковью, не оказалось возможным, так как в течение последних 10—15 лет отсюда систематически брали песок для строительных целей, в связи с чем культурный слой здесь оказался целиком снятым. Два других раскопа были заложены в 30 и 45 м к юго-западу от места

¹ Раскопки велись сотрудником ГИМ М. В. Фехнер при участии научного сотрудника Костромского музея Н. Н. Яблоковой. Полученный при раскопках материал хранится в Костромском обл. музее (оп. № 414).

² ПСРЛ, т. V, стр. 199; И. Беляев. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863, стр. 18.

³ Костромской обл. гос. архив, ф. 558, № 2.

⁴ Там же, № 5, л. 613 об.

⁵ Там же, л. 617.

бывшей церкви Федора, причем один из них (раскоп 3) находился на склоне холма, обращенного к Волге, где можно было надеяться встретить неперекопанный слой.

2) Для раскопа 4 было выбрано место во дворе дома № 11 по Пятницкой улице, в районе которой, как выше отмечалось, находили славянские вещи XI—XII вв. Данный раскоп был расположен на расстоянии 3,5 м от дома № 12, на склоне холма, обращенного к р. Суле (см. рис. 37).

3) Место для раскопа 5 было выбрано во дворе дома № 10/12 на углу улиц Пятницкой и Островского (двор дома XVIII—XIX вв. быв. Костромского попечительного о бедных комитета), в 28 м от русла р. Сулы. Это место остановило на себе внимание потому, что, повидимому, именно здесь в 90-х годах был обнаружен на берегу Сулы при земляных работах вышеупомянутый материал XI—XII вв. Так, в инвентарной книге Костромского музея указано, что эти находки были сделаны против дома № 10 по Мшанской улице (ныне улица Островского). Из дел же Костромской городской управы известно, что в 90-х годах на правом берегу Сулы строился кирпичный сарай и что в те годы дома № 10 (быв. Богоявленской) и № 12 (быв. дом Костромского попечительного о бедных комитета) по Мшанской улице имели общий, неразгороженный двор¹. Очевидно, что при рытье котлована для фундамента кирпичного здания, которое в настоящее время относится к дому № 12 по улице Островского, и был обнаружен археологический материал XI—XII вв. По словам местных жильцов, площадь двора при доме № 12 неоднократно перекапывалась. Нетронутой являлась лишь северо-западная часть двора, где и был заложен раскоп 5. Он находился в 11,5 м от места находки археологического материала.

4) Раскоп 6, последний, был разбит во дворе дома № 19 по Пятницкой улице, на расстоянии 2,5 м от дома (см. рис. 37).

Площадь заложенных раскопов колебалась от 12 до 48 м²; такие небольшие размеры были вызваны условиями застройки. Кроме перечисленных шести раскопов, экспедицией Костромского музея были заложены еще два небольших шурфа: на левом берегу Сулы во дворе дома № 12 по улице Островского и во дворе дома № 9/18 на углу Пятницкой и Пролетарской улиц.

Раскопы 1—5 были ориентированы по странам света; раскоп 6 пришлось ориентировать параллельно стенам дома, вблизи которого он был разбит.

Работы начались на раскопе 1, где обнаружилась совершенно неудовлетворительная стратиграфическая картина. Культурный слой, толщина которого колебалась на этом участке от 0,90 до 2 м, был нарушен почти на всей исследуемой площади. Вдоль северного обреза раскопа и через всю его площадь в направлении с севера на юг шла канава шириной 1,4—1,8 м; она была вырыта до материка, состоявшего из чистого светложелтого мелкозернистого песка. В юго-западной части раскопа был обнаружен слой строительного щебня, шедший почти до материка и содержащий самый разновременный материал. Вместе с лощеной керамикой XVI—XVII вв. встречались обломки глиняных сосудов XI—XII вв. с волнистым и штампованным орнаментом и обломки стеклянных браслетов, характерных для домонгольского времени. В этом же слое обнаружены: кремневое орудие, монета 1801 г., обломки фаянсовой, фарфоровой, стеклянной посуды XVIII—XIX вв. и остатки современной обуви. Лишь в восточной части раскопа 1 и в некоторых квадратах центральной его части смешанный слой шел не до самого материка, а только на глубину 40—60 см. Следует отметить, что на этом участке максимальное количество находок приходилось на верхние слои (до глубины 1—1,1 м), ниже количество их падало и делалось совсем ничтожным на глубине 1,4—2 м. В этой части раскопа

¹ Костромской обл. гос. архив. Дела Костромской городской управы (1870—1918 гг.), строительное отделение, № 2299 и 3385.

были обнаружены остатки металлургического производства — большое количество обломков криц, железных шлаков, куски обожженной глины и множество угля. Эта находка хорошо датируется керамикой XVI—XVII вв.: в слое преобладала черная лощеная и мореная без лощения керамика, а также хорошо известная по раскопкам в Москве светлосерая толстостенная посуда (толщина стенок до 1,5 см). Последняя представлена большим количеством черепков, дающих возможность восстановить форму сосудов: они были большого размера (возможно корчаги) с прямым неотогнутым венчиком и с туловом, орнаментированным редкими горизонтальными полосами. Из такой же глины были изготовлены массивные крышки с петельчатыми ручками, украшенные концентрическими кругами.

У восточного обреза раскопа была обнаружена яма (1 × 1,05 м) глубиной до 1 м., в которой на глубине 1,2 м от поверхности найдена стеклянная позолоченная бусина цилиндрической формы. Как известно, подобные бусины обычны в смоленских, прибалтийских, тверских и владимирских курганах XI—XII вв. В курганах костромских этого же времени было также найдено несколько экземпляров таких бус¹.

Большой интерес представляют обломки керамики так называемого городищенского типа, найденные на глубине 1,2—1,5 м от поверхности в той же яме, что и стеклянная позолоченная бусинка. Это толстостенные сосуды (6—10 мм) недостаточного обжига, с довольно слабо отогнутым венчиком и резко выступающими плечами; глиняное тесто их содержит значительную примесь кварца; нередко сосуды этого типа имеют на плечах волнистый или ногтевой орнамент. Керамика городищенского типа, характерная для русских городских слоев домонгольской поры², была найдена на остальной площади раскопа в смешанном слое. Итак, ненарушенные нижние горизонты культурного слоя на раскопе 1 могут быть отнесены к XI—XII вв.

По окончании работ на раскопе 1 был разбит раскоп 2. Культурный слой на всей площади раскопа оказался очень тонким — мощность его не превышала 70 см; возможно, что он частично был снят раньше. Так, материал XI—XII вв. обнаружен на данном участке работ всего лишь на глубине 40—45 см от поверхности. Верхние слои здесь, как и на раскопе 1, были сильно перерыты и дали разновременный материал. На одной глубине с фрагментами поливной посуды XX в. встречалась черная лощеная керамика, обломки «красных» рельефных изразцов XVI в., глиняная курительная трубка XVIII в., наконец, обломки грубой глиняной посуды с волнистым, линейным и ногтевым орнаментом.

У северной стенки была обнаружена на глубине 40 см небольшая яма (50 × 80 см) глубиной 20 см, заполненная фрагментами керамики XI—XIII вв. Часть обломков принадлежала посуде из белой глины с широким сильно отогнутым венчиком и с орнаментом на плечах в виде небольших углублений, нанесенных деревянной палочкой, которые расположены по одной линии. Подобная керамика была найдена при раскопках древнего г. Белоозера Л. А. Голубевой в слоях XII—XIII вв. Преобладающее же количество обломков принадлежало толстостенной посуде (8—9 см) со слабо отогнутым узким венчиком и слабо выступающими плечами; поверхность серовато-коричневая, шероховатая; глиняное тесто со значительной примесью песка, обжиг слабый. С таким же профилем и подобным же глиняным тестом здесь встретилось еще несколько обломков сосудов средней толщины (5 мм), тулово которых целиком орнаментировано частыми горизонтальными линиями. Судя по аналогиям, дата описанной керамики, очевидно, довольно ранняя; она не моложе XI—XII вв.

¹ П. Н. Третьяков. Костромские курганы. «Изв. ГАИМК», т. X, вып. 6—7, 1931, стр. 15.

² М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА СССР, т. 12, М.—Л., 1949, стр. 60—61.

Древний культурный слой сохранился в раскопе 2 и в юго-западной его части, где на глубине 40—70 см найдены обломки керамики, подобной той, которая была обнаружена в яме. Здесь же в предматериковом слое найден обломок голубого стеклянного браслета.

Переходим к раскопу 3. Толщина культурного слоя на этом участке колебалась от 0,8 до 1,5 м. Различить внутренние прослойки не удалось, хотя материал встречался разновременный. Как и на предыдущих раскопах, здесь встречены в основном две группы керамики: посуда XVI—XVII вв. (черная лощеная, мореная без лощения, керамика ангобированная) и керамика XI—XII вв. (городищенского типа — толстостенная недостаточного обжига, с мало отогнутым венчиком и слабо выступающими плечами, а также сосуды с широким, сильно отогнутым венчиком и линейным, волнистым и штампованным орнаментом на плечах). Среди металлических изделий в раскопе 3 найдены: кованые гвозди, нож, четырехгранный болт, пробой, дужка от ведра и др.

Огромный интерес представляет обнаруженный в центральной части раскопа на глубине 0,8—1 м развал глинобитной печи, в непосредственной близости от которого найдены куски застывшей белой стеклянной массы, обломок расплавленного стеклянного браслета (зеленого цвета), — повидимому, производственный брак — и железный шлак, применявшийся, как известно, для изготовления стекла. Из-за условий застройки расширить площадь раскопа 3 и полностью выявить археологический комплекс, связанный с печью, не удалось. Тем не менее обнаруженный материал дает возможность говорить о существовании в домонгольской Костроме специальной мастерской стеклянных браслетов. Настоящая находка приобретает тем большее значение, что, кроме Киева (раскопки Хвойко) и Колодяжина (раскопки Гончарова), стеклоделательные мастерские до сих пор не были обнаружены ни в одном из древнерусских городов.

После засыпки раскопов во дворе дома № 23 по улице Островского работа экспедиции была перенесена на Пятницкую улицу, во двор дома № 11. Здесь на склоне холма, обращенного к р. Суле, был заложен раскоп 4, на котором удалось проследить следующую стратиграфию: черноватый слой толщиной 10 см; слой серой земли (0,45—1 м) с кирпичным щебнем и керамикой, среди которой преобладали фрагменты сосудов XVI—XVII вв., слой песка 30—45 см толщины и, наконец, слой черной земли (40—90 см), в котором найдены обломки сосудов с волнистым и ногтевым орнаментом, керамика XVI—XVII вв., несколько небольших кусков железного шлака и обломок расплавленного стеклянного браслета голубого цвета, который, повидимому, являлся браком, получившимся в процессе изготовления браслетов. В южной части раскопа обнаружен мусорный слой с материалом, относящимся в основном к XIX—XX вв. Из находок в этом слое, относящихся к более раннему времени, заслуживает внимания обломок медного креста-складня XV—XVI вв.

По окончании работ на раскопе 4 был заложен раскоп 5 во дворе дома № 10/12 на углу улиц Пятницкой и Островского.

В процессе раскопок выяснилось, что стратиграфия на раскопе 5 была менее нарушена, чем на предыдущих участках. Толщина культурного слоя колебалась от 0,46 до 2,4 м. В верхних слоях на глубине 0,6—0,7 м на всей площади раскопа преобладала черная лощеная керамика XVI—XVII вв., среди которой много обломков кувшинов с лощением полосами, а также с целиком лощеной поверхностью, миски с внешней и внутренней лощеной поверхностью, рукомытники. Керамики XI—XII вв. на данной глубине было найдено всего несколько фрагментов; повидимому, они попали сюда при перекопе из более глубоких слоев.

Ниже (глубина 0,8—1 м) черной лощеной керамики найдено сравнительно мало; здесь преобладала керамика городищенского типа и фрагменты

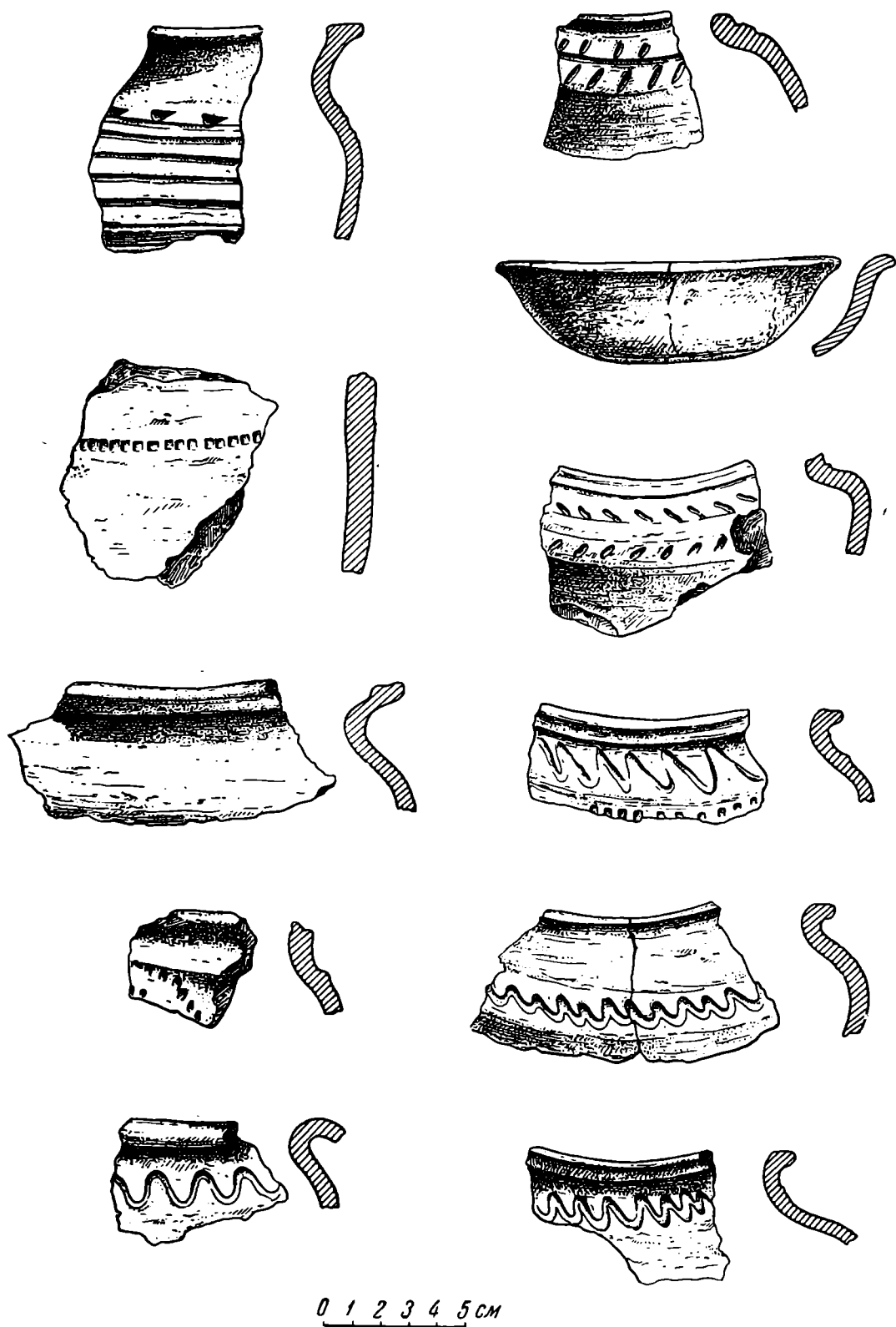

Рис. 38 Образцы глиняной посуды XI—XII вв. из раскопок в г. Костроме

горшков, которые по форме, глиняному тесту и орнаменту аналогичны сосудам из курганов XI—XII вв. близ деревень Татариново и Исаево Костромской области¹. Горшки этих двух типов: с узким, почти прямым венчиком и слабо выступающими плечами и с широким отогнутым венчиком и резко выступающими плечиками. На плечах или на тулове нередок волнистый, линейный, штриховой и ногтевой орнамент. Характерным для костромских сосудов является то, что ширина их всегда больше высоты. Сделаны они при помощи гончарного круга. Глиняное тесто обычно имеет значительную кварцевую примесь. Фрагменты подобных горшков встречались и в раскопах 7—4. На глубине 0,8—1 м найдено несколько обломков железных изделий и крупный фрагмент стеклянного браслета.

В нижних слоях (на глубине 1,2—2,2 м) керамика XVI—XVII вв. совершенно отсутствовала; в основном встречалась та же керамика, что и на глубине 0,8—1 м. Обнаружено также несколько обломков посуды из белой глины с широким, сильно отогнутым венчиком и с линейным орнаментом на плечах. Как указывалось выше, подобная керамика была найдена в г. Белоозеро в слоях XII—XIII вв. Фрагментов лепной керамики в раскопе 5, как и в предыдущих четырех, обнаружено не было. На глубине 2,4 м, за исключением нескольких кусочков угля, никаких находок не сделано.

Из изложенного явствует, что керамика нижних горизонтов культурного слоя раскопа 5 датируется XI—XII вв. (рис. 38).

Культурный слой раскопа 6 оказался однородным: он содержал много кирпичного щебня и был чрезвычайно богат находками XVI—XVII вв. Материал же XI—XIII вв. встречался здесь в незначительном числе.

В шурфах, заложенных на левом берегу Сулы, против дома № 10 по улице Островского и на углу улиц Пятницкой и Пролетарской, культурный слой достигал лишь 25—40 см толщины и содержал исключительно материал XVII—XX вв.

Проделанная работа позволяет сделать следующие выводы.

Наши раскопки и археологический материал, собранный при земляных работах, подтвердили существование Костромы уже в XII в., т. е. задолго до того времени, когда она впервые упоминается в летописи. Указанная В. Н. Татищевым дата основания Костромы (1152) является, конечно, условной. Однако тот факт, что р. Сула, еще недавно протекавшая по территории города, названа южным именем в честь р. Сулы — притока Днепра, дает право отнести время постройки Костромы к эпохе Юрия Долгорукого; известно, что перенесение южных географических названий в Суздальскую Залесскую сторону являлось характерной чертой строительной деятельности сына Мономаха².

Археологический материал, обнаруженный на территории города, показал также, что Кострома находилась на левом берегу Волги еще в домонгольское время. Зародившись, повидимому, на высоком холме близ слияния рек Волги и Сулы, городское поселение постепенно разрасталось вдоль левого берега Волги до места, где в нее впадает р. Кострома. Естественными границами княжеской Костромы (XIII в.) были: на юге и юго-востоке — долины рек Волги и Сулы, на западе — р. Костромы. Показательно, что именно в этой части города находились наиболее древние монастыри Костромы: Ипатьевский, Спасозапрудненский, Анастасьинский.

Неполнота собранного археологического материала не позволяет пока создать всестороннее представление о древней Костроме, которая, несомненно, была значительным для того времени ремесленно-торговым центром. Последующие, более крупные и длительные археологические исследования на территории города должны восполнить этот пробел.

¹ Хранятся в Костромском областном краеведческом музее.

² М. Н. Тихомиров. Основание Москвы и Юрий Долгорукий. «Изв. АН СССР», серия истории и философии, т. V, № 2, 1948, стр. 147.

III. МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*Н. Я. МЕРПЕРТ***К МЕТОДИКЕ РАСКОПОК СТЕПНЫХ КУРГАНОВ
ПОВОЛЖЬЯ¹**

Летом 1950 г. третьим отрядом Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР были обследованы курганные группы в районе строительства Куйбышевского гидроузла. Основным объектом работ явились курганы у с. Ягодного, расположенного в 25 км к северу от Ставрополя, в 8 км от Волги, у края второй надпойменной террасы. Значительная насыщенность этой местности археологическими памятниками, и прежде всего курганами, была отмечена разведками прошлых лет. Курганы располагаются на открытых местах, как на террасе, так и ниже нее, на пойменных лугах и вблизи протоков р. Сускана. Встречаются одиночные курганы и группы их, состоящие из двух-трех и большего числа насыпей; наибольшая группа, расположенная у с. Березовки, в 9 км севернее Ягодного, насчитывала 17 курганов.

Все курганы в плане круглой или овальной формы. Круглые насыпи различаются между собой лишь размерами, по форме и пропорциям все они однородны. Диаметр их от 10 до 35 м, высота же сравнительно невелика — от 0,1 до 2 м. Небольшие, сильно распаханные расплывшиеся курганы очень трудно обнаружить на поверхности поля. Разведки и фиксацию (в том числе фотографирование) таких групп удобнее всего производить рано утром или вечером, когда косые лучи солнца освещают курганы наилучшим образом.

Толщина дернового слоя курганов обычно не превышает 10—15 см, отдельные корни трав доходят до глубины 30—40 см.

Характер грунта, особенности насыпи, материк. Насыпь большинства исследованных курганов состоит из плотного чернозема со значительными включениями твердой серой глины, особенно заметными в насыпи кургана № 5, расположенного к югу от Ягодного. Особенностью интересующей нас местности является значительная мощность почвенного слоя. Если уровень погребенной почвы почти соответствует уровню поля или расположен на 20—30 см ниже его, то материк открывается лишь на глубине 0,5—1 м ниже уровня погребенной почвы. Материку обычно предшествует слой серой глины с вкраплениями желтого песка, в профиле располагающимися в виде параллельных вертикальных линий. Сам материк —

¹ Описанная ниже методика вскрытия курганной насыпи впервые применена нами в указанном районе. Разработана же она в основных чертах ранее и применялась на Украине Б. Н. Граковым и Е. Ф. Лаговойской, в Сибири — С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой.

чистый желтый песок, резко отличающийся от темной насыпи кургана, что в значительной мере облегчает поиски могильных ям в материке.

Характер и особенности погребений. Во вскрытых курганах обнаружены погребения, подавляющее большинство которых относится к одному времени — концу II тысячелетия до н. э. и по характеру инвентаря — к срубно-хвалынской культуре. Все эти погребения характеризуются одинаковым положением костяков — скорченно на боку (почти всегда на левом), с подогнутыми руками и ногами, с кистями рук, поднесенными к лицевым костям. Но по характеру погребальных сооружений можно выделить несколько вариантов этих одновременных захоронений.

А. Основные погребения. 1. Наиболее простой тип — погребение в центре кургана на материке, т. е. в яме, достигающей до материка, но не углубляющейся в него (курган № 3 — рис. 39—1);

2. Погребение в центре кургана в материковой яме (курган № 1, погребение 2; курган № 4, погребение 3 — рис. 39—2).

3. Погребение под полой кургана в яме, не достигающей до материка, с бревенчатым накатником наверху (курган № 2, погребения 4 и 6 — рис. 39—3).

4. Погребение под полой кургана в материковой яме с бревенчатым накатником наверху (курган № 2, погребение 5; курган № 5, погребения 8, 14 и др. — рис. 39—4).

Б. Вводные погребения. Вводные погребения располагаются в насыпи кургана и не имеют деревянных конструкций. Ни по положению костяка, ни по составу инвентаря они не отличаются от основных. Вводное погребение более поздней эпохи (начало I тысячелетия до н. э.) встречено лишь однажды — вытянутый на спине костяк лежал у самого края полой кургана.

Взаиморасположение погребений в курганах. Учет всех возможных вариантов взаиморасположения костяков в курганах особенно важен при раскопках в интересующем нас районе, где чернозем почти полностью лишает возможности проследить ямы вводных погребений. Во время раскопок 1950 г. нами встречены следующие варианты:

1) Основное и вводное погребения расположены в центральной части кургана; основное — в материковой яме, вводное — на уровне погребенной почвы (курган № 1).

2) Основное в центре, вводные — в полах кургана (курган № 4).

3) Основные — в полах кургана, вводные — в центре (курган № 2); такое расположение — результат слияния двух курганов с вводными погребениями между ними и перемещения центра в середину образовавшейся общей насыпи (рис. 40).

4) Наиболее сложный и интересный вариант встречен в кургане № 5. Здесь погребения в материковых ямах с деревянными конструкциями располагались по кругу в полах кургана; внутри этого внешнего кольца, также в полах, находились вводные погребения, образуя подобие внутреннего круга.

Всего в кургане было 30 погребений, центр же его был пуст; ближайшее к центру погребение находилось в 2 м от него, другие же погребения внутреннего круга отстояли от центра на 6—8 м. Таким образом, круг в центре кургана диаметром 4 м был свободен от погребений, здесь находилось большое кострище — жертвенник, в круге же диаметром 12 м было только одно вводное погребение.

Расположение инвентаря. Инвентарь погребений (керамика и бронзовые вещи) большею частью располагается при самом костяке. В отдельных случаях, однако, вещи были найдены выше погребения, под бревенчатым накатником, на выкиде из материковой ямы (курган № 4, погребение 3) или в насыпи кургана.

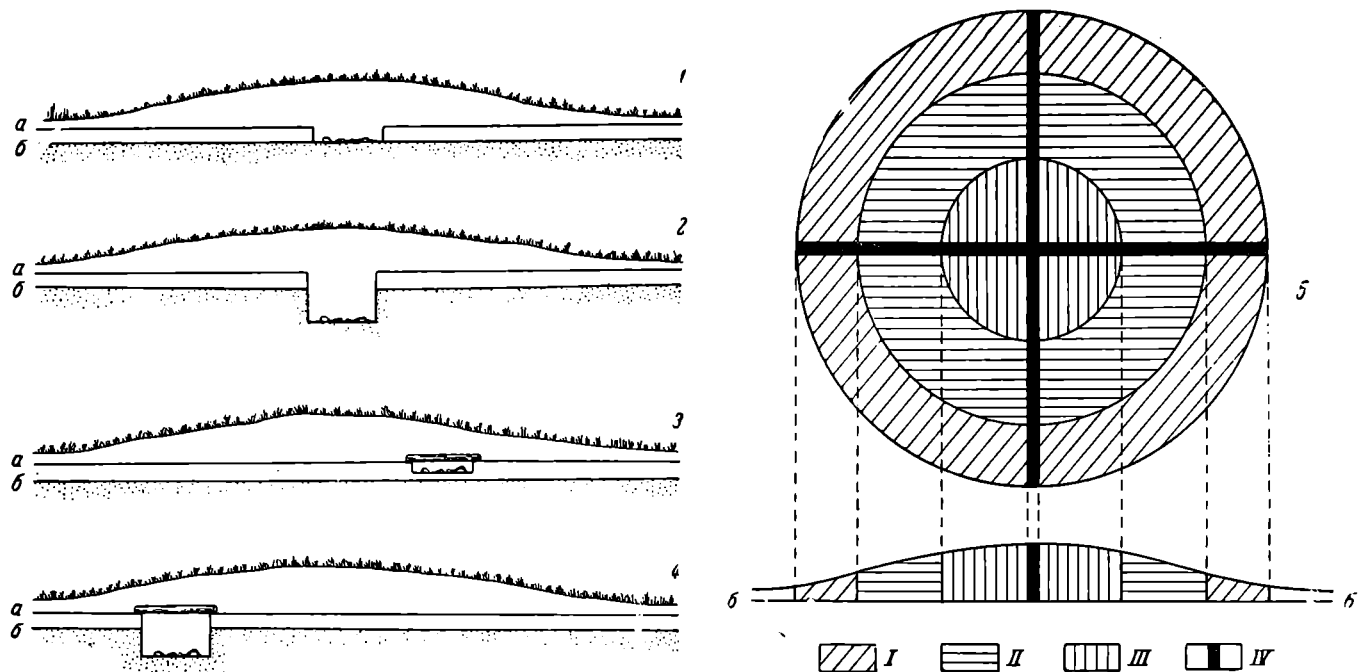

Рис. 39. Расположение основных погребений под курганной насыпью (1—4) и схема вскрытия курганной насыпи (5).

a — уровень погребенной почвы; *b* — уровень материка; условные обозначения; I — первая кольцевая траншея; II — вторая кольцевая траншея; III — центральная часть; IV — бровки

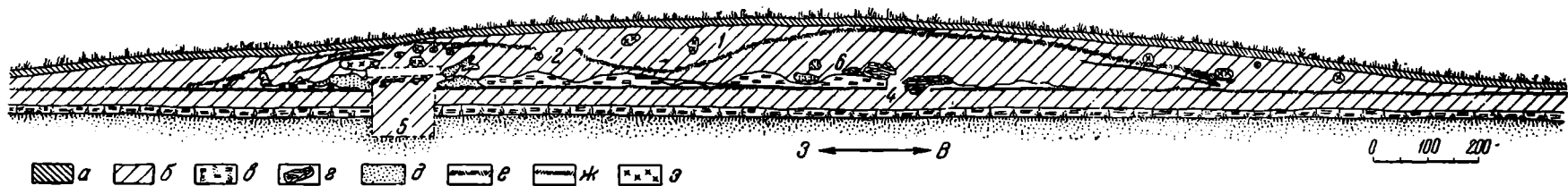

Рис. 40. Профиль по линии запад — восток кургана № 2 у с. Ягодного

1—6 — погребения; *a* — дран; *б* — черновом; *в* — серый глинистый слой; *г* — дерево; *д* — желтая глина с песком; *е* — следы перегород; *ж* — уровень погребенной почвы; *з* — уголь

Таковы особенности курганов Поволжья, исследованных в 1950 г. При выработке методики раскопок подобных курганов следует исходить из следующих соображений:

а) поскольку никаких внешних различий между курганами нет, надо рассчитывать на наиболее сложный вариант взаиморасположения костяков;

б) вся насыпь должна быть снята полностью, так как установлено наличие погребений в полах курганов и даже у самого их края;

в) снятие насыпи следует производить в соответствии с взаиморасположением бревчатых накатников и вводных погребений. При расположении накатников кольцом представляется наиболее рациональным единовременное вскрытие погребальных сооружений всего кольца или значительной его части. После исследования основного внешнего кольца погребений следует перейти к вскрытию вводных погребений, находящихся внутри кольца, причем и здесь исследование колец представляется наиболее рациональным и наиболее соответствующим истории погребального памятника;

г) одной из важнейших задач при исследовании рассматриваемых курганов является выяснение последовательности погребений и воссоздание истории насыпки кургана. Для этого необходимы постоянные наблюдения за стратиграфией, исследование как общих профилей всего памятника, так и профилей отдельных погребальных сооружений.

МЕТОДИКА РАСКОПОК

Выбор объекта и подготовка кургана к раскопкам. После внешнего обследования и нанесения на план всех курганов в районе с. Ягодного (для плана принят масштаб 1 : 5000) были избраны для раскопок четыре кургана, входящие в состав двух различных курганных групп, и одиночный курган. Первая группа состояла из трех курганов, расположенных в один ряд. В ней были избраны возглавляющий наибольший курган и следующий за ним рядовой. Вторая насчитывала 11 курганов, из них три составляли стержень группы, остальные восемь группировались вокруг. Для раскопок были избраны самый большой «стержневой» курган и маленький окраинный.

Правильная форма насыпи и отсутствие деревьев и кустов значительно облегчают подготовку к вскрытию курганов. После определения центра кургана производилась нивелировка его по осям, ориентированным по странам света. Центральная точка принималась за 0 и служила исходной точкой нивелировки. По основным линиям нивелировки расставлялись кольца через 1 м. После этого отмечались границы двух бровок, пересекающихся под прямым углом в центре кургана. Ширина бровок 30 см. При очень большой плотности грунта в районе наших работ такая ширина полностью обеспечивала сохранность бровок до самого окончания раскопок кургана. Бровками курган разделялся на четыре сектора, работы на которых начинались одновременно.

Раскопки курганной насыпи. Дерн снимался сразу во всех четырех секторах, тем самым четко намечались бровки и внешние границы раскопа, а поверхность всего кургана понижалась на глубину одного штыка. После этого вдоль внешнего края кургана отмечалась кольцевая траншея шириной 3 м (размер наиболее удобный для выброса земли и вскрытия деревянных конструкций и погребений, полностью уместяющихся в этой траншее). Траншея вскрывалась пластами толщиной 20 см вплоть до материка. При исследовании первого кургана внешней траншеей была захвачена и прилегающая часть поля, однако никаких следов ровиков обнаружено не было, что совершенно естественно для столь древних, расплывшихся насыпей. Земля из верхних пластов внешней траншеи отбрасывалась возможно дальше от края кургана, с тем, чтобы вдоль него оставалась свободная

площадка шириной 1 м, что предотвращало осыпь при раскопках нижних пластов (как уже указывалось, материк находился на значительной глубине от уровня поверхности поля). В случае обнажения остатков деревянных конструкций поверхность их расчищалась и фиксировалась, под ними оставался «поп», необходимый для сохранности сооружения, раскопки же остальной площади траншеи продолжались. Обычно бревенчатые накатники внешнего кольца открывались на уровне погребенной почвы. Оставление их на «попах» позволяло наилучшим образом определить взаиморасположение накатников. Вводные погребения, встреченные между накатниками,

Рис. 41. Расчистка центральной части кургана

также оставались на «попах», но, в отличие от погребений с деревянными конструкциями, они расчищались и фиксировались немедленно, после чего грунт под ними разбирался. Когда уровень траншеи достигал материка, деревянные конструкции и земля под ними, по окончании фиксационных работ (планы и разрезы сооружений, профили подстилающего грунта и т. д.), разбирались, и поверхность траншеи зачищалась на уровне материка. Открывшиеся здесь материковые могильные ямы фиксировались на плане и подвергались расчистке. Большая часть рабочих переводилась наверх и начинала раскопки второго, внутреннего кольца. Земля из него сбрасывалась на полностью расчищенные и свободные от могильных ям участки внешней траншеи, а после расчистки материковых погребений — на всю ее площадь. Свободными от выброса оставались лишь участки, непосредственно прилегающие к бровкам.

Второе кольцо раскапывалось в том же порядке, что и первое. Возможность засыпки траншеи значительно облегчила раскопки второго кольца и позволила сделать его несколько шире первого (4—5 м). В следующую очередь, в зависимости от высоты и диаметра кургана, раскапывалось либо третье кольцо, либо центральная часть целиком (рис. 39—5 и 41). Последними, после фиксации профилей, разбирались бровки. Расчисткой материка под бровками раскопки кургана заканчивались.

Таков общий ход снятия курганной насыпи. Прежде чем перейти к некоторым деталям раскопок, кратко останозлюсь на преимуществах и недостатках описанного метода. Вскрытие последовательных колец применимо при исследовании наиболее сложного из указанных выше вариантов взаиморасположения погребений и позволяет при раскопках сложного погребального памятника следовать порядку, принятому при его создании. Вместе с тем настоящий метод представляется пригодным и при любом другом из указанных выше вариантов, поскольку насыпь, грунтовой слой и поверхность материка под курганом исследуются полностью. Засыпка ранее раскрытых колец создает, как уже указывалось, значительные удобства для выброса при дальнейших раскопках. Вместе с тем к моменту окончания работы большая часть кургана оказывается засыпанной, что предусматривается инструкцией по раскопкам как обязательный акт. Недостатком метода является прежде всего то, что мы не имеем возможности увидеть и зафиксировать все погребения кургана одновременно. Однако при любом другом методе состояние деревянных конструкций и самих костяков вряд ли позволило бы получить общую картину погребений одновременно.

Вскрытие могильных ям и расчистка погребений. Бревенчатые накатники над могильными ямами обычно открывались на уровне погребенной почвы в виде следов перегнившего дерева, по которым большей частью легко определить их площадь. Дальнейшей расчисткой выявлялись отдельные детали сооружения. Конструкция его очень проста: яма вдоль или поперек перекрывалась накатником из бревен, обычно в один ряд. В отдельных случаях встречаются перекрытия, состоящие из двух рядов бревен: продольного и поперечного, а также поперечные балки и венцы у устья ямы. Стенки самой ямы бревнами не обкладывались, соединений концов бревен, составлявших венец, проследить не удалось.

Наиболее проста расчистка в тех сравнительно редких случаях, когда земля, просочившись между бревнами накатника, заполнила могильную яму вскоре после погребения. Бревна накатника продолжают лежать на своих местах, и простая горизонтальная расчистка кистями и мелким инструментом позволяет полностью раскрыть поверхность конструкции. Большой же частью могильная яма заполняется землей не полностью, под накатником остается пустое пространство. Перегнившие бревна в этом случае рушатся вниз, обычно переломившись в центральной части; на поверхности сооружения остаются заметными лишь их торцы. Могильная яма с обрушившимися бревнами накатника в разрезе напоминает букву «М». Перегнившее дерево смешивается с землей, при неглубоких могильных ямах бревна иногда падают на костяк, нарушая его сохранность. Расчистка и фиксация таких разрушившихся сооружений значительно сложнее. Земля удаляется из ямы до тех пор, пока не будет расчищена поверхность обрушившихся бревен. После этого составляются план и разрез сооружения; на последнем отмечается внешняя поверхность рухнувшего накатника. Кроме того, мы снимали профиль грунта, оставленного под накатником в виде «попа». Каково значение этого профиля? Погребения под накатниками обычно совершались в материковых ямах. Выброс из ямы — желтый песок — составляет прослойку, перекрывающую погребенную почву в районе погребения. Естественно, накатник располагался на этой прослойке. В зависимости от толщины прослойки глубина залегания накатника больше или меньше отличалась от уровня погребенной почвы. Разница уровней залегания отдельных накатников одного кургана может быть объяснена только при помощи указанных профилей. После снятия профиля накатник и «поп» под ним разбирались. При окончательной расчистке и разборке конструкции мы старались определить каждое отдельное бревно и в ходе разборки вносили соответствующие дополнения в план и разрез. После расчистки материка под «попом» границы могильной ямы становятся хорошо

заметными. Могильные ямы исследованных курганов в большинстве случаев заполнены черноземом, резко отличающимся от материка. О глубине ямы можно в какой-то мере судить по толщине песчаной или глинистой материковой прослойки, упомянутой выше. При расчистке сохранялась естественная форма ямы. Земля удалялась слоями, толщина которых не превышала 5—6 см. Часто венцы горшков, сопровождавших погребения, открывались ранее захоронения, в таком случае они подвергались предварительной расчистке по мере удаления земли из ямы. Расчистка скелетов производится обычным порядком. Следует лишь иметь в виду некоторые общие особенности расчистки скорченных костяков, расположенных, в отличие от вытянутых на спине, не в одной плоскости. В некоторых случаях расчистка нижних частей скорченного костяка невозможна без нарушения или даже удаления верхних. Так, у костяка № 1 из кургана № 1 правая рука была согнута в локте, локоть же заметно приподнят вверх. Чтобы зафиксировать эту особенность, при расчистке под поднятой рукой пришлось оставить небольшой земляной «поп», закрывающий часть грудной клетки. После фиксации кисть правой руки была снята, «поп» под ней разобран и грудная клетка расчищена полностью. У некоторых костяков приходилось в два приема расчищать кости таза и ног. Особое внимание при расчистке следует обращать на наличие следов красной краски, которые встречаются в виде пятен на костях и отдельных кусочков, разбросанных около погребения. В ямах под накатниками костяки лежат непосредственно на материке, полная расчистка их заключается в удалении всей насыпной земли.

Профили

Выше уже говорилось о большой важности исследования профилей. Однородность темного грунта (чернозема) обычно затрудняла это исследование: профили большинства курганов были мало выразительными. Несмотря на это, изучение некоторых профилей позволило сделать ряд заключений частного и общего характера. В процессе раскопок профили облегчали определение мест захоронения. Это касается прежде всего курганов с центральными погребениями в материковых ямах. Как уже указывалось, выброс из такой ямы располагался по ее краям, на уровне погребенной почвы. В профилях этот выброс прослеживается очень хорошо в виде значительных пятен желтой глины и песка, резко выделяющихся на фоне чернозема. По таким пятнам место захоронения определяется почти безошибочно, при центральном же погребении указанные пятна хорошо видны в обоих профилях и могут указать не только место, но и точное расположение ямы. Только при помощи профилей можно с достаточной точностью определить уровень погребенной почвы и отличить вводящие погребения в насыпи кургана от захоронений в ямах, прорезавших почвенный слой, но не дошедших до материка. В кургане № 4 по профилю определено своеобразное расположение инвентаря: глиняные горшки были поставлены на вершине холмика, образованного выкидом из материковой могильной ямы. Наконец, в отдельных случаях по профилям курганов удавалось решить и более общие вопросы, связанные с порядком совершения захоронений и историей создания погребального памятника. Наиболее показательны в этом отношении профили кургана № 2. Большинство погребений в этом кургане (пять из шести) были расположены возле бровки, шедшей по линии запад — восток, или даже в самой бровке. Определение мест погребений на профиле и рассмотрение их в связи с общими его особенностями дали чрезвычайно интересную картину (см. рис. 40). В западной половине профиля, проведенного с запада на восток, была ясно заметна линия коричневого перегиба, начинавшаяся у уровня погребенной почвы. Линия эта вначале подымалась и почти совпадала с верхним срезом бровки, т. е.

с поверхностью кургана. Однако приблизительно на половине расстояния от края до центра кургана линия перегиба начала заметно спускаться и у центра почти достигла своей исходной точки, т. е. уровня погребенной почвы. Очертания этой линии вызвали предположение, что ею отмечена поверхность первоначального небольшого кургана, явившегося одной из составных частей изучаемого памятника. Расположение погребения № 5 подтвердило эту мысль. Оно находилось в яме, расположенной точно в центре предполагаемого кургана, т. е. под наивысшей точкой линии перегиба. Сверху яма была перекрыта бревенчатым накатником. На дне ее лежал скорченный костяк со следами красной краски, рядом с ним найден типичный срубный горшок. Каким же образом этот малый курган был включен в состав большой курганной насыпи? На этот вопрос удалось ответить, исследовав центральную и восточную части того же профиля. Здесь мы встречаем ту же картину, что и в западной половине: небольшой курган, очертания которого столь же четко отмечены линией перегиба. Под центром этого кургана также находился бревенчатый накатник, под ним — яма, не достигавшая материка, в ней — остатки погребения (№ 4), накатник нарушен вводным погребением (№ 6). Таким образом, по профилю удалось определить, что в большую курганную насыпь вошли два первоначальных небольших кургана, расположенных настолько близко один от другого, что полы их слились. В насыпи одного из них, а именно восточного, очевидно еще в период его самостоятельного существования¹, было совершено вводное погребение (№ 6), нарушившее накатник основного погребения (№ 4). В слившихся полах малых курганов впоследствии было совершено еще одно вводное погребение (№ 1); при засыпке его оба кургана слились в один с образованием единого, общего для них центра. Несколько западнее этого нового центра в насыпь было введено третье вводное погребение (№ 2), яма которого нарушила первоначальную насыпь западного малого кургана.

Почему же, однако, при слиянии двух соседних небольших круглых курганов получился не вытянутый овальный, а почти круглый курган?² Можно предположить, что круглая форма насыпи была традиционной, ее старались сохранить, делая соответствующие присыпки при каждом новом вводном погребении. Такие подсыпки были отмечены на профиле по линии север — юг. Особенно четкая картина наблюдалась в южной части кургана. Здесь найдены остатки почти полностью истлевшего костяка, сопровождаемого горшком срубного типа, и два отдельных горшка без каких-либо следов погребения³. Их перекрывала прослойка светлой глины, отличавшейся от остальной насыпи кургана. В профиле заметно, как эта прослойка налегала на основную насыпь первоначального кургана, отмеченную такой же линией перегиба, как и на профиле запад — восток.

Описанный выше процесс создания данного памятника занял сравнительно короткий срок. Несмотря на крайне плохую сохранность большинства костяков из кургана № 2, истлевших или разрушенных грызунами, все они могут быть отнесены к одной эпохе благодаря находкам при всех погребениях типичной «срубной» керамики.

---

¹ Такое предположение вызвано тем, что вводное погребение совершено в самом центре первоначальной насыпи.

² Некоторая приплюснутость этого кургана с севера и юга отмечалась выше; может быть, она связана с особенностями его образования.

³ Здесь, возможно, было детское погребение, кости которого полностью истлели.

М. Н. КИСЛОВ

ПРИЕМЫ ТОПОГРАФИЧЕСКОЙ СЪЕМКИ
ГНЕЗДОВСКИХ КУРГАНОВ

Гнездовские курганы известны археологам почти 80 лет — первые раскопки М. Ф. Кузнецинского относятся к 1874 г. Подробное описание курганов сделано В. И. Сизовым в 1902 г.¹ План, снятый Зеленским в 1901 г. и приложенный к работе В. И. Сизова, — первая топографическая съемка района. На нем лишь приблизительно указаны места расположения курганных групп.

А. Н. Лявданский в 1922—1923 гг. исследовал Гнездовские курганы и произвел подсчет их и подробную съемку. К сожалению, план в масштабе 200 саж. в дюйме, о котором говорит А. Н. Лявданский в своей работе², так и остался неопубликованным. Имеется лишь схематическая карта с обозначением числа курганов, подсчет которых «посредством нумерованных цветных флажков» оказался неточным.

Таким образом, перед Гнездовской археологической экспедицией, организованной в 1949 и 1950 гг. кафедрой археологии МГУ и Смоленским областным краеведческим музеем (начальник экспедиции Д. А. Авдусин), встала задача произвести подробную топографическую съемку Гнездовского курганного поля. В 1949 г. была снята глазомерной съемкой лишь небольшая часть его, где велись раскопки, — всего около 400 курганов. Летом 1950 г. съемка всего поля была поручена автору настоящей статьи³.

Общее описание. Гнездовское курганное поле (рис. 42) расположено в 12 км к западу от г. Смоленска, по берегам р. Свинец, правого притока р. Днепра. В устье Свинца, на левом его берегу, расположено Гнездовское городище. Пересекая городище с востока на запад, проходит железная дорога. На 700 м выше по течению Свинца, почти в том же направлении восток — запад идет шоссе.

Курганы центральной и лесной групп располагались, видимо, к северу от Днепра, по правому и левому берегам Свинца, на площади около 1 км². На правом берегу Свинца стоит деревня Гнездово, постройками и усадьбами которой уничтожено много курганов.

Центральная группа курганов. Западнее Гнездова на холме

¹ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, СПб., 1902.

² А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Смоленск, 1924.

³ Кроме центральной и лесной групп, летом 1950 г. была снята также Ольшанская группа курганов.

находится центральная группа курганов. На юге она перерезана железной дорогой. Севернее железной дороги лежит «старый карьер», образовавшийся еще при постройке дороги и увеличенный бывшими здесь известковыми заводами.

Севернее «старого карьера» расположен «новый карьер». Далее к северу, вдоль шоссе, — постройки и усадьбы дер. Н. Батеки и современное кладбище, где имеются также следы находившихся здесь небольших известковых заводов.

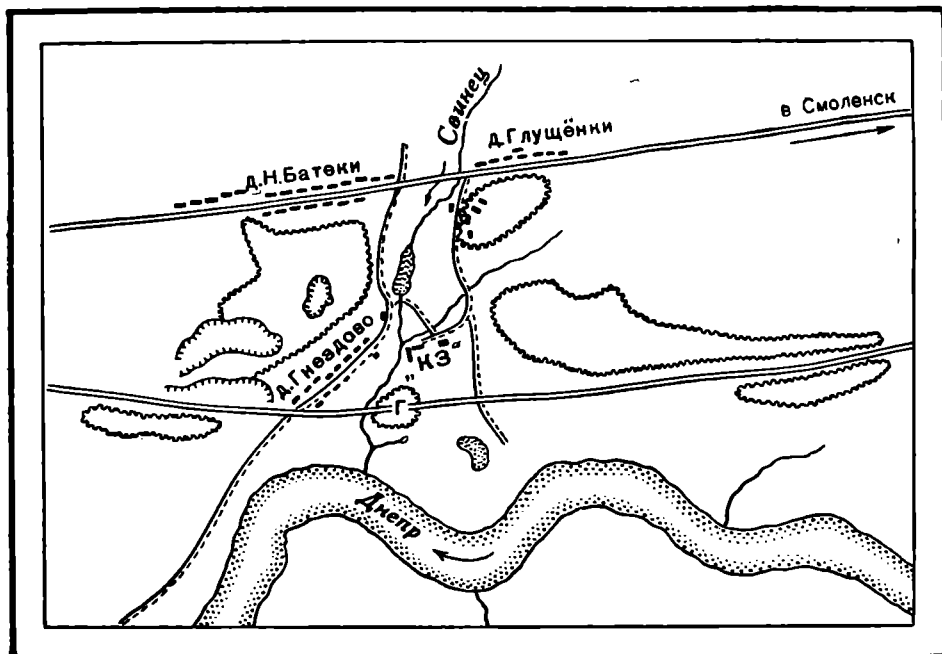

Рис. 42. Схематический план Гнездовского курганного поля

Г — городище; контуром обведены группы курганов, «КЗ» — постройки колхоза «Красная заря»

В настоящее время центральная группа курганов занимает площадь около 17,25 га. Перед Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. курганы были покрыты мелколесьем. Сейчас только кое-где растет ольшаник.

Лесная группа курганов. Расположенная на левом берегу Свинца курганная группа, названная В. И. Сизовым лесной, и сейчас покрыта хвойным лесом, а в некоторых местах заросла молодым ельником, орешником, ольхой. От берега р. Свинца курганы отеснены полями колхоза «Красная Заря» и д. Глущёнки. На юге лесная группа перерезана железной дорогой, в северной части — пологим оврагом. Северной границей группы служит шоссе. Еще в 1922 г. А. Н. Лявданский нашел несколько курганов севернее шоссе. Сейчас ни одного из них не осталось — они уничтожены усадьбами д. Глущёнки. Всего лесной группой курганов занято около 20,5 га площади.

Задачи и способ съемки, инструменты. Из этого общего описания видно, что перед нами стояла задача снять площадь около 2 км². Местность, занятую деревьями, полями, железной дорогой, карьерами и т. п., достаточно было снять схематично, лишь для общей увязки отдельных групп курганов. Самые курганы следовало снимать наиболее тщательно. Нужно было показать их расположение, диаметр каждого кургана, его высоту и, кроме того, выяснить сохранность курганов. В течение 80 лет многие археологи копали курганы большей частью колодцем или траншеей. А. Н. Лявданский пишет: «Всего раскопано свыше 500 курганов, т. е. около 1/7 всего могильника». Во время Великой Отечественной войны курганы

были сильно повреждены. Эти повреждения также нужно было отметить.

Наиболее распространенной среди археологов является съемка буссолью; ею измеряются углы, а расстояния — рулеткой. Этот способ значительно точнее глазомерной съемки, при которой углы измеряются компасом, а расстояния — шагами. Съемка буссолью требует значительно меньше времени, чем более точная мензуальная съемка. Вместе с тем план, снятый буссолью, достаточно точен для археологических целей.

Ограниченное время для съемки курганного поля (два месяца) не давало возможности произвести мензульную съемку.

Мы пользовались буссолью Стефана завода «Геологоразведка» с прямыми диоптрами, дающей точность отсчета 5', приспособленной для установки на кол с цапфой. Но при пользовании колом неудобно устанавливать инструмент над колышком, вбитым в какой-либо точке грунта. Кроме того, вследствие колебания кола отсчеты получаются неточные. Поэтому для установки буссоли был приспособлен деревянный штатив для фотоаппарата. Металлический винт вынимается из головки штатива *a* и заменяется деревянной цапфой *в*, выточенной по гнезду буссоли (рис. 43). Приспособленный так инструмент гораздо устойчивее и при помощи отвеса устанавливается точно над колышком.

Для визирования употреблялись легкие рейки, сечением 2×5 см, длиной 2 м, с делениями по 5 см, нанесенными черной и белой масляной краской.

Точки стояния инструмента и центры курганов, на которые устанавливались рейки, отмечались деревянными колышками длиной около 50 см, в сечении около 5×5 см. Колышки нумеровались заранее. Их было в работе около 100, а в дальнейшем около 200. Рулетка употреблялась обычная 20-метровая.

Съемка центральной группы курганов. Съемка была начата с центральной группы курганов. Как уже было сказано, место здесь совершенно открытое, что дало возможность вести съемку методом засечек. Севернее «старого карьера», на возвышенности, расположено несколько больших курганов, раскопанных ранее, и курган, раскопанный в конце экспедиции 1950 г. На схеме (рис. 44) видно, что положение курганов дало возможность построить несколько смежных треугольников, положенных в основу дальнейшей съемки, т. е. применить принцип триангуляции.

Работа велась следующим порядком. На возвышенных точках больших курганов были вбиты колышки. Установив буссоль на точке 1 (большой курган, раскопанный в 1950 г.), мы измерили магнитные азимуты¹ курганов № 2, 3, 44 и 45. Затем при помощи рулетки дважды измерили расстояния между точками 1 и 2, 1 и 3, 1 и 44, 2 и 3, 2 и 45 и т. д. Азимуты измерены были также с точки 2 на точки 1, 3, 44, 45 и т. д.

Таким образом мы получили сеть треугольников, легших в основу дальнейшей съемки. После разбивки треугольников съемка велась способом прямой засечки. Опишем подробно порядок работы.

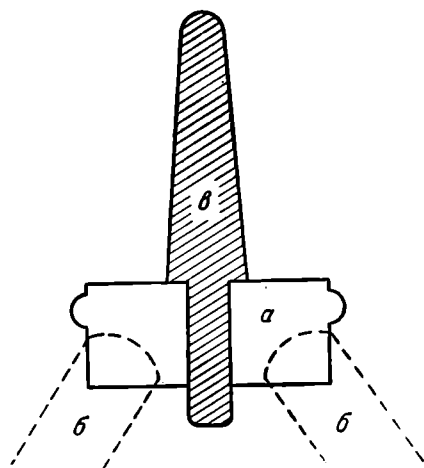

Рис. 43. Приспособление для установки буссоли на штатив фотоаппарата

a — головка штатива; *б* — ножки штатива; *в* — деревянная цапфа для прикрепления буссоли

¹ Магнитным азимутом называется горизонтальный угол между направлением северного конца магнитного меридиана (северным концом стрелки буссоли) и направлением на визируемый предмет; угол считается всегда по ходу часовой стрелки.

Съемка способом засечек. Устанавливаем буссоль на точке 1, ориентируем ее на север, закрепляем ось винтом. Рабочие идут на снимаемый курган, вбивают в центре его кол с очередным номером. Сзади кола

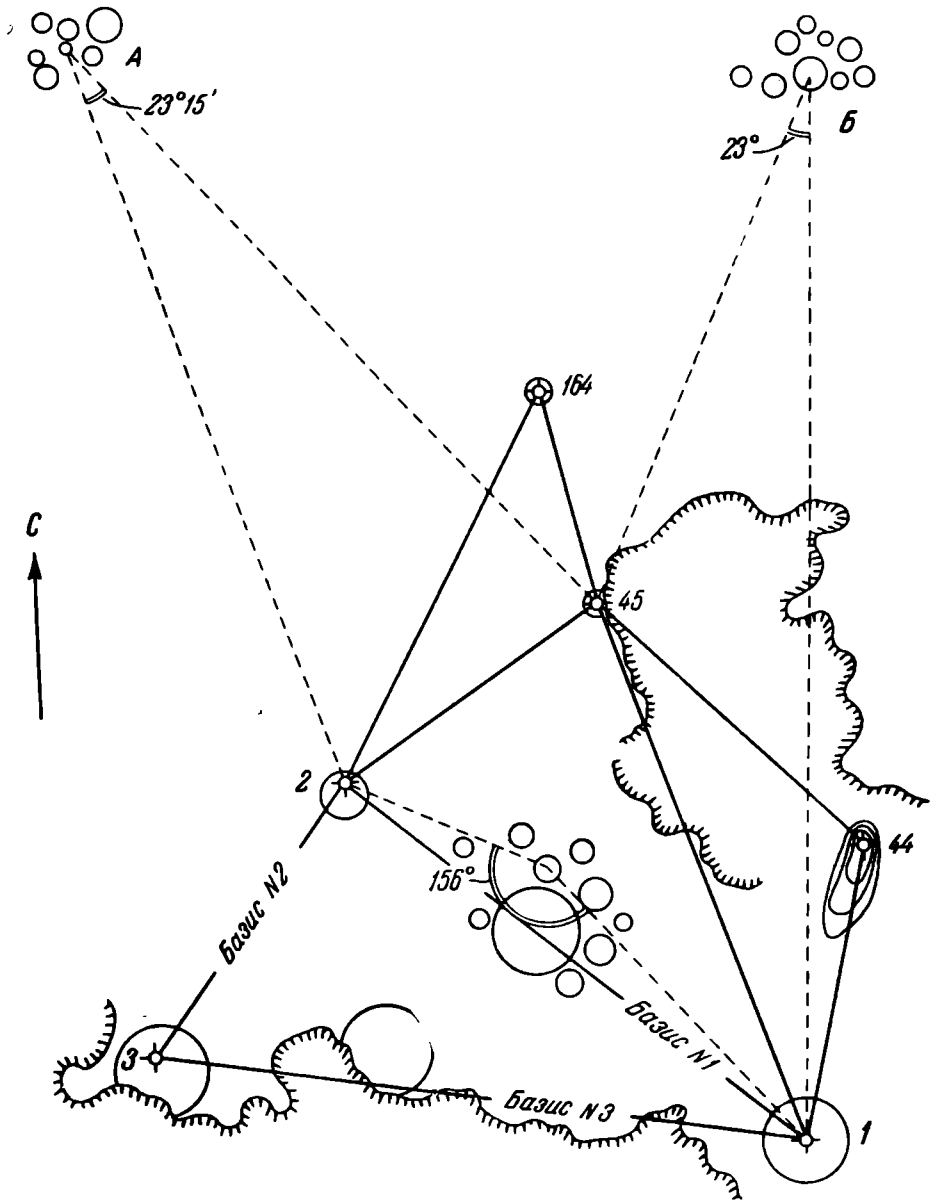

Рис. 44. Схема съемки центральной группы Гнездовских курганов способами триангуляции и засечек

ставят рейку. Работающий с буссолью визирует при помощи диоптров на рейку, делает отсчет по лимбу¹, записывает его в журнал топографической

¹ Буссоль Стефана дает точность отсчета 5'. Но имевшийся в нашем распоряжении транспортир позволял откладывать углы с точностью 15'. Поэтому отсчеты округлялись до $\frac{1}{4}^\circ$. Для целей археологической съемки эта точность достаточна.

В тех случаях, когда нет достаточно точного транспортира, можно строить транспортир непосредственно на чертеже. Из точки стояния инструмента описываем окружность. Вычисляем линию тангенса, соответствующую углу 1° при данном радиусе (как известно, тангенс 1° равен 0,175). Проводим подвижный радиус и, определив измерительным циркулем длину дуги 1° , делим окружность в нужной нам части на градусы. Удобнее брать радиусы 688, 344 или 229 мм. Тогда линия тангенса будет равна, соответственно, 12, 6 и 4 мм, что позволит удобно откладывать углы с точностью 5', 10' и 15'. Затем на второй точке стояния инструмента таким же способом строим второй транспортир.

съемки (рис. 45—1) и подает знак «готово» (руки перекрещиваются над головой). С кургана называют номер. Так как расстояния иногда бывали большими, то пришлось установить систему обозначения номеров: качание рейки в сторону — единица; рука, поднятая вверх, — десяток; рейка, поднятая над головой горизонтально, — сотня. От буссоли подаем знак «готово» или, если что-либо неясно, — «повторите» (руки, разведенные горизонтально в стороны). Затем рабочие лентой измеряют диаметр кургана, а при помощи рейки — его высоту. Эти данные записывают в особую тетрадку, в конце дня их переписывают в журнал съемки.

<i>№ кургана</i>	<i>С точки 1</i>	<i>С точки 2</i>	<i>Диаметр</i>	<i>Высота</i>	<i>Примечания</i>
285	323°15'	94°20'	8,0 м	0,8 м	
286	321°00'	98°10'	6,3 м	1,2 м	
287	322°30'	100°00'	5,0 м	0,5 м	

1

<i>№ кургана</i>	<i>Угол</i>	<i>Расстоян.</i>	<i>Диаметр</i>	<i>Высота</i>	<i>Примечания</i>
104	35°10'	15,5 м	8,0 м	0,9 м	 Раскол
105	82°25'	28,0 м	15,5 м	2,1 м	
<u>(106)</u>	<u>201°45'</u>	<u>48,0 м</u>	<u>12,0 м</u>	<u>1,8 м</u>	 Следующ. точка
1	173°00'	58,5 м	(поверочное измерение)		

2

Рис. 45. Образцы журналов топографической съемки

1 — способом засечек; 2 — полярным способом

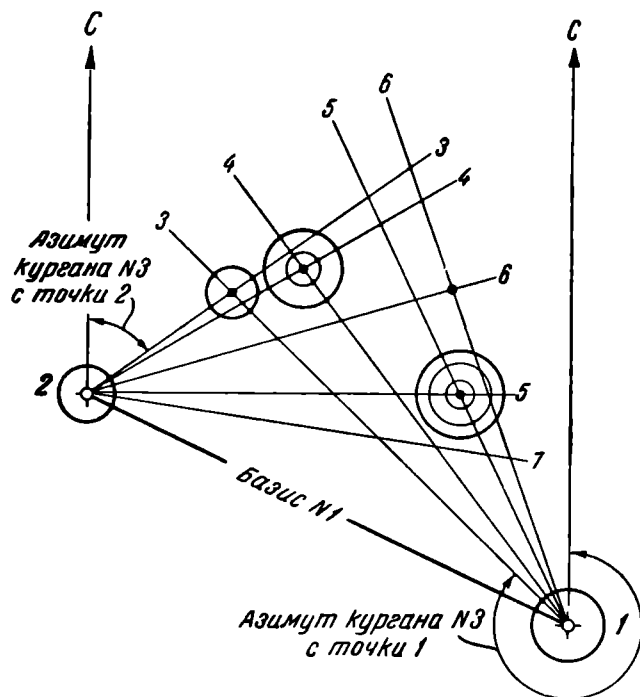
Окончив съемку одного кургана, рабочие переходят на следующий и т. д. После обхода всей группы, намеченной в этот день к съемке, мы переносим буссоль и устанавливаем ее на точке 2. Рабочие вторично обходят все курганы, придерживаясь порядка номеров на колышках.

Камеральная обработка. После работы в поле, результатом которой являются записи в журнале, производится камеральная обработка. Прежде всего на миллиметровой бумаге обозначаем точку 1. От нее при помощи транспортира откладываем азимуты основных точек сети треугольников (точки 2, 3, 44, 45). В принятом масштабе¹ откладываем расстояния до соответствующих точек и получаем, таким образом, на плане сеть опорных треугольников. Проверяем по записям все азимуты, измеренные со всех точек. В случае какой-либо неувязки, несовпадения точек по разным данным, необходимо еще раз проделать измерения длин и углов на местности, так как неточность сети треугольников поведет к ошибкам при нанесении на план всех курганов.

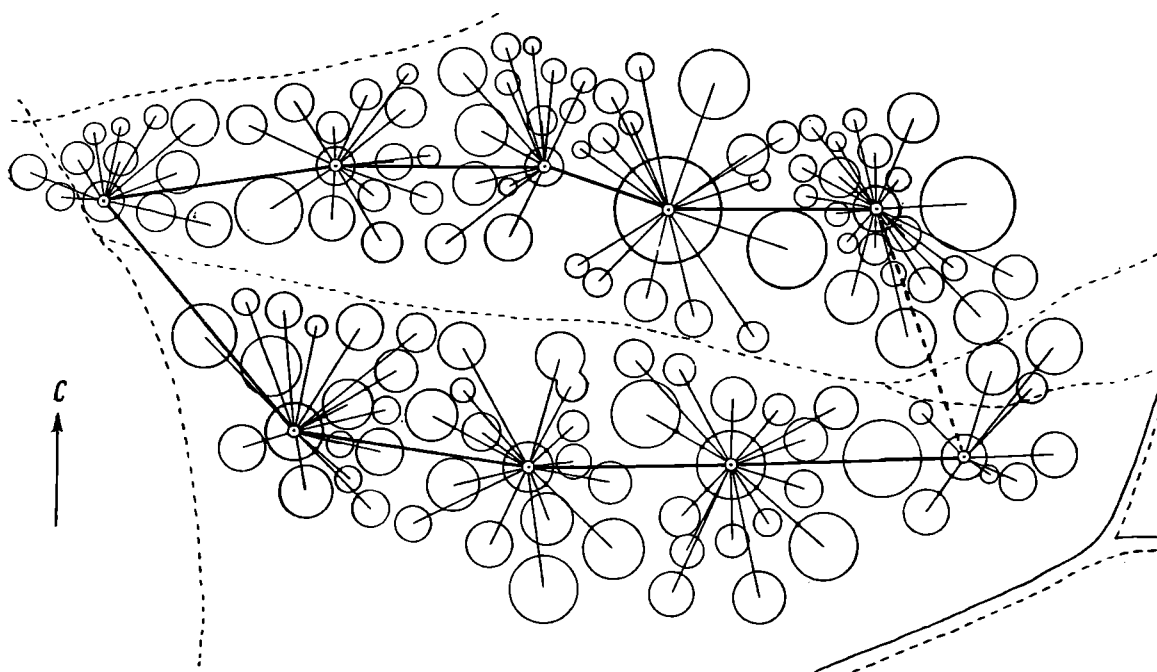
После нанесения опорных треугольников прикладываем транспортир к точке 1 и отмечаем азимуты снятых с нее курганов. Затем отмечаем

¹ Масштаб избран 1:1000 (1 мм = 1 м), потому что при более мелком неудобно изображать небольшие курганы (диаметром 3—4 м) и повреждения их (ямы диаметром 1 м и т. п.). Более крупный масштаб сделал бы план чрезмерно громоздким. План Гнездовских курганов получился размером 2,5 × 1,5 м.

азимуты тех же курганов с точки 2. В местах пересечения азимутов получаем центры курганов. Описываем окружность, соответствующую диаметру кургана. Если курган выше 1 м, проводим меньшую окружность

I

II

Рис. 46. Схема нанесения курганов на план при съемке способом засечек (I) и схема съемки курганов способами полярным и bussольного сомкнутого хода (II)

Жирная линия — bussольный сомкнутый ход; тонкие линии — направления измерений азимутов и расстояний с точек стояния инструмента

(горизонталь). Если курган выше 2 м — две концентрические окружности (рис. 46—I). Обозначаем повреждения курганов, раскопы и т. п.

Проверка плана в поле. Когда план снятой части курганной группы вычерчен, производится обход курганов и сверка плана с натурой.

Если обнаруживалась ошибка, измерения проделывались вторично или план исправляли на месте, если был неверно нанесен только один из курганов. После сварки нумерованные колы снимались с курганов и использовались при дальнейшей работе.

Выбор точек засечек. Большое внимание было уделено выбору точек для визирования курганов той или иной группы. По существующим в топографии инструкциям угол, образуемый линиями засечки при засекаемой точке, должен быть не меньше 30° и не больше 150° , так как в противном случае получаются значительные ошибки при вычерчивании. Между тем курганы располагаются вокруг всех основных точек, с которых измерялись азимуты. Значит, курганы, находящиеся, например между точками 1 и 2, следует засекать не с этих точек, т. е. с базиса № 1, а с точек 1 и 3, т. е. с базиса № 3, или с точек 2 и 3 (базис № 2) (см. рис. 44). Иначе угол засечки будет больше 150° . Группы курганов А и Б (см. рис. 44) нельзя снимать с точек 2 и 45, так как угол засечки будет меньше 30° ; кроме того, рельеф местности мешал визированию. Поэтому потребовалось построить дополнительный треугольник на точках 2, 45 и 164, что и было проделано описанным выше способом. Таким образом были сняты курганы центральной группы.

Съемка лесной группы курганов. Описанный нами способ засечек нельзя было применить в лесной части Гнездовского курганного поля. Деревья, а в некоторых местах густой молодняк не давали возможности визировать на далеком расстоянии. Пришлось комбинировать полярный способ съемки с буссольным сомкнутым ходом. Буссоль устанавливается на одном из курганов на краю курганной группы. Рабочие с рейкой идут на соседний курган, вбивают в его центре кол с номером, ставят рейку. Визируем на рейку, делаем отсчет по буссоли и записываем цифру в журнал. Рабочие называют номер кургана, измеряют его диаметр и высоту. Эти данные также записываются в журнал. Таким образом измеряем азимуты курганов, расположенных от точки установки инструмента не далее чем в 40 м. Последним измеряется азимут кургана, выбранного для следующей точки, на которой будет установлена буссоль.

Затем измеряются расстояния от кола под буссолью до колов в центрах каждого снятого кургана. Результаты записываются в журнал. Пока рабочие производят измерения, работающий с буссолью обходит снятые курганы и помечает в журнале их повреждения. При этом принят следующий порядок: придя на курган, топограф становится в центре его, лицом к северу, причем тетрадь ориентируется верхней стороной на север; в тетради помечаются ямы, имеющиеся на кургане. Это позволяет при вычерчивании наносить повреждения кургана на план, правильно их располагая.

Когда все расстояния измерены, буссоль переносится на точку 2, и работа проделывается в описанном порядке. В журнале получается запись, примерно изображенная на рис. 45—2. При вычерчивании плана наносится точка 1, затем откладываются измеренные азимуты курганов и расстояния до их центров. После этого, как уже описано выше, обозначаются курганы.

Описанный способ съемки в геодезии называется полярным. Вместе с тем от точки до точки получается буссольный ход, который для проверки смыкаем, как видно на схеме¹ (рис. 46—II). Так получается комбинация методов съемки — полярного с буссольным сомкнутым ходом.

Увязка планов отдельных курганной группы. Мы уже говорили, что кроме подробной съемки курганов, в нашу задачу входило связать отдельные группы в один общий план. Нужно было снять деревни

¹ В съемке, приведенной на рис. 46—II, общая длина хода была 250 м. Поверочный ход показал расхождение с натурой на 1 м. Следовательно, ошибка при расстоянии в 250 м равна 0,4%. Вообще же мы принимали допустимой ошибку в 1%.

Гнездово и Глушценки, р. Свинец, карьеры, направление железной дороги и шоссе. С этой целью с точек центральной и лесной групп засекались основные характерные пункты: телеграфные столбы у моста через р. Свинец и на городище, около километрового столба, трубы домов в д. Гнездово, расположенных в концах деревни, на изгибах улицы и т. п. Положение шоссе определялось по трубам домов и телеграфным столбам.

Был проделан ход (с буссолью и рулеткой) от д. Гнездово, на восток через городище, затем к северу по дороге через д. Глушценки до пересечения дороги с шоссе; отсюда на запад по шоссе до пересечения его с дорогой на Гнездово. С отдельных точек этого хода делались засечки курганов лесной группы, центры которых при дальнейшей съемке служили опорными точками.

Таким образом, у нас получился замкнутый ход, отдельные точки которого были увязаны способом засечек со всеми группами курганов.

Скорость работы. Вначале работу вели трое: один визирировал, делал отсчеты по буссоли, вел журнал топографической съемки; двое обходили курганы с рейкой и рулеткой. При этом в день снимали в среднем 70 курганов. На следующий день вычерчивали план снятой группы, делали поверочный обход курганов, удаляли колышки. Следовательно, в день удавалось нанести на план около 35 курганов. В дальнейшем работу для ускорения перестроили: трое работали на съемке курганов, двое вели камеральную обработку снятой накануне группы, делали проверку и т. д. Это, естественно, удвоило скорость работы.

Мы считаем, что топографическую съемку небольших групп курганов следует производить описанными способами. Глазомерную съемку, ввиду ее неточности, можно допустить лишь в случае крайней ограниченности времени (например, в разведке).

IV. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

*Н. В. ТРУБНИКОВА*О ТЕХНИКЕ НАНЕСЕНИЯ УЗОРОВ НА ПОСУДУ
ГОРОДЕЦКИХ И ДЬЯКОВЫХ ГОРОДИЩ

Разнообразие узоров на посуде городецких и дяковух городищ заслуживает того, чтобы вкратце остановиться на вопросах о способах и технике их нанесения.

Некоторые орнаменты настолько распространены и характерны для определенного периода, что вполне закономерно считаются датирующим признаком. Таковы, например, для городецких городищ так называемый рогожный орнамент, для дяковых — сетчатый.

Не менее интересны по технике нанесения и узоры, состоящие из ямок, часто фигурных, всевозможных углублений и нарезок.

Наиболее распространенным и характерным узором на посуде городецких городищ с VII в. до н. э. по первые века н. э. был так называемый рогожный орнамент. Район распространения керамики с таким орнаментом совпадает с областями Рязанского течения Оки, Куйбышевским и Саратовским Поволжьем, бассейнами рек Мокши и Цны. Рогожным этот узор назван В. А. Городцовым, предполагавшим, что он наносится оттискиванием на сыром сосуде рогожи.

Ряды клеток разной величины и формы, более или менее отчетливых, покрывают сосуды сверху донизу. Сосуды эти сделаны очень грубо от руки из плохо перемешанного глиняного теста, содержащего различные примеси: дресву, песок, реже шамот и еще реже толченую раковину.

О технике нанесения рогожного орнамента писалось и говорилось очень много. Одни связывали его с техникой выделки сосуда, другие видели в нем своеобразный орнаментальный мотив, нанесенный рогожей или сходной с ней плетенкой¹.

Был высказан также взгляд, что этот «рогожный» или «псевдорогожный» орнамент наносился штампом. Сторонник этого мнения, сотрудник Саратовского музея Н. Арзютов, указывал на неровные ряды клеток орнамента, имеющиеся перерывы и повторения, которые могли получиться только в результате нанесения узора штампом². Штамп, по мнению Н. Арзютова, был деревянным и потому не сохранился до наших дней.

Ряд исследователей до сих пор придерживается мнения В. А. Городцова, другие разделяют точку зрения Н. Арзютова. При внимательном

¹ В. А. Городцов. К выяснению древнейших технических приемов гончарного дела. «Казанский музейный вестник», № 2, 1922, стр. 178—187.

² Н. Арзютов. К вопросу о так называемой рогожной керамике. «Труды Нижне-Волжского обл. научн. об-ва краеведения», вып. 35, ч. 1. Саратов, 1926.

осмотре соответствующих коллекций я убедилась в справедливости последней точки зрения. Границы штампа на фрагментах, покрытых рогожным орнаментом, выделяются без труда.

Можно проследить и его повторения на одном и том же сосуде. Нередко штамп оказывается повернутым в другую сторону или отдельные части сосуда орнаментируются штампами разного типа.

Границы штампа можно выделить на любом фрагменте. Прямой же непрерывной строчки орнамента не встретим нигде, тогда как если бы его наносили плетенкой или тканью, линии шли бы непрерывно (рис. 47—2).

Мною делались опыты по отпечатыванию на глине и пластелине различных образцов плетенья и рогож (рис. 47—8). Опыты показали, что отпечатки рогож, дерюг, мелкого корзиночного плетения из лыка близки к орнаментации на городищенской посуде, но не тождественны ей: клетки рогожного орнамента на черепках более рельефны и имеют всегда рамку, которая не получается при отпечатывании на глине рогож и плетенок. Тем не менее термин «рогожный», мне кажется, не следует заменять другим, в силу его определенности, установившейся традиции и действительного сходства орнамента с отпечатками рогож.

Утверждать, что штамп был деревянным, как полагал Н. Арзютов, нет никаких данных. Судя по границам штампа на фрагментах, он был небольшим, состоял из трех-четырех клеток, расположенных в два-три ряда. Следовательно, его могли делать и не из дерева, из которого можно вырезать большие экземпляры штампов.

Среди коллекций Саратовского областного музея краеведения мне встретился один предмет (или фрагмент его) из гранита, очень небольшого размера, с насечкой в виде мелких клеток на поверхности. Сохранились две полосы клеток по четыре в ряд. На боковой грани видны остатки крупных клеток. Длина предмета 4 см; величина площади, занятой мелкими клетками, $1,5 \times 1,4$ см (рис. 47—1, 2).

К сожалению, точный паспорт предмета неизвестен, и он значится как происходящий из раскопок М. А. Радищева на одном из хвалынских городищ.

Оттиск на пластелине с лицевой стороны предмета дал обычные мелкие клетки рогожного орнамента, а с боковой грани — крупные, полностью совпадающие с орнаментом, имеющимся на черепках с хвалынских городищ в коллекции того же Радищева (рис. 47—3).

Мне кажется, что имеются все основания считать обнаруженный в Саратовском музее предмет штампом для нанесения рогожного орнамента.

Размеры клеток на штампе совпадают с имеющимися в коллекциях образцами орнамента, причем тождество отпечатка с узорами на фрагментах получается полное, выходит даже рамка, четко разграничивающая между собой отдельные клетки. Выделка подобного штампа, при наличии выработанных приемов обработки камня, повидимому, не была затруднительной.

Второй вид орнаментов, встречаемых на сосудах городищких и дьяковых городищ, составляют узоры, известные в литературе под именем сетчатых (рис. 47—9, 10). Самые сосуды, покрытые орнаментами этого рода, по форме и способам их изготовления не отличаются от других сосудов этих городищ. Та же грубая ручная лепка, то же плохо промешанное глиняное тесто, те же примеси и слабый обжиг.

Подобно рогожному орнаменту, сетчатый не представляется узором однотипным. Он бывает более крупным и более мелким, расположение его на поверхности сосудов различно; нередко узор размещался углами. Вопрос о способах нанесения сетчатого орнамента пока неясен. Многие исследователи полагали, что он наносился грубыми тканями, отпечатки которых и дали «сетку», видимую на поверхности сосудов.

Мне не удалось подобрать сходных отпечатков современных, даже самых

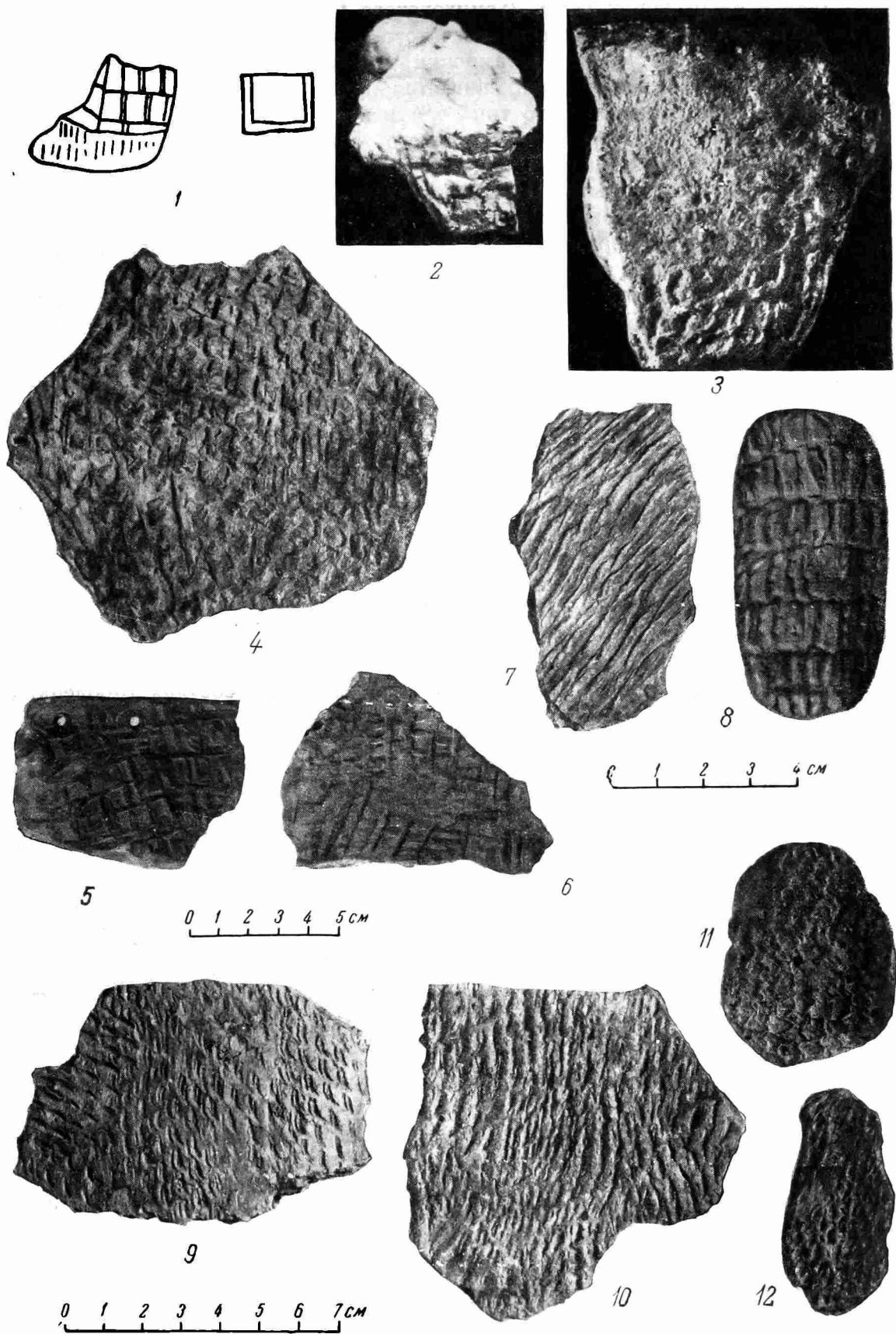

Рис. 47. Образцы штампов и керамики с городецких и дьяковых городищ

1, 2 — штамп для нанесения рогожного орнамента в Саратовского музея; 3 — черепок с узором, тождественным отпечаткам этого штампа; 4 — 6 — черепки с рогожным орнаментом; 7 — черепок с бороздчатым узором; 8 — отпечаток современной дерюги; 9—10 — черепки с сетчатым узором; 11—12 — отпечатки древних новгородских тканей

грубых тканей. Наиболее близкими оказались отпечатки древних новгородских тканей из раскопок А. В. Арциховского (рис. 47—11, 12).

Всматриваясь в расположение сетчатого орнамента на поверхностях сосудов, учитывая применение штамповки для украшения посуды, имевшее место в ту эпоху, невольно напрашивается предположение об употреблении штампов при нанесении и этого типа орнамента.

К сожалению, самый характер сетчатого узора не позволяет четко выделить отдельные участки и границы отпечатков штампа. Но неоднородность узора, перерывы могут быть выделены и здесь. Нередко узор располагается таким образом, что оказывается повернутым в разных направлениях, или, как указывалось выше, расположенным в виде углов или мысов, отчетливо выделяющихся на фоне узора, повернутого в другую сторону.

Штампа, подобного найденному на одном из хвалыньских городищ и употреблявшегося при нанесении рогожного орнамента, — для оттискивания сетчатого узора пока не обнаружено.

Третий вид орнамента, встречающийся на сосудах городецких городищ Рязанского течения Оки, интересен с точки зрения техники его нанесения. Это рельефные бороздки разной величины (рис. 47—7), расположенные то по вертикали, то по горизонтали.

Изучая приемы нанесения этого узора, приходится вспомнить некоторые этнографические параллели.

С. И. Руденко, говоря о технике нанесения узоров на керамику у эскимосов, отмечает наличие различных штампов и в том числе штампа в виде костяной пластинки с бороздами для получения узора из выпуклых полос, подобного встречающемуся на сосудах городецких городищ¹.

Применение подобных штампов при изготовлении изучаемой нами керамики весьма вероятно.

Помимо перечисленных выше типов орнаментов, на сосудах городецких и дьяковских городищ встречаются украшения в виде различных углублений и ямок, нанесенных какими-то острыми орудиями.

С этих же городищ происходят и многочисленные заполированные костяные палочки с заостренными, нередко фигурными концами.

Предположение, что некоторые из них использовались для нанесения узоров на посуду, высказывалось еще В. А. Городцовым², а два орудия, служившие этим целям (с Каширского и Рубцовского городищ), воспроизведены в его работе. Просмотрев, с точки зрения их назначения, имеющиеся на указанных городищах костяные изделия, удалось выделить из них несомненные орудия для нанесения узоров на посуду. Таким бесспорным орудием была сделанная из трубчатой кости палочка с заостренным и оформленным в виде выемки концом, происходящая из раскопок В. А. Городцова в 1898 г. на Ловецком селище близ Рязани и хранящаяся в Государственном Историческом музее в Москве (ГИМ, инв. № 42781) (рис. 48—10). При отпечатке с этого орудия на пластелине была получена фигурная ямка (рис. 48—11).

Аналогичный орнамент был без труда подобран среди имеющихся в Историческом музее обломков сосудов с Ловецкого селища (рис. 48—9). Сопоставление этого орнамента с отпечатком на пластелине дало полное соответствие по форме и величине. Следовательно, узор на сосуде был нанесен именно этим орудием. Костяная палочка для нанесения орнамента и соответствующий обломок сосуда с орнаментом имеются в собрании Рязанского областного музея краеведения, где они значатся как происходящие с Чернеевского городища Рязанской области (рис. 48—7, 8). Это ко-

¹ С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л. 1947, табл. 26, рис. 19.

² В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. «Изв. ГАИМК», вып. 84. М.—Л., 1934, рис. VIII—9, 10.

стяное орудие имеет уплощенный конец, а отпечаток его рабочей части на пластелине, в соответствии с узором на фрагменте сосуда, дает слегка округлые нарезки.

Подобные костяные орудия с фигурными концами найдены на Городецком городище на Оке (рис. 48—1—6), на Огубском городище (находки

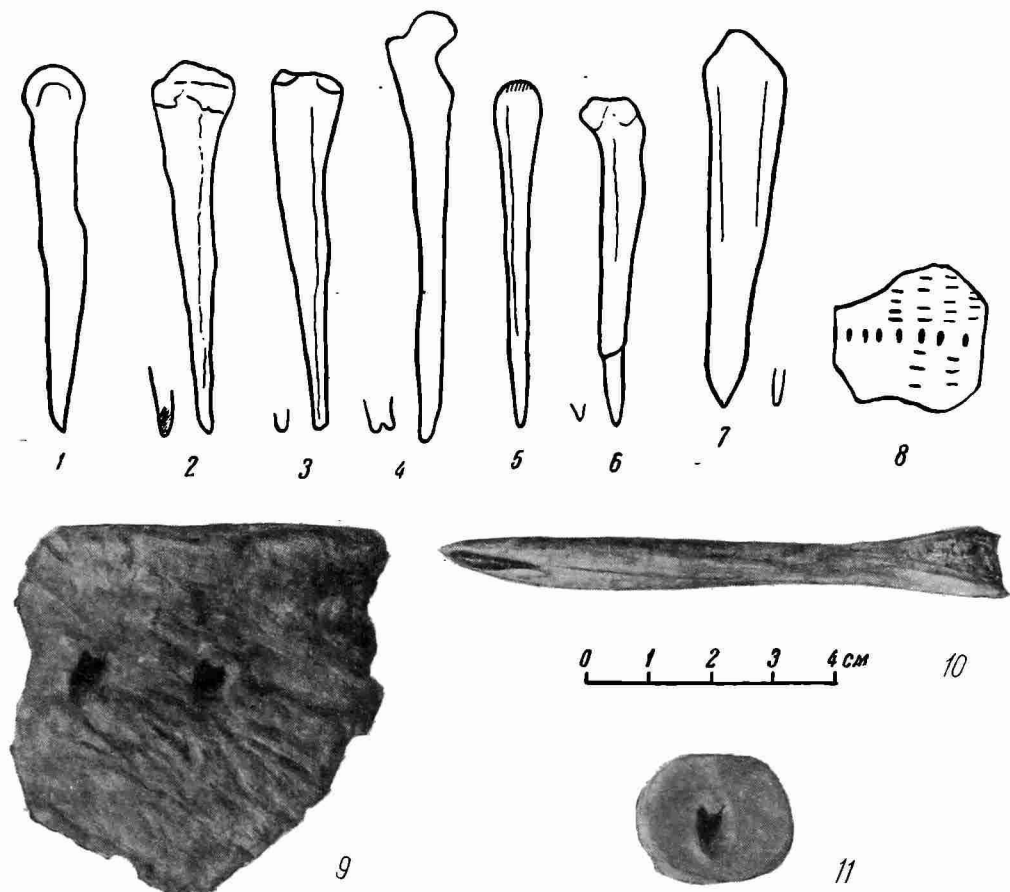

Рис. 48. Костяные орудия для нанесения узоров на керамику

1—6 — с Городецкого городища; 7, 8 — костяная палочка и черепок с соответствующим ей узором с Чернеевского городища; 9 — черепок с отпечатками палочки, изображенной рядом (10); 10 — палочка для нанесения орнамента (Львеевское селце); 11 — отпечаток ее рабочего конца на пластелине

В. А. Городцова; ГИМ, инв. № 54813) и на Каширском городище, где, в дополнение к двум уже изданным В. А. Городцовым и упомянутым выше орудиям, найдены еще два, которые могли также служить целям орнаментации керамических изделий.

Эта небольшая заметка, конечно, не исчерпывает всех способов и приемов нанесения керамических узоров, которые в интересующий нас период времени (VII в. до н. э.— IV—V вв. н. э.) поражают своим удивительным разнообразием.

Э. Р. РЫГДЫЛОН

«НОВАЯ ПЕЩЕРА» НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

В 1946—1949 гг. производилось археологическое обследование бассейна Среднего Енисея¹. Одной из задач наших работ было исследование приенисейских пещер, уже известных в литературе по публикациям А. С. Еленева, Н. К. Ауэрбаха, В. И. Громова и др. В настоящей заметке сообщается о разведывательных раскопках, произведенных в открытой нами пещере, названной «Новая пещера». В результате шурфовки у выхода известняка, где щели покрывались зимою инеем, было обнаружено значительное подземное помещение. Оно находится в 6 км к западу от известной палеолитической стоянки «Афонтова Гора» на Енисее. К сожалению, нам было не под силу вскрыть слой, содержащий палеолитические остатки. Удалось лишь установить здесь наличие следов обитания людей в эпоху неолита и бронзы.

Прежде чем приступить к описанию находок, надо сказать несколько слов о самой пещере и об условиях залегания в ней культурных остатков. Пещера длиной 23 м при наибольшей ширине и высоте до 8—9 м (рис. 49—I, II); на полу встречались прекрасно сохранившиеся кости волка, косули, росомахи, лисы и других животных, а также различные изделия из кости. Благодаря постоянству температурного режима в пещере, кость сохранилась очень хорошо.

Для характеристики напластований в пещере приведем три поперечных разреза слоев, начиная с линии *аб*.

Под слоем щебня и известкового натека (толщиной 0,2 м) лежит тонкий слой (0,1 м) темносерого золистого суглинка с дресвой; далее — смесь дресвы и гальки с желтоватым суглинком, содержащим кости животных (0,3 м), и, наконец, слой гальки и щебня с малым количеством продуктов распада известняка (0,5 м).

По мере расширения раскопа в глубь пещеры заметно увеличился наносный материал за счет щебня и суглинка, содержащего здесь охру.

Разрез слоев по линии *вг* выглядит так: под намывом мелких частиц с редким щебнем (толщина слоя 0,3 м) расположен темносерый илистый слой, включающий на небольшой площади слой красной охры и гальки (0,1 м); глубже имеется слой темносерого суглинка, включающего гравий и гальку с костями животных (0,2 м), а под ним слой суглинка с крупной галькой (0,1 м).

¹ Работа производилась Красноярским краеведческим музеем. Материалы из раскопки хранятся там же. Приношу свою благодарность сотрудникам данного музея за оказанную ими помощь в работе.

Кости животных в илистом слое преимущественно мелкие, трубчатые и не расколотые. По предварительным определениям, здесь преобладают кости козули, которая водится и поныне в этих районах.

В разрезе слоев по линии *де* наблюдаются следующие изменения: сверху лежит желтоватый суглинок с редким щебнем, содержащий культурные остатки (слой 0,4 м); под ним — темносерая супесь с керамикой

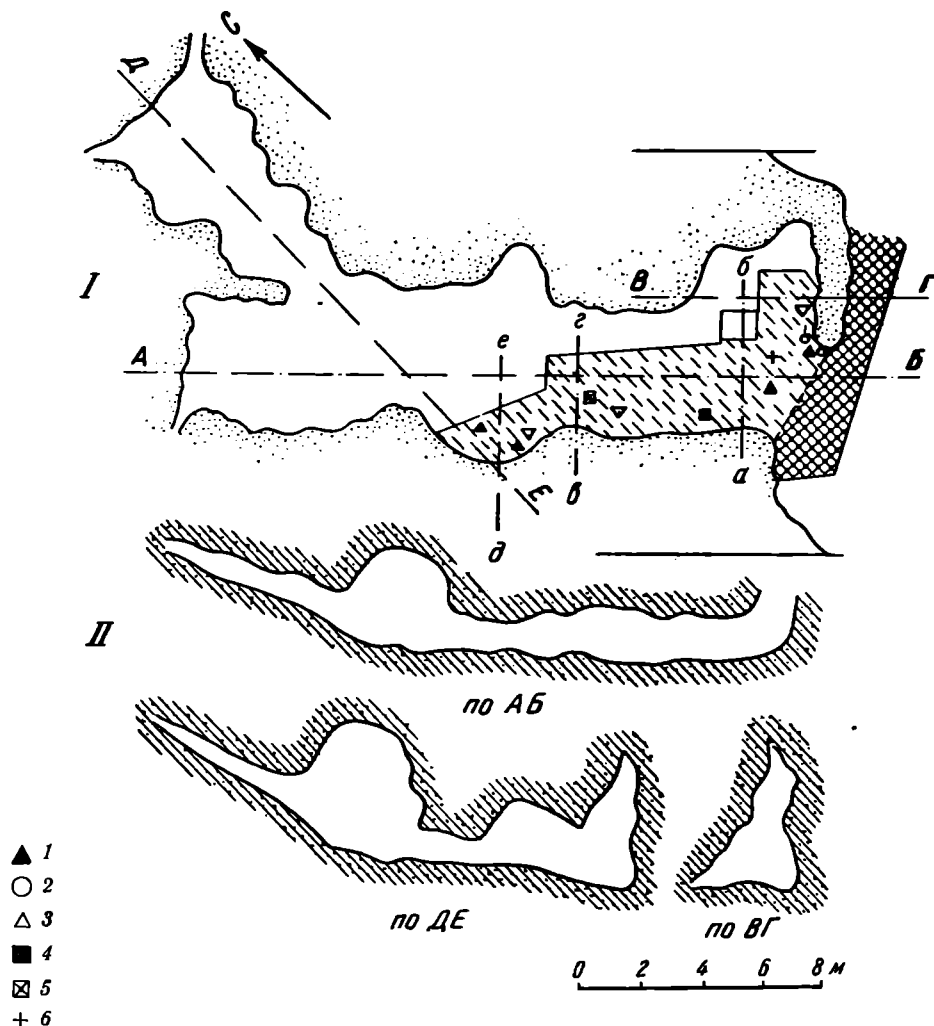

Рис. 49. „Новая пещера“. План (I) и разрезы (II)

1 — кость; 2 — камень; 3 — керамика; 4 — бронза; 5 — охра; 6 — вола

и костями (0,2 м); глубже слой супеси с галькой и щебнем (0,4 м), а под этим слоем — отложение дресвы с галькой, включающее костные остатки крупных животных — оленя (0,3 м).

На месте пересечения линий *ДЕ* и *де* стена пещеры имеет значительный наклон наружу. Очевидно, на этом месте имеется другой выход, так как линия *ДЕ* показывает направление водостока, ныне заваленного известковым натеком, идущим из-под свода пещеры и образующим на полу уступ высотой около 1 м. Такой же наклон, как по линии *ДЕ*, имеется по линии *АБ* (см. рис. 49—II). Можно предположить, что пещера продолжается в глубь скалы, но в настоящее время доступ туда прегражден наносами воды и натеками известняка.

Переходим к описанию находок, встреченных, в основном, в двух слоях в следующем порядке: на квадрате 1, на глубине 0,5 м найден обломок рога козули (рис. 50—1) и масса костей грызунов; там же, на глубине 0,7 м, — тесловидное каменное орудие неолитического облика со сломанным рабочим краем (рис. 51—3); на квадрате 2, на глубине 0,7 м, обнаружен каменный

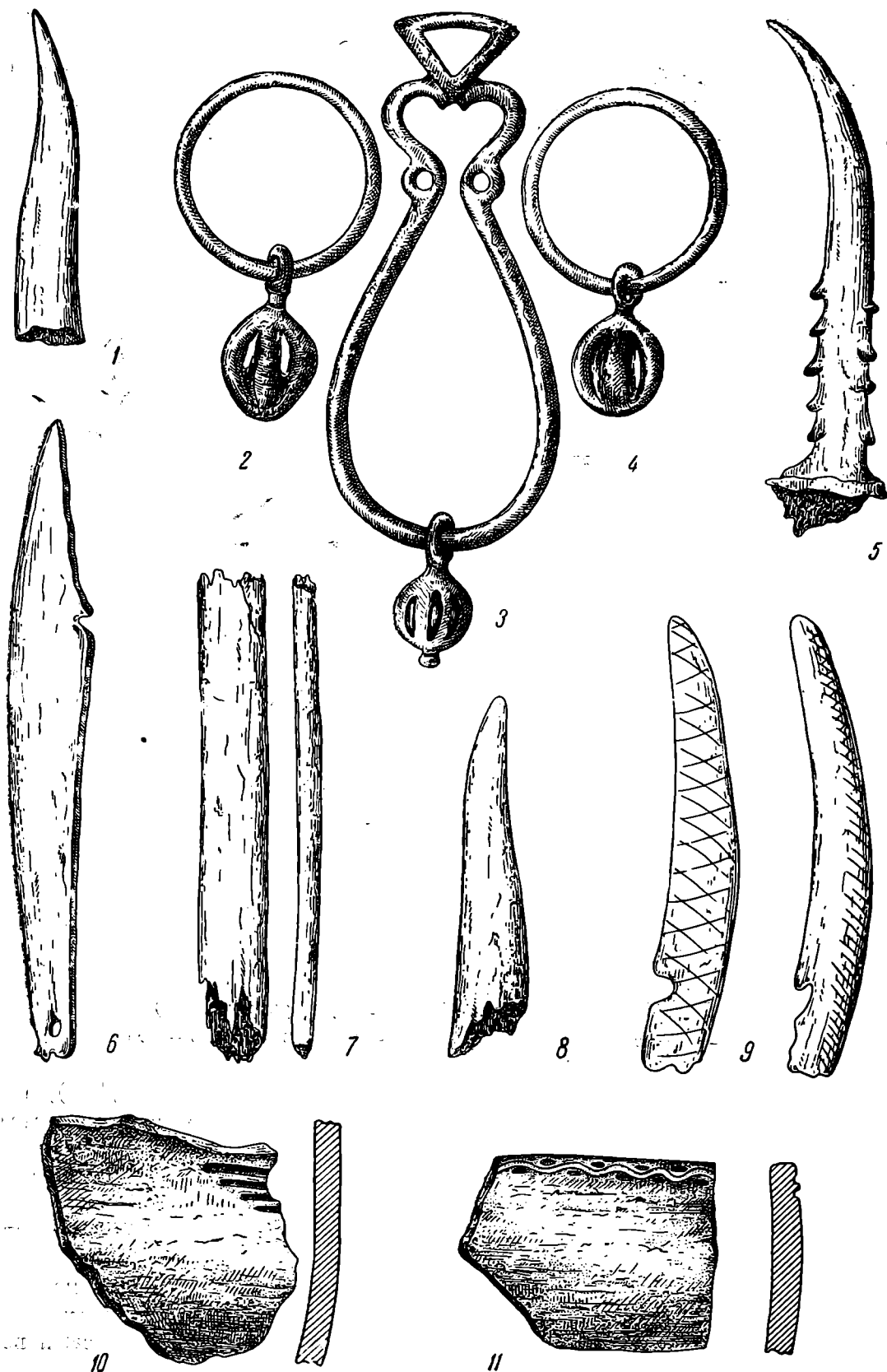

Рис. 50. Предметы из I слоя пещеры

1, 5, 8 — роговые проколки; 3 — бронзовая погремушка; 2, 4 — погремушки из Красноярского и Канского музеев (для сравнения); 6 — костяная поделка; 7 — костяная пластинка; 9 — костяные накладки от лука; 10, 11 — керамика тагарской культуры

скол со следами ударов (рис. 51—2); там же (глубина 0,6 м) — тонкое тесловидное каменное орудие со шлифованным рабочим краем (рис. 51—1); на квадрате 8, на глубине 0,5 м, встречены обломки керамики неолитического облика (рис. 51—4, 5); на квадратах 10 и 15, на глубине 0,25—0,3 м, простирался светлосерый слой золы; на квадрате 14, на глубине 0,3 м, найден обломок отшлифованной кости и проколка из рога косули

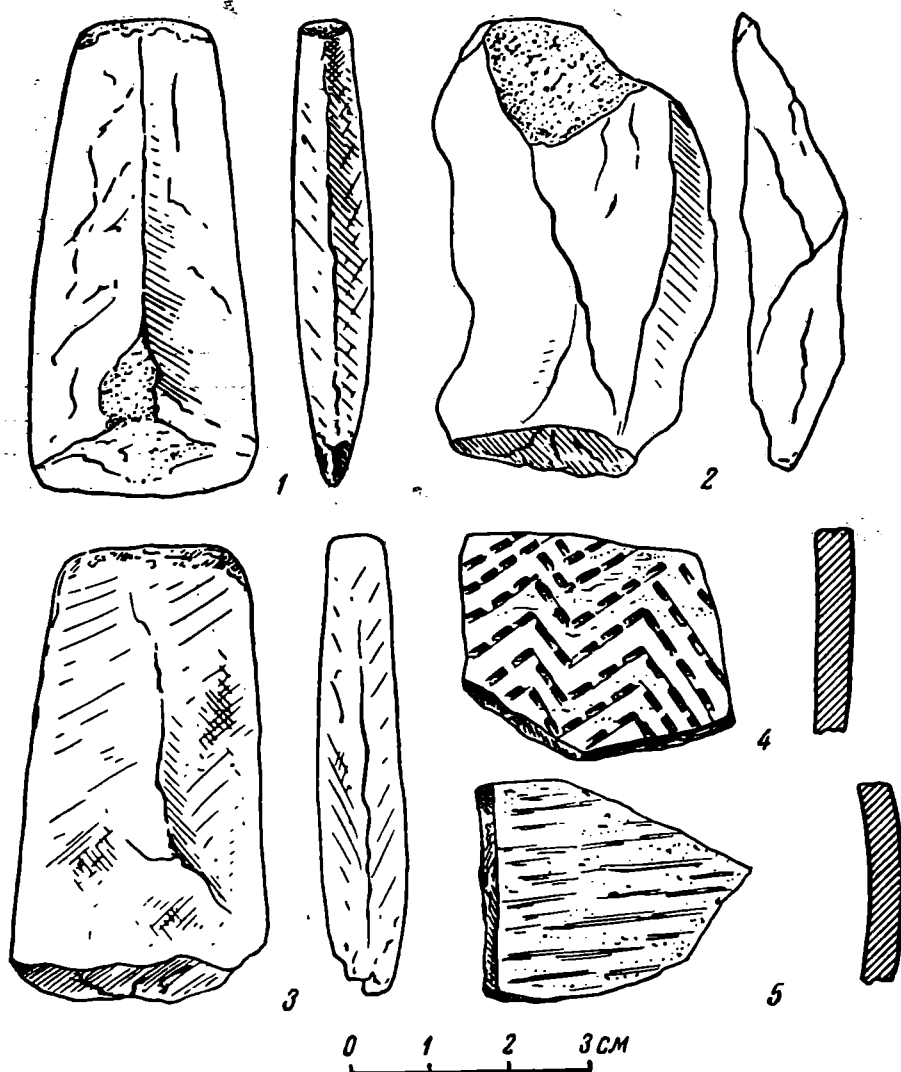

Рис. 51. Предметы из II слоя пещеры

1, 3 — тесловидные каменные орудия; 2 — скол от гальки; 4, 5 — керамика

(рис. 50—7, 8); на квадрате 25 (глубина 0,2 м) — две бронзовые погремушки прекрасного литья (рис. 50—3); на квадрате 36, на глубине 0,3 м, — два обломка от венчика темного глиняного сосуда тагарской культуры (рис. 50—11); на квадратах 43 и 46 (глубина 0,4—0,45 м) — слой красной охры и несколько галек; на квадрате 45, на глубине 0,4 м, встречены мелкие обломки керамики неолитического типа и обломок ребра крупного животного (оленя) со сглаженным концом (длина 17 см); на квадрате 45, на глубине 0,5 м, — рог косули (рис. 50—5) и кости животных без следов обработки; на квадрате 59, на глубине 0,3 м, — две костяные пластины от лука (вместе склеенные) с заостренными концами и сглаженными зарубками для тетивы (рис. 50—9); на глубине 0,4 м — костяная поделка неизвестного назначения (рис. 50—6); на квадрате 60, на глубине 0,1 м, — обломок сталактита, длиной около 15 см. Такой обломок и другие продукты распада

известняка, сросшиеся с костями, и плита с причудливыми линиями были встречены на квадрате 9.

Поскольку в пещере нет ни сталактитов, ни сталагмитов, возможно, что эти находки подтверждают наше предположение о наличии заваленной части пещеры, откуда происходят обломки. Назначение некоторых предметов неясно. Погремушки, вероятно, относятся к украшению сбруи. Подобные парные погремушки тагарского времени хранятся в Красноярском и Канском музеях (рис. 50—2, 4). Костяные поделки могут относиться к принадлежностям капканов или самострелов. Две костяные пластины определяются как накладки на концы лука (рис. 50—9). Наконец, обломки ребер могли служить выпрямителями скрученных жил, ложилами и т. д.

Несомненный интерес вызывает найденная здесь охра, но ее назначение в данном случае неясно.

Таким образом, в пещере прослежены признаки жизни людей двух эпох — неолитической и тагарской.

В заключение следует сказать, что шурфы, заложенные на квадратах 16 и 59, показали, что до материкового пола пещеры остался еще неисследованным культурный слой мощностью до 1 м. Хотя в шурфах не было встречено никаких культурных остатков, за исключением одной расколотой трубчатой кости оленя, можно возобновить здесь работу с уверенностью, что будут найдены палеолитические остатки «сибирского типа», наиболее ярко представленного материалами упомянутой выше палеолитической стоянки Афонтова Гора.

Л. Н. ИВАНЬЕВ

РАКОВИННЫЕ КУЧИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Приморский край по разнообразию и количеству археологических памятников занимает одно из первых мест в Советском Союзе.

Хотя в крае пока не обнаружено следов древнекаменного века (палеолита), однако в большом количестве встречаются остатки деятельности человека новокаменного периода (неолита).

Остатки этой культуры, одной из древнейших культур человека в Приморье, обычно находятся в отложениях, называемых раковинными (или кухонными) кучами.

Они представляют собой груды битых раковин и костей животных, среди которых находятся очаги из камней, каменные и костяные орудия и разбитая глиняная посуда. Такие раковинные кучи прикрыты сверху незначительными наслоениями земли, отложившимися в более поздние времена.

Раковинные кучи встречаются в Приморье по всей береговой полосе, начиная от границ с Хабаровским краем, доходя до р. Тумень-Ула, являющейся границей с Кореей.

Особенно много куч найдено около бухт, входящих в состав Посыетского, Уссурийского и Амурского заливов. Иногда они расположены на перешейках, соединяющих полуострова и мысы с материковой частью. Здесь раковинные скопления обнаруживаются легко, так как морские штормы, разрушая верхние слои земли, обнажают слои раковин и остатки деятельности первобытного человека. Раковинный слой обычно лежит на слое древнего прибрежного песка или гальки (рис. 52).

Впервые этими археологическими памятниками, найденными на полуострове Сидеми в Приморье, заинтересовался и предварительно их обследовал в 80-х годах прошлого века один из местных краеведов М. И. Янковский¹. Позже раскопки там же произвел директор Владивостокского музея В. П. Маргаритов², а затем Ф. Ф. Буссе³.

В течение 1924—1926 гг. А. И. Разиным⁴ на побережье Уссурийского

¹ М. Янковский. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива. «Изв. ВСОРГО», Иркутск, 1881, т. XII, № 2—3, стр. 92.

² В. П. Маргаритов. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива близ р. Сидеми. Владивосток, 1887.

³ Ф. Ф. Буссе. Остатки древностей в долинах рек Лефу, Даубихэ и Улахэ. «Зап. Об-ва изучения Амурского края», т. I. Владивосток, 1888, стр. 1—28.

⁴ А. И. Разин. Стоянки каменного века на берегу Уссурийского залива. «Советское Приморье», Владивосток, 1926, № 3—4, стр. 55—69.

и Амурского заливов выявлено свыше 30 местонахождений раковинных куч и извлечено большое количество орудий, керамики и др. Одновременно с ним небольшие раскопки на тех же местах произвел известный исследователь Приморья В. К. Арсеньев. Позже, в 1931—1941 гг., Владивостокским музеем, под руководством автора настоящей статьи, были проведены археологические разведочные работы, во время которых обнаружены и исследованы раковинные кучи в окрестностях Владивостока и на побережье полуострова Муравьева-Амурского.

Автором настоящей статьи в 1936 г. в бухте Амбазоза, в Уссурийском заливе, из 1—1,5 м³ выкопанной земли удалось извлечь до 600 предметов: каменных и костяных орудий, глиняной посуды, остатков фауны.

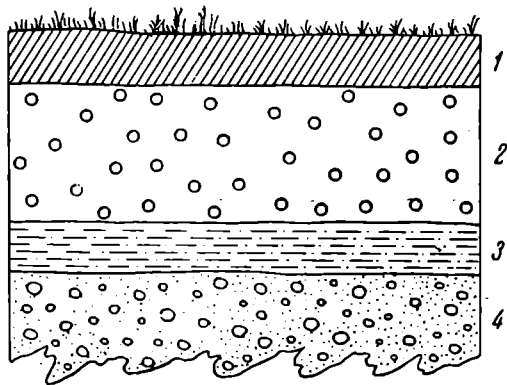

Рис. 52. Вертикальный разрез раковинной кучи

1 — современные отложения; 2 — слой раковин с культурными остатками; 3 — глина с песком; 4 — галька с песком

Разрезанная вертикально раковинная куча состояла из нескольких слоев отложений. Сверху был слой земли, прикрывающий раковины, мощностью от 15 до 25 см. Это большей частью рыхлая супесь, слегка укрепленная корнями трав. Непосредственно под верхним слоем обнаружены разбитые раковины, большей частью представляющие плотно слежавшуюся массу, иногда превратившуюся в известь.

Мощность раковинного слоя в отдельных случаях достигает 2 м, но в среднем равна 0,5—1 м.

В результате изучения раковинных куч установлено, что они содержат те же виды моллюсков, которые водятся и в настоящее время в водах Японского моря; к ним прежде всего нужно отнести японский гребешок (*Pecten jes. sp.*), пателлу (*Patella sp.*), устрицу (*Ostrea edulis sp.*), рапану (*Rapana sp.*) и др.

Среди этих большей частью разбитых раковин встречается множество остатков ихтиофауны, из которых определены следующие виды: треска (*Gadus morhua sp. sp.*), камбала (*Limanda sp. sp.*), минтай (*Theragra chalcogramma*), крупный бычок (*Myoxocephalus sp.*), морской ерш (*Sebastes sp.*), тунец (*Thunnus sp.*), японский морской судак (*Lateolabrax japonicus*), а также некоторые виды скумбриевых и сельдевых пород¹. Подобные виды рыб также водятся в настоящее время в водоемах края. Реже встречаются кости: лисиц (*Vulpes sp.*), мелких хищников, оленя (*Cervus sp.*), крупных птиц, в большом количестве — кости кабана (*Sus scrota sp.*). Все кости расколоты человеком, достававшим из них мозг.

Найдены также каменные и костяные орудия и изделия из глины в виде пряслиц, светильников и сосудов (рис. 53 — 1—9).

Наконечники копий и стрел, шилья, ножи для чистки рыб, скребки для отделки кож животных и рыб большей частью полированы. Из каменных и костяных орудий чаще встречаются скребки, долота, топоры, наконечники копий и стрел, рыболовные крючки, грузила, сделанные из морской гальки. Костяные орудия обычно также шлифованы. Изделия из глины хорошо обожжены, поверхность наружных стенок лощеная. Преобладает так называемая ленточная орнаментика в виде спиралей, меандров, шнуров, полос и т. п.

Сосуды имеют плоское дно, которое иногда украшено отпечатками листьев растений.

¹ А. И. Разин. Указ. соч.

В раковинных кучах и в окрестностях их пока еще не найдено древних погребений, но на мысе Виноградском и на полуострове Сидеми обнаружены черепные крышки со следами трепанации. О внешнем облике первобытного человека Приморья периода образования раковинных куч пока не представляется возможным сказать что-либо определенное.

Раковинные кучи, как отбросы пищи, несомненно, образовались вокруг поселений, принадлежавших людям, для которых рыболовство служило

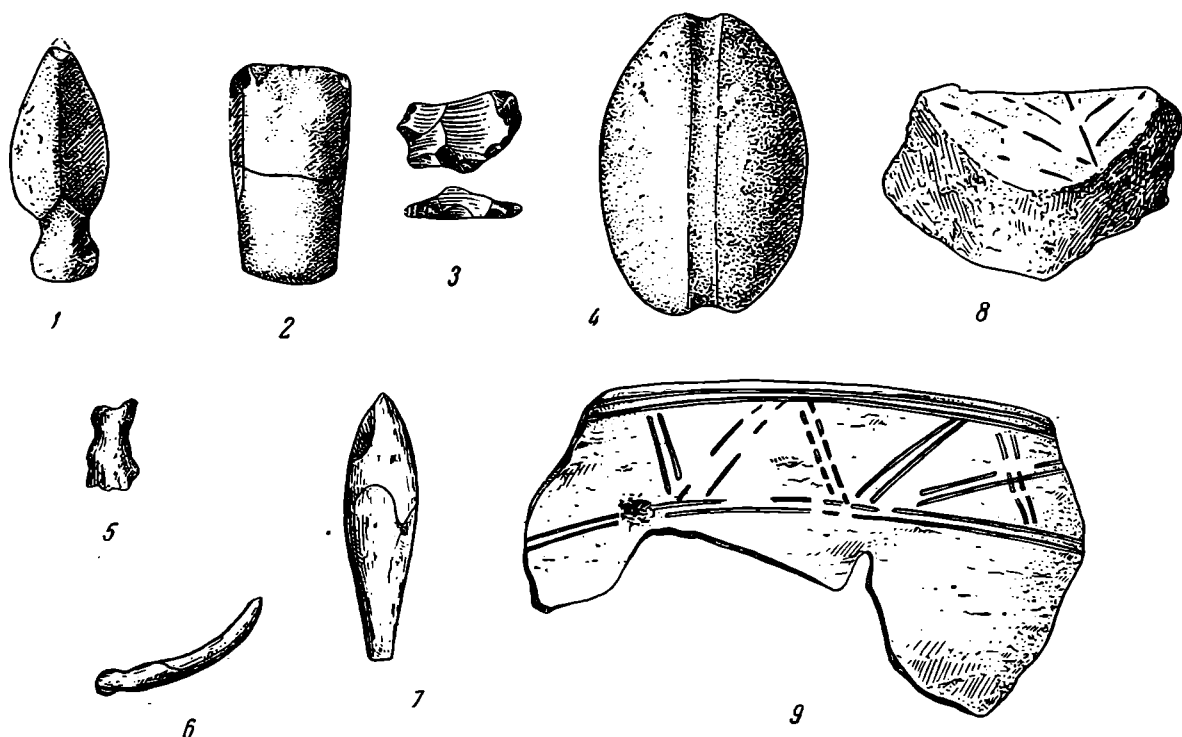

Рис. 53. Орудия и керамика из раковинных куч

1 — наконечник копья; 2 — долото; 3 — скребок; 4 — рыболовное грузило из гальки; 5 — просверленная бабка; 6 — обломок рыболовного крючка; 7 — наконечник стрелы; 8 — часть доньшка сосуда с рисунком листа; 9 — черепок с ленточным орнаментом (1—4 — камень; 5—7 — кость; 8—9 — глина)

основным занятием, охота же имела подсобное значение. Правда, первые исследователи памятников древности Приморья (М. Н. Янковский и В. П. Маргаритов) считали, что основным занятием первобытных жителей края была охота, но они еще не располагали достаточным материалом и поэтому ошибались в выводах.

А. П. Окладников¹ относит ранний этап Амурско-Приморского неолита к концу III — началу II тысячелетия до н. э. Эта культура, как он указывает, развивалась своим особенным путем. Для нее характерно рыболовство, а не охота. Ее носители оставили после себя поселки оседлых рыболовов, живших в больших землянках. Об оседлом образе жизни говорит и плоскодонная посуда.

Культура неолитических оседлых рыболовов развивалась на территории нашего Дальнего Востока продолжительное время. Отмеченные нами памятники, повидимому, можно отнести к различным периодам. Уточнение датировки — ближайшая задача советских археологов на Дальнем Востоке.

¹ А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока. КСИИМК АН СССР, вып. IX, стр. 5—14.

В. И. ЗУБКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ПЕРЕЯСЛАВЛЕ-
РЯЗАНСКОМ

Преимущество Старой Рязани — Переяславль-Рязанский (современная Рязань) принадлежит к числу древнейших городов северо-восточной Руси. К сожалению, планомерных археологических исследований в должном объеме на площади города до настоящего времени не велось. Между тем многочисленные памятники прошлого в виде нумизматических находок и отдельных древних предметов, а также фундаменты разрушенных зданий, часто открываемые при земляных работах на территории кремля Переяславля-Рязанского и прилегающих к нему улицах, свидетельствуют об огромном количестве древностей, хранящихся в земле.

В предлагаемой информации публикуются материалы по керамическому производству Переяславля-Рязанского XVI—XVII вв., случайно обнаруженные на его территории, интересные для изучения истории города в целом и освещающие некоторые стороны жизни населения его гончарной слободы.

В 1938 г. в северо-восточной части современной Рязани, на краю высокого мыса при впадении Лыбеди в Трубеж, в 20 м восточнее здания так называемого дворца Олега, в непосредственной близости от церкви Духа, при земляных работах обнаружены остатки фундамента трехапсидного храма, сложенного из большемерного кирпича. На расстоянии 17 м к югу от этой кладки, на углу обрыва, выявлен профиль ямы, заполненной значительным скоплением беспорядочно ссыпанного щебня, фрагментами глиняной серебристо-лощеной посуды, кусками угля и обожженной кожи. При расчистке ямы на ее дне, на глубине 1,45 м, вместе с мелким щебнем найдено 15 фрагментов печных изразцов, среди которых 9 экземпляров оказались «красных» рельефных бесполивных, остальные были поливными — «муравлеными» и полихромными.

Древние «красные» изразцы, находки которых на территории Переяславля-Рязанского были ранее известны только по трем фрагментам¹, обнаруженным на Спасском кладбище, имеют обычную ящичную румпу, идущую от краев изразца, и на лицевой стороне — рельефные изображения.

Из найденных девяти фрагментов «красных» изразцов интересны пять:

1. Фрагмент изразца с орнаментом в виде рельефной розетки, занимающей центр квадрата, охваченного рамкой в виде плоского пояса, к углам которой отходят симметрично расположенные рельефные трехжгутовые

¹ С. Д. Яхонтов. Красные изразцы в собраниях Рязанского обл. музея. Рязань, 1927.

пальметты. В углублениях лицевой поверхности сохранились остатки известковой побелки, а на внутренней стороне — слой копоти. Размер — $16,5 \times 14,2$ см (рис. 54 — 4).

2. Фрагмент изразца с изображением рельефной розетки с радиально расположенными пальметтами, отходящими к углам обрамляющего квадратного пояска. Размер — $12,7 \times 12$ см.

Рис. 54. Фрагменты глиняных изразцов (Переяславль-Рязанский)

3. Фрагмент изразца с изображением цветка в виде восьмилепестной розетки, укрепленной на частично сохранившемся трехжгутовом стебле. Размер — $5,5 \times 5$ см (рис. 54 — 3).

4. Фрагмент изразца, на лицевой стороне которого в обрамлении из рельефной прямоугольной рамки в виде плоского пояска расположено профильное изображение стоящей и обращенной вправо птицы с человеческим лицом. Ее хвост трактован в виде четырех перьев, крылья сложены и их концы совершенно не проработаны. Представленная в фас овальная голова увенчана короной. Рельеф, видимо, изображает мифическую птицу Сирина. Свободные участки лицевой поверхности изразца заняты стилизованными изображениями растений. Изразец оттиснут в форме (рис. 54—1).

5. Фрагмент изразца с рельефным изображением двуглавого увенчанного двумя коронами орла, заключенного в круглое клеймо. Оттиснут в форме (рис. 54—2). Он представляет вариант изразца неизвестного происхождения, хранящегося в Московском Историческом музее под № 44946/1908¹.

Будучи по материалу, форме и технике изготовления очень близкими к терракотовым изразцам, обнаруженным на территории Москвы, рязанские изразцы, несмотря на их сходство с изразцами московскими, неизбежно содержат отдельные, только им присущие элементы в виде различных добавлений и изменений, что указывает не на простое копирование московских образцов рязанскими гончарами, но свидетельствует о их самостоятельном творчестве при производстве этих облицовочных материалов.

Согласно данным письменных источников, на мысу, при впадении Лыбеди в Трубеж, размещался Духов монастырь, заложенный в XV в. В 1514 г. он был уничтожен пожаром, после которого вскоре возобновлен. В 1642 г. в черте монастыря построена Духовская церковь, а в 1783 г. весь монастырь выгорел вторично. Таким образом, наши «красные» изразцы могли облицовывать одну из печей монастырских строений. Условия их находки вместе со строительными отходами, их фрагментарность, а также факт залегания

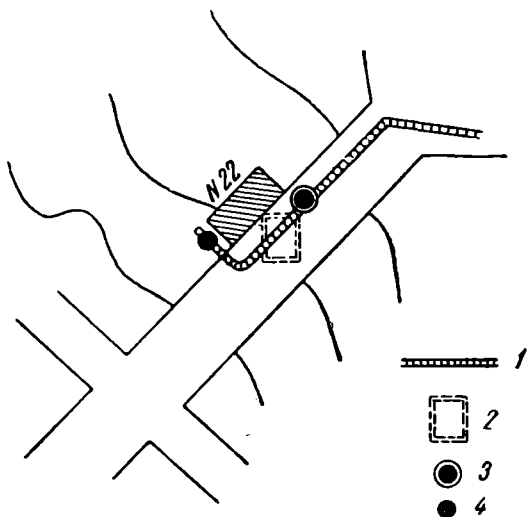

Рис. 55. Место находки глиняных сосудов XVII в. (Рязань)

1 — траншея; 2 — изба гончара; 3 — тайник № 1; 4 — тайник № 2

вместе с ними поливных зеленых «муравленых» изразцов середины XVII в. позволяет видеть в них отходы от очередного подновления печи.

Тщательно изготовленные «красные» изразцы, обнаруженные на площади Переяславля-Рязанского, свидетельствуют о высоком мастерстве рязанских гончаров. К сожалению, место изготовления этих интереснейших древнерусских облицовочных материалов в Рязани остается неизвестным, хотя участок гончарной слободы с синхронными им памятниками был обнаружен в 1950 г. при земляных работах.

Поводом к его открытию послужили находки целых глиняных сосудов XVII в. на улице Свободы, между зданиями Педагогического института и церковью Воскресенья-Сгонного. При обследовании места находки удалось установить, что на проезжей части улицы, против дома № 22, траншея прорезала под мостовой на глубине 2,3 м от поверхности сруб из четырех венцов с остатками пола (рис. 55—2). В земле, заполнявшей внутреннюю часть сруба, прослежено залегание значительных скоплений угля, битого кирпича и фрагментов керамики, среди которых найден деревянный долбленный ковшик с длинной ручкой. На расстоянии 5 м к северо-востоку от восточного угла сруба находилась яма (диаметром 1,80 м при глубине 4 м), углублявшаяся в материковый слой глины. Яма была заполнена снизу доверху глиняными сосудами. В связи с тем, что южная половина ямы оказалась уничтоженной траншеей и заполнявшие ее сосуды были частью разбиты и выброшены вместе с землей, расчистке и исследованию подверглась только сохранившаяся северная часть ее. При этом установлено, что на горизон-

¹ А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы. М., 1938, вып. 1, № 61.

тальном дне ямы лежал слой бересты, перемешанной с мелкой соломенной трухой; на этом слое тесно прижатыми один к другому, днищами книзу, стояли крупные глиняные горшки; одни из них оказались раздавленными тяжестью верхних напластований, другие же были совершенно целыми. На участках ямы, где сосуды сохранились целыми и перемещения почвы не произошло, все они были покрыты слоем бересты и соломы, поверх которого стоял второй ряд сосудов меньших размеров, также отделенных от третьего ряда горшков смягчающей соломенной прокладкой. Над третьим рядом находились четвертый и пятый ряды сосудов, большинство из которых оказалось раздавленными и перемешанными до такой степени, что установить, было ли в яме пять или шесть рядов горшков, не представля-

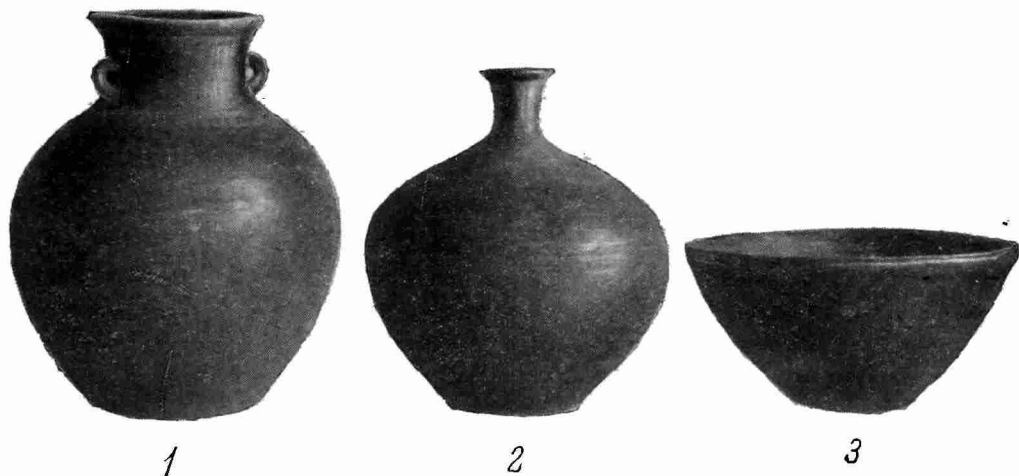

Рис. 56. Образцы посуды из тайника № 1

Пояснения в тексте

лось возможным. В верхней части, на глубине 65 см от поверхности современной мостовой, яма оказалась засыпанной слоем песка толщиной 15 см, выше которого залежали позднейшие напластования.

В исследованной нами части ямы обнаружено свыше 60 сосудов, во всей же яме их было, вероятно, не менее 100. При этом было замечено, что ни один из них в употреблении не был. Все они были зарыты совершенно новыми.

Большинство извлеченных из ямы сосудов принадлежало к так называемой серебристо-лощеной посуде, особенно распространенной у широких слоев населения русских городов в XVII в., и только три узкогорлых горшка (80 см высоты при 60 см в диаметре), изготовленные из хорошо отмученной глины красноватого обжига, были без лощения.

Среди серебристо-лощеных сосудов наиболее многочисленными оказались глиняные кринки, размеры которых варьировали от 23 до 30 см в диаметре при высоте 28—35 см (рис. 56—1). Второе по количеству место занимают глиняные кубышки с высоким узким горлом, отличающиеся особенно тщательной выработкой (рис. 56—2). Затем следуют горшки для варки пищи обычной формы и различных размеров, две глиняные миски (рис. 56—3) и одна глиняная тарелка с зигзагообразным орнаментом. Каких-либо иных предметов вместе с глиняной посудой в яме не обнаружено.

На расстоянии 20 м к западу от этой ямы вскрыта вторая, также наполненная глиняными сосудами. Ни одной кринки или кубышки здесь не найдено. В яме были только горшки красного обжига для варки пищи, которые оказались раздавленными землей.

Вокруг ямы залегал культурный слой мощностью до 3 м с остатками деревянных строений, щебня и битой керамической посуды.

Дальнейших специальных исследований на месте находки нами не производилось. Но обнаруженный материал с достаточной убедительностью свидетельствует о том, что на данном участке современной Рязани траншеей вскрыты остатки гончарной слободы Переяславля-Рязанского XVII в.; местонахождение ее прослеживается до перепланировки города после 1782 г. О существовании здесь гончарной слободы напоминает и сохранившееся до настоящего времени наименование одной из близлежащих улиц — Старо-Горшечная.

Ассортимент обнаруженных сосудов, их новизна и тщательность установки в ямах позволяют считать, что найденные ямы были своеобразными тайниками, в которых местные гончары преднамеренно спрятали свою готовую продукцию в связи с каким-то тревожным событием. Таких моментов в XVII в. город пережил немало. В 1612 г. напал на Переяславль-Рязанский и выжег его посад Заруцкий¹. В 1618 г. страшное опустошение на посадах и в остроге Переяславля-Рязанского произвел Сагайдачный². Возможно, что следствием одного из этих вражеских налетов и были разрушенные жилища и нескрытые тайники гончаров, безвестно пролежавшие в почве города более трех столетий.

Следует отметить, что развернувшимися за последние десятилетия планомерными археологическими работами на территории ряда древнерусских городов и, в частности, Москвы, в районе ее древней Гончарной слободы, добыто огромное количество керамического материала, причем вскрывались ямы, заполненные отходами гончарного производства и бракованной продукцией. Но находок тайников-ям с готовой продукцией, подобных открытым в Переяславле-Рязанском, насколько нам известно, обнаружено не было³.

Кроме того, обращает на себя внимание разница в продукции гончаров московских и рязанских. Самые распространенные на территории Москвы в слоях XVII в. глиняные кувшины с ручкой в исследованных нами рязанских тайниках не встречены совершенно, тогда как найденные в большом числе в Рязани крынки сравнительно редки среди керамики древней Москвы — факт, наглядно отражающий значительное развитие молочного животноводства на приязанских окских заливных лугах, ибо крынки являлись основной посудой для хранения молочных продуктов.

На обширной площади, расположенной к северу от современной улицы Свободы до р. Лыбедь, издревле размещался городской торг Переяславля-Рязанского, где продавали, в частности, посуду. Документы конца XVI в. сообщают: «Да за городом за Рязанским ворота на посаде за речкою за Лыбедью торг, а в торгу лавки и полки и стула и шелоши всяких людей... В горшечном ряду лавки, торгуют в них горшки... лавка Тимофеева дворника Ивашка Гончара... лавка пушкаря Микитки Юдина... лавка Третьякова дворника Вельяминова Семки Гончара... лавка затинщика Федки Кириллова... лавка Макарьева дворника Двойникова Ширяйки Гончара... лавка Третьякова дворника Вельяминова Степанка Гончара... и всего в горшечном ряду 29 лавок»⁴.

Случайные находки последних лет, сделанные в Переяславле-Рязанском, действительно требуют проведения планомерных археологических работ на площади этого древнерусского города.

¹ С. М. Соловьев. История России, т. VIII, стр. 459.

² Арныбашев. Повествование о России, т. III, кн. 6, стр. 34.

³ А. В. Арциховский. Работа на строительстве Московского метрополитена, участок III. «Изв. ГАИМК», вып. 109, стр. 75—79; М. Г. Рабинович. Московские гончары в XVI—XVIII вв. «Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР», вып. 1, 1946, стр. 69—73; его же. Московская керамика. МИА, № 12, стр. 57—105.

⁴ Платежная книга города Переяславля-Рязанского 1594—1597 гг. «Писцовые книги Рязанского края». Под ред. Сторожева, т. I, вып. 1. Рязань, 1898, стр. 3—5.

П. Н. ЧИРВИНСКИЙ

ЗМЕЕВИК КАК ПОДЕЛОЧНЫЙ КАМЕНЬ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В археологической литературе по Кавказу можно встретить неоднократные упоминания о находках древних предметов, сделанных якобы из нефрита. Чаще всего «нефритовыми» называли каменные сверленные топоры, наиболее характерные для культуры эпохи бронзы Кабардино-Пятигорья.

В музейной практике подобные определения нередко порождали даже ошибочные построения о якобы существовавших меновых связях Кавказа с Китаем и Дальним Востоком в самые древние времена, так как нефрита на Кавказе пока еще не найдено, а в Восточной Азии он известен в изобилии. Между тем в основе этих ошибочных утверждений лежит неточность минералогического определения пород, из которых изготовлялось большинство указанных топоров из Кабардино-Пятигорья.

Многочисленные подвергнуты микроскопическому исследованию шлифы, сделанные из осколков каменных сверленных топоров Нальчикского музея, часто называемых нефритовыми.

Нет никакого сомнения, что перед нами антигоритовая разновидность благородного змеевика (серпентина). Шлиф состоит из агрегатов микроскопических чешуек и иголок. Удлинение их оптически положительное.

В виде второстепенных примесей входят некоторые другие минералы, легко констатируемые в микроскоп, а иногда и невооруженным глазом. К числу таких более крупных примесей можно отнести черные непрозрачные зерна хромистого железняка и магнетита. Иногда они дают скелетные образования в виде петлистых, сетчатых выделений. В одном случае зерно хромистого железняка достигало 1 мм в поперечнике, обычно же эти зерна очень невелики; иногда они почти отсутствуют. Некоторые зерна имеют трещинки, заполненные антигоритовым змеевиком, а иногда карбонатом (кальцитом или магнезитом). Кое-где вместе с карбонатом видны листочки талька. Тальк — водный силикат магния, близкий по составу к змеевику. Что касается микроструктуры антигорита, то она показывает некоторые изменения не только в разных шлифах, но иногда в одном и том же.

Идеальная формула змеевика: $H_4Mg_3Si_2O_9 = 3MgO \cdot 2SiO_2 \cdot 2H_2O$ с небольшой примесью аналогично построенного соединения железа: $H_4Fe_3Si_2O_9 = 3FeO \cdot 2SiO_2 \cdot 2H_2O$. Иначе говоря, змеевик (серпентин) в основном содержит окись магния (MgO), кремнезем ($SiO_2/4$) и химически связанную воду. Эту воду он теряет лишь при прокаливании.

Идеальная формула требует в процентах по весу.

SiO ₂ — 43,48%
MgO — 43,48
H ₂ O — 13,04
100,0%

Твердость этого минерала невелика: от 3 до 4 по шкале Моса, т. е. он не может царапать стекла (твердость 5).

Обычный цвет змеевика — зеленый разных оттенков. Если минерал просвечивает, то называется благородным змеевиком, или офитом. Офит может быть спаржево-зеленым, луково-зеленым, желтовато-белым, серно-желтым.

В отличие от серпентина некоторые авторы называют эту горную породу серпентинитом. Она не так однородна и встречается в земной коре большими массами. Может содержать небольшие примеси других минералов.

О нахождении змеевика (серпентина, серпентинита) на Северном Кавказе можно сказать следующее.

В издании Кавказского музея (Тифлис, 1901), посвященном описанию его геологических коллекций и составленном Н. И. Лебедевым, в следующей форме упоминается о нахождении змеевика:

«В витрине № 8 выставлен наряду с другими минералами с Кавказа серпентин в виде 77 шлифованных образцов» (стр. 18). На стр. 178 того же издания, в описании коллекции Кенига с р. Худес, упоминается «нефрит в виде налета на серпентине».

Однако систематические сведения о серпентине мы встречаем впервые лишь в работе Н. И. Безбородько¹. Здесь имеются микрофотографии, карта, даны подробная химическая и петрографическая характеристики змеевиков и связанных с ними месторождений асбеста и хромистого железняка. Об этом же идет речь и в опубликованной на немецком языке работе этого же автора о новом месторождении хромистого железняка в Кубанской области², в моей книге по полезным ископаемым Кубани и Черноморья³ и в ряде других работ (Д. П. Сердюченко, Л. И. Пазюк, А. Г. Кобилев и др.):

По исследованиям И. В. Попова, на пространстве от горы Тхач на западе и р. Малки на востоке имеется четыре пояса выходов (интрузий) габбро-пироксенитовых пород. Все они в настоящее время превратились в змеевики. Выходы I, II, III и IV протягиваются с северо-запада на юго-восток (от SO 135° до SO 110—120°). Из них одна полоса (самая южная) отвечает первоначальным породам группы лерцолитов и бронзититов, вторая — бронзититов, третья — диаллагитов, габбро-диоритов и частью бронзититов, наконец четвертая — большей частью габбро. Все указанные отношения поясняются карточкой, приведенной в работе Попова⁴ и у меня⁵.

Возможно точное исследование змеевика топориков и сопоставление мест находок этих топориков с географией выходов змеевиков должны дать нам указания, где человек уже в медно-бронзовую эпоху нашел материал и сделал те открытия, которые геологи могли сделать лишь в XIX и XX столетиях.

¹ Н. И. Безбородько. Змеевиковый пояс, его хромистые руды и прилегающие породы в Майкопском отделе Кубанской области (Северный Кавказ). «Изв. Донского политехн. ин-та», т. II, 1913, отд. 2, стр. 429—564; с картой и 3 рис.

² N. Besborodko. Über eine neue Chromeisenerzlagertätte am nördlichen Kaukasus und ihre mineralogische Verhältnisse. «Neues Jahrb. f. Mineral., Geol. u. Palaeontol.» Beil. Bd. XXXIV, 1912, стр. 787—798 и табл. XXII.

³ П. Н. Чирвинский. Полезные ископаемые Кубани и Черноморья. «Труды Сев.-Кавк. ассоц. н.-и. ин-тов», № 24, Ростов-на-Дону, 1927.

⁴ I. W. P o p o w. Die Faltung und Gabbropyroxenitischen Intrusionen des herzynischen Kaukasus. «Sbl. f. Mineral., Geol. u. Palaeontol». Abt. A. 1928, стр. 191—201.

⁵ П. Н. Чирвинский. Указ. соч.

По исследованиям А. А. Иессена, находки археологических предметов из змеевика на Северном Кавказе концентрированы от Кубани до Осетии и спорадически появляются в средних и восточных районах. Такие же топоры из змеевика были найдены в Божиганских песках Грозненской области Е. И. Крупновым в 1947—1948 гг.

В определение «змеевик» без специального изучения, конечно, могут попасть и другие породы, прежде всего диабазы. Таких ошибок может быть до 10—20%, по мнению А. А. Иессена, насчитавшего около 100 орудий этой группы: 70 секир, до 20 клиновидных орудий и 12 булав.

В Кабарде отмечена 41 находка (Нальчик, бассейн Баксана, Чегем, Урух и др.). Речь здесь может идти лишь о местном материале¹.

Посмотрим теперь, насколько правильно с минералогической и петрографической точек зрения называть материал кабардинских зеленых топориков (секир) нефритом.

Нефрит представляет собой плотный спутанно-волокнустый агрегат актинолита. Актинолит относится к группе роговых обманок. В химическом отношении в основном это силикат магния и кальция с некоторой примесью так же построенного силиката железа и кальция. Первый компонент называется (если встречается самостоятельно) тремолитом. Химическая формула его: $\text{CaMg}_3\text{Si}_4\text{O}_{12} = \text{CaO} \cdot 3\text{MgO} \cdot 4\text{SiO}_2$. Она требует в процентах по весу:

SiO ₂ — 57,7%
CaO — 13,4
MgO — 28,9
100,0%

Второй компонент актинолита и особенно нефрита находится всегда в небольшом количестве и, следовательно, мало влияет на общий их состав. Компонент этот имеет формулу $\text{CaFe}_3\text{Si}_4\text{O}_{12} = \text{CaO} \cdot 3\text{FeO} \cdot 4\text{SiO}_2$.

Его состав:

SiO ₂ — 47,0%
CaO — 10,9
FeO — 42,1
100,0%

Мы ясно видим, что в отличие от змеевика (серпентина, серпентинита) в нефрите гораздо больше кремнезема, много больше извести и меньше окиси магния. В действительности в актинолите и нефрите нет сколько-нибудь заметных количеств химически связанной воды (H₂O), отчего я и не ввел ее в приведенные выше несколько упрощенные формулы, характерные для наших минералов. В змеевике этой воды много и при прокаливании он теряет в весе значительно больше, нежели актинолит или нефрит. Цвет нефрита луково- или масляно-зеленый, склоняющийся иногда к серому или белому (такой нефрит особенно беден железом и приближается к составу тремолита), тусклый или мерцающий, но в отшлифованном виде имеет масляный блеск. Полируется хорошо. Благодаря своему строению из спутанных волокон, различимых только в тонких (0,03 мм) прозрачных шлифах под микроскопом, отличается очень большой вязкостью, крепостью, чего отнюдь нельзя сказать про змеевик. Твердость его тоже значительно больше, нежели у змеевика: по шкале Моса около 6, т. е. он способен царапать стекло, в то время как змеевик на стекле не оставляет следа. Этот легко наблюдаемый признак уже гарантирует археологов от смешения этих двух по внешности подчас очень сходных минералов. Змеевики — породы,

¹ Ряд рисунков см. в 3-м выпуске МИА СССР. М.—Л., 1941, стр. 181—182, 238—240, табл. I к статье А. А. Иессена.

широко распространенные в земной коре, нефриты, напротив, сравнительно очень редки, отчего археологические находки из нефритов тоже редки и дают представление о путях торговых и других сношений в далеком прошлом. Довольно долго считали даже, что в Европе нет своих коренных месторождений нефрита и отсюда делали слишком смелые обобщения¹ о путях заноса нефритовых изделий. Выдающийся знаток драгоценных, орнаментальных и поделочных камней академик А. Е. Ферсман считал, что в отношении исследования зеленого камня основная проблема сводится к изучению нефрита; она была в свое время поставлена Фишером, но разрешить ее ему не удалось. Последующие открытия нефрита в коренных месторождениях Лигурии (около самой Генуи), Урала и Силезии опровергли предположения о доисторических путях странствования за этим прекрасным таинственным зеленым камнем. Однако этим не умаляется основная идея Фишера о том, что нефрит был одним из своеобразных и крупных факторов в материальной культуре человечества и что его изучение раскроет много еще загадок большого культурно-исторического значения².

Нефрит известен в Центральной Азии, в Восточном Саяне, Китайском Туркестане, в Куэн-Луне, откуда вывозился под названием «иу» в Китай, где готовят из него различные предметы. Коренные месторождения нефрита, которые разрабатывались китайцами, открыты на восточном склоне Памира, в системе р. Раскем-Дарьи. Валуны нефрита травяно-зеленого цвета попадаются также в Забайкалье. Известен нефрит в Новой Зеландии, Тасмании, Новой Каледонии и некоторых других странах. Генетически нефрит бывает нередко связан с эмеевиками.

Изделиями из нефрита достаточно богат наш Эрмитаж. Имеются в СССР и монументальные сооружения из нефрита.

Нефрит иногда называют «жад». Под этим именем он больше известен в США.

Богатая коллекция образцов жада, а также китайских и японских изделий из него собрана в Городском музее искусств (Metropolitan Museum of Arts) в Нью-Йорке. Коллекция эта богаче соответственных собраний Британского музея в Лондоне. О ней можно иметь представление по работе Кунца³ и особенно по монографии об истории жада Вайтлока и Эрмана⁴.

Г. П. Барсанов предложил для благородного эмеевика из одного места Южной Осетии название нефритоид⁵. Название это, по моему мнению, совсем излишне и может вызвать лишь недоразумение. Приводимый им химический анализ не оставляет сомнения, что перед нами типичный эмеевик ($\text{SiO}_2 = 40,65\%$, $\text{Al}_2\text{O}_3 = 0,15\%$, $\text{Fe}_2\text{O}_3 = 5,08\%$, $\text{FeO} = 2,68\%$, $\text{MgO} = 38,82\%$, $\text{Cr}_2\text{O}_3 = 0,33\%$, $\text{H}_2\text{O} = 12,22\%$. Сумма $99,33\%$). Минерал мелкозернистый, вязкий, с занозистым изломом. Цвет серовато-зеленый, просвечивает в краях. Твердость до 5. Относится к антигоритовым разновидностям эмеевика.

---

¹ Fischer. Nephrit und Jadeit. Stuttgart, 1875. Sitzungsber. d. K. Bayrischen Akad. d. Wissensch. zu München», III, 1874; далее см. работы: А. Kennigott, Beck и И. В. Мушкетов, А. Е. Арцруни, Траубе, Ячевский и мн. другие.

² См. А. Е. Ферсман. Очерки по истории культуры камня, т. I. М., 1952.

³ G. F. Kunz. Heber Reginald Bischof and his Jade-collection. «Amer. Anthropologist», т. 5, 1903.

⁴ H. P. Whitlock a. M. L. Ehrmann. The story of Jade. New-York, 1949, 292 стр., 179 рис. и 6 цв. табл.

⁵ Г. П. Барсанов. Труды Ломоносовского института АН СССР, 1933, вып. 2, стр. 5—22.

А. В. КИРЬЯНОВ

К ВОПРОСУ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ
в XI—XII вв.*(Доклад, прочитанный в секторе славяно-русской археологии ИИМК АН СССР
7 декабря 1951 г.)*

История земледелия древней Руси уже с давних пор привлекает внимание многих ученых. Работы большинства исследователей древнерусского земледелия, особенно дореволюционных, основывались почти исключительно на свидетельствах летописей, писцовых книг и других документов. Следует заметить, что летописи дают крайне скудные и отрывочные сведения, ни в какой мере не освещающие состояния земледелия древней Руси. Особенно бедны эти свидетельства для наиболее раннего периода — с X по XIII в. И только более поздние письменные источники XV—XVI вв., главным образом писцовые книги, достаточно полно характеризуют древнерусское земледелие как уже вполне сложившееся в форме трехполья и в иных формах паровой зерновой системы, определяют состав возделываемых культур, технику земледелия и общую организацию сельского хозяйства.

В настоящее время для изучения земледелия раннего периода древней Руси (X—XII вв.) мы располагаем большим и достаточно разнообразным материалом, собранным при археологических исследованиях древнерусских городов (Новгород, Старая Рязань, Москва, Псков, Вщиж и др.). Археологические данные о земледелии особенно ценны ввиду почти полного отсутствия письменных свидетельств для этого периода. Изучение материалов открывает новую страницу в истории земледелия древней Руси.

Исключительную ценность представляют археологические исследования в Новгороде, произведенные в 1947—1948 и 1951 гг. под руководством А. В. Арциховского.

При раскопках этого древнейшего русского города, кроме обилия предметов из дерева, кожи, кости, железа и пр., собрано много зерен хлебных растений. В 1947—1948 гг. главным местом раскопок была территория Ярославова дворища¹; здесь найдены зерна пшеницы (рис. 57—1), ржи, значительно меньше — ячменя, гороха и конопли². В 1951 г. работы

¹ Название этого места объясняется тем, что здесь в XI в. был воздвигнут дворец князем Ярославом Мудрым, а позже, в XII в., на территории дворца стало собираться вече.

² А. В. Арциховский. Новгородская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, стр. 120.

производились на территории Неревского конца, который в XI—XII вв. был наиболее густо населенным местом, где проживали ремесленники различных специальностей. При раскопках собрано громадное количество зерен всевозможных сельскохозяйственных культур. Сильно увлажненные и очень потемневшие, частью обугленные зерна извлекались из грунта вместе с деревянной щепой и различными примесями. Зерна хлебных растений обнаружены в слоях, относящихся к XI—XV вв. Наибольший интерес несомненно представляют зерна из слоев XI—XII вв., на основании изучения которых и составлена настоящая статья¹.

При раскопках на Ярославовом дворе и на Неревском конце по количеству собранного зерна на первом месте стоит рожь, затем ячмень (рис. 57—2) и пшеница, которые были в древности главнейшими культурами. Значительно меньшее место занимал горох, а из прядильных культур — конопля. Несомненно, в это время возделывался и лен, но семена его в раскопках не обнаружены. Следует отметить мелкозерность новгородской пшеницы из слоя XI—XII вв.; форма зерен в массе овальная, но встречаются отдельные зерна почти округлой формы. Средние размеры пшеничных зерен (длина 3,5—4 мм, ширина 2,5—2,7 мм) приближают их к наиболее мелкозерным сортам современных яровых пшениц². По морфологическим признакам древненовгородская пшеница XI—XII вв. относится к группе мягких пшениц (*Triticum vulgare* L.).

Зерновой материал из новгородских феодальных владений собран Новгородским государственным музеем при разведках 1951 г. При шурфовке городища Княжова Гора, в 8 км от г. Демянска, на глубине 1,5 м обнаружена керамика, изделия из железа и много зерен хлебных растений. Городище находится на территории бывшей Деревской пятины, на берегу р. Явонь, которая была одним из звеньев древнего селигерского пути, соединявшего Новгород с «низовскими землями». Городище Княжова Гора, видимо, было одним из многих феодальных владений в Деревской пятине, где почвенные и климатические условия наиболее благоприятны для земледелия. Зерно датируется археологическим комплексом, в составе которого оно найдено, не позднее XII—XIII вв. При анализе зернового материала обнаружены зерна ячменя, ржи, гороха, пшеницы и несколько зерен овса. По количеству на первом месте стоит пшеница, а затем ячмень и рожь. По форме зерен, а также по размерам пшеница с городища Княжова Гора имеет поразительное сходство с собранной при раскопках Ярославова дворища в 1947—1948 гг. Такое совпадение формы и размеров является подтверждением принадлежности последней также к древненовгородскому типу.

Пшеница, собранная при раскопках Ярославова дворища из слоев XI—XIV вв., по внешним признакам совершенно однородна, что указывает на определенную сортовую особенность и территориальную ограниченность этой культуры на протяжении почти трех столетий. Видимо, эта пшеница была ценна своими хлебопекарными качествами и приспособленностью к специфическим почвенным и климатическим условиям Новгородской земли.

Таким образом, результаты анализа местного, обнаруженного раскопками зерна в полной мере могут характеризовать состояние земледелия в Новгородской земле в XI—XII вв.

При анализе выделено много семян сорных растений, попавших в зерно при обмолоте снопов и не удаленных полностью в процессе провеивания, которое в древности производилось, повидимому, лопатой на ветру.

Уже на заре земледелия вместе с культурными растениями появились и сорные, на протяжении весьма длительного времени приспособившиеся к условиям произрастания культурных растений. Некоторые сорняки не

¹ Исследование зерен проводилось в камеральной лаборатории ИИМК АН СССР.

² Н. П. Козьмина. Зерноведение. 1947, стр. 214.

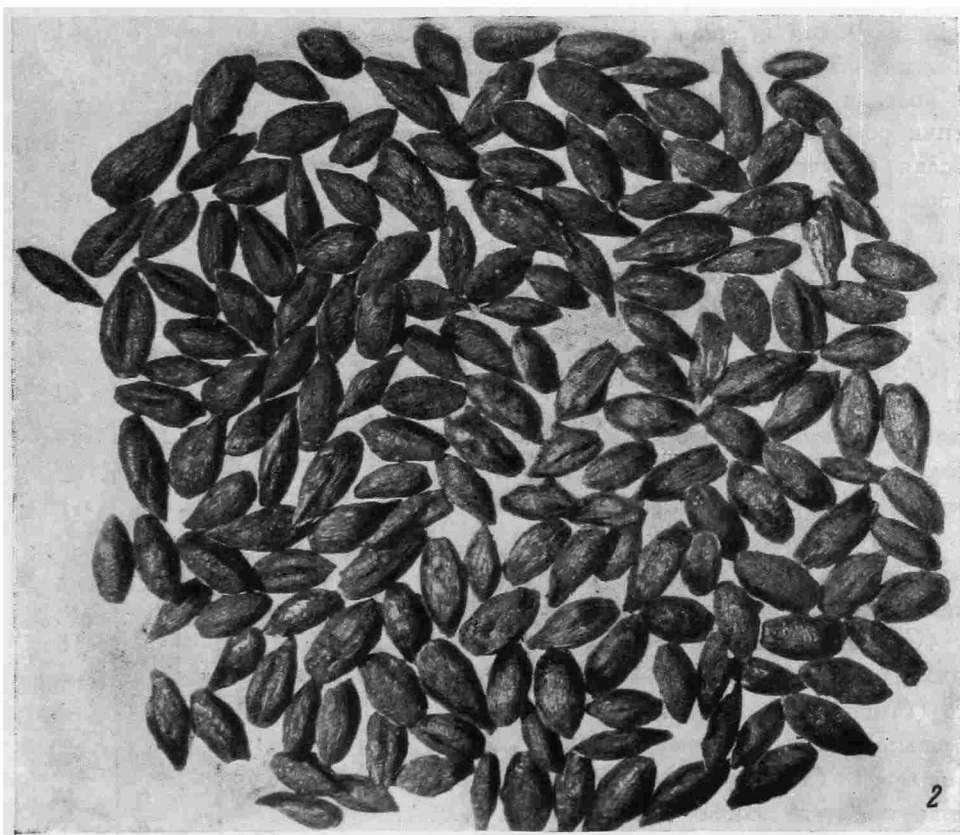
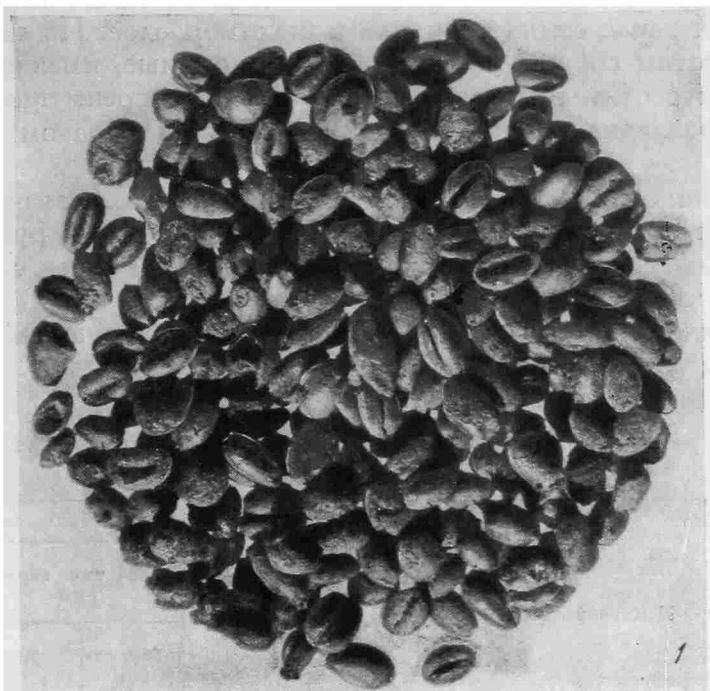

Рис. 57. Зерна из раскопок в Новгороде
1 — пшеница; 2 — ячмень (увел. 1½ раза)

могут существовать вне посевов. Большинство из них имеет одинаковый цикл развития с хлебными злаками, они созревают одновременно и при уборке хлебов попадают в сноп, засоряя при обмолоте зерно. Многие сорняки, обсеменяясь, обильно засоряют почву поля, создавая громадный потенциальный запас семян сорняков в пахотном слое. По своим биологическим особенностям сорные растения бывают озимые, имеющие одинаковый цикл развития с озимыми хлебами, и яровые, по преимуществу с однолетним циклом развития, распространенные главным образом в яровых посевах.

Определение семян сорных растений представляло значительные трудности, вследствие полной потери цвета семян, а иногда нарушения внешнего покрова. Главнейшими признаками при определении служили форма и размеры.

Видовой состав семян сорных растений и их количественное соотношение приведены в табл. 1.

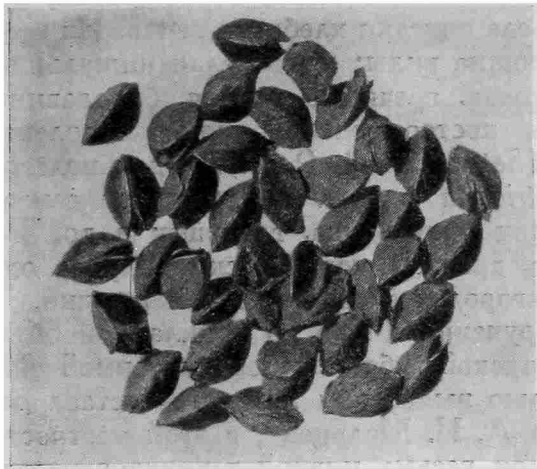
Таблица 1

Засоренность ржи и пшеницы из слоя XI—XII вв. по материалам Новгородской археологической экспедиции 1947 г.

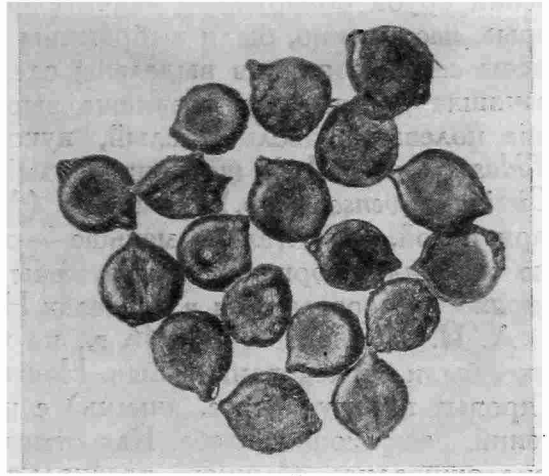
Наименование сорняков	Число семян сорняков			
	на 34 тыс. зерен ржи		на 6 тыс. зерен пшеницы	
	абсолютное	%	абсолютное	%
Подмаренник цепкий (<i>Galium aparine</i> L.)	9	2,8	1	—
Резеда полевая (<i>Brassica campestris</i> L.)	8	2,4	74	24,8
Горчица полевая (<i>Brassica sinapistrum</i> L.)				
Бородавник обыкновенный (<i>Lampsana communis</i> L.)	50	15,3	—	—
Марь белая (<i>Chenopodium album</i> L.)	2	—	17	6,5
Лютик ползучий (<i>Ranunculus repens</i> L.)	6	2	—	—
Смолевка (<i>Silene inflata</i> Sm.)	—	—	1	—
Гречишка вьюнковая (<i>Polygonum convolvulus</i> L.)	—	—	40	14
Гречишка развесистая (<i>Polygonum lapathifolium</i> L.)	18	5,6	20	7,0
Гречишка птичья (<i>Polygonum aviculare</i> L.)				
Щавель (<i>Rumex acetosa</i> L.)	7	2,2	46	16
Щавелек (<i>Rumex acetosella</i> L.)				
Пикульник (<i>Galeopsis speciosa</i> L.)	16	4,5	24	8,4
Тысячеголов (<i>Vaccaria parviflora</i> L.)	—	—	2	1,10
Просо куриное (<i>Panicum crus galli</i> L.)	—	—	1	—
Куколь (<i>Agrostemma Githago</i> L.)	—	—	10	3,5
Лапчатка (<i>Potentilla</i> sp.)	—	—	4	2
Почечуйная трава (<i>Polygonum persicaria</i> L.)	—	—	28	10
Василек (<i>Centaurea</i> sp.)	—	—	1	—
Вика (дикая) (<i>Vicia</i> sp.)	—	2	—	1,10
Пелюшка (<i>Pisum arvense</i> L.)	—	1	—	—
Костер ржаной (<i>Bromus secalinus</i> L.)	1	—	—	—
Костер полевой (<i>Bromus arvensis</i> L.)	151	45,3	—	—
Тимофеевка и другие злаки				
Мелкие злаки	51	15,6	—	—
Не определенные	11	3,3	16	4,8
Всего	330	100	287	100

Спорынья (*Secale cornutum*) — пять рожков.

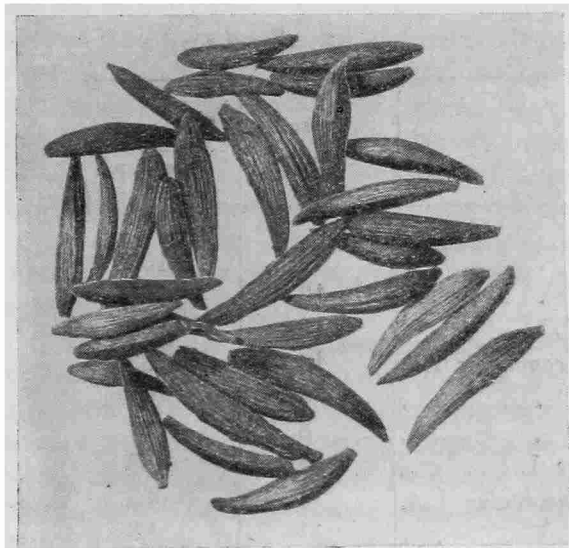
Новгородская рожь и пшеница XI—XII вв. были сильно засорены. В этих культурах обнаружено 25 видов сорняков, что еще далеко не исчерпывает состава сорных растений посевов (рис. 58). В действительности засоренность зерна при существовавшей в то время земледельческой технике и способах очистки обмолоченного зерна была, конечно, значительно выше.

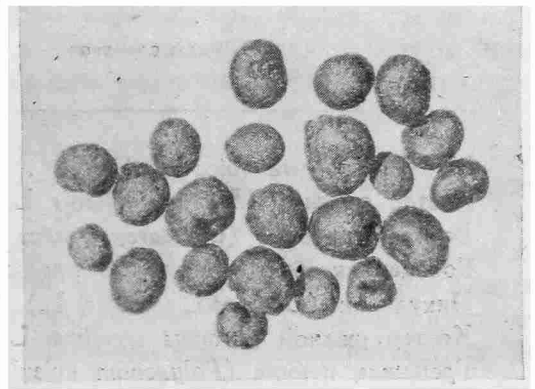
1

2

3

4

Рис. 58. Семена сорняков из раскопок в Новгороде

1 — гречихка вьюнковая (увел. в $2\frac{1}{2}$ раза); 2 — гречихка равнестая; 3 — бородавник обыкновенный; 4 — подмаренник цепкий (2—4 увел. в $4\frac{1}{2}$ раза)

Несомненно, много семян сорных растений, особенно мелких, погибло, а часть их, возможно, не удалось сохранить при извлечении из раскопа. Все же на 1000 зерен ржи приходится 10 семян сорняков, а на 1000 зерен пшеницы — 40—50 семян сорняков; это показывает значительную засоренность древнего новгородского зерна. Сравнение с засоренностью современного зерна, однако, невозможно, так как семена сорняков извлекаются из раскопа не полностью, что при сравнении может дать неправильное соотношение.

Сравнимые величины могли бы быть получены лишь при условии нахождения зерна в закрытой посуде, до известной степени обеспечивавшей сохранность зерна вместе с сорняками.

Археологические материалы, собранные в 1951 г. при раскопках Неревского конца, определенно указывают, что новгородцы не ограничивались после обмолота снопов только провеиванием, при котором из хлебного вороха удалялись легкие элементы (частички соломы, мякина, легкие зерна), а основная масса семян сорных растений оставалась в зерне. Последующая очистка проводилась, видимо, при помощи сит и решет. В слое XV в. около стенки сруба обнаружено значительное скопление семян сорных трав, которые, несомненно, были выброшены после очистки хлебного зерна. Из этой массы семян сорняков выделены следующие виды: марь белая, пикульник, гречишка развесистая, гречишка вьюнковая, гречишка птичья, бородавник, репа полевая, щавель кислый, куколь, костер ржаной, ярушка полевая (*Thlaspi arvense* L.), щетинник сизый (*Setaria viridis* P. B.), бодяк полевой (*Cirsium arvense* Scop.), ромашка (*Motricaria* s. sp.). Преобладают семена мари белой, значительно меньше — семян пикульника, гречишек и др. Такие же виды сорняков обнаружены в древнем новгородском зерне; они широко распространены в пределах Новгородской области и в наши дни.

А. И. Мальцевым в 1916 г., по поручению Бюро по прикладной ботанике, были обследованы в быв. Новгородской губернии посевы озимой ржи и яровых культур (овес, ячмень) с целью выяснения видового состава растений, засоряющих хлеба. Как отмечал А. И. Мальцев¹, в этой местности придерживались обычного трехполья при весьма низкой технике земледелия и плохой очистке посевных семян. Им было обследовано 12 посевов ржи, засоренность которой главнейшими сорняками была такова (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Виды сорняков	Число случаев	% засоренности посевов
Метлица (<i>Apera spica venti</i> PB)	12	100
Костер полевой (<i>Bromus arvensis</i> L.)	12	100
Василек полевой (<i>Centaurea cyanus</i> L.)	12	100
Бородавник обыкновенный (<i>Lampsana communis</i> L.)	10	83
Пикульник (<i>Galeopsis speciosa</i> L.)	8	67
Костер ржаной (<i>Bromus secalinus</i> L.)	8	67
Гречишка птичья (<i>Polygonum aviculare</i> L.)	4	33
Гречишка вьюнковая (<i>Polygonum convolvulus</i> L.)	4	33
Люттик ползучий (<i>Ranunculus repens</i> L.)	1	8
Щавель (<i>Rumex acetosa</i> L.)	1	8

Все эти виды сорняков (за исключением метлицы) обнаружены с зерном ржи с Ярославова дворища. Несомненно, что и метлица была распространена в посевах ржи XI—XII вв., так как этот сорняк является обычным для озимой ржи в нечерноземной полосе и особенно на влажных почвах. Семена метлицы так мелки, что их в древнем зерне не удалось выделить, а может быть, они и не сохранились.

В яровых культурах засоренность овса и ячменя характеризуется такими видами (табл. 3)²:

¹ А. И. Мальцев. Засоренность посевов в Новгородской губернии. «Труды Бюро по прикладной ботанике», № 4 (89), 1916.

² А. И. Мальцев. Указ соч.

Таблица 3

Виды сорняков	Число случаев	% засоренности
Василек полевой (<i>Centaurea cyanus</i> L.)	10	100
Пикульник зябра (<i>Galeopsis speciosa</i> L.)	7	64
Марь белая (<i>Chenopodium album</i> K.)	5	45
Вика (<i>Vicia</i> s. sp.)	5	45
Гречишка вьюнковая (<i>Polygonum convolvulus</i> L.)	4	36
Куколь (<i>Agrostemma Githago</i> L.)	3	27
Репа полевая (<i>Brassica campestris</i> L.)	3	27
Гречишка развесистая (<i>Polygonum lapathifolium</i> L.)	3	27
Горчица полевая (<i>Brassica sinapistrum</i> L.)	2	18

Следовательно, в озимой ржи и в яровых хлебах, обследованных в 1916 г., видовой состав сорняков почти тот же, что и среди ржи и пшеницы с Ярославова дворища. А. И. Мальцев отмечает также бедность сорной полевой флоры быв. Новгородской губернии, где известен только 81 вид сорной растительности, тогда как, например, в быв. Петроградской губернии (Ленинградская область) обнаружено 200 видов, среди которых имеются сорняки, распространенные и в других областях СССР. Семян этих сорняков не обнаружено в древнем новгородском зерне. Однообразие видového состава сорных растений озимых и яровых посевов определяет до известной степени сходство современных и древних природных условий, вызывающих произрастание в древности и теперь одинаковых видов сорняков в посевах озимой ржи и яровых культур. Это служит доказательством принадлежности ржи и пшеницы, найденных при раскопках, к местной земледельческой культуре.

Биологические особенности сорных растений, семена которых обнаружены в древнем новгородском зерне XI—XII вв., приводят к весьма интересным выводам.

Большинство сорняков — марь белая, горчица полевая, куколь, просо куриное, василек, пелюшка, костер ржаной и др. — типичные сорнополевые растения для почв, длительное время используемых под посев культурных растений. В пахотном слое этих почв (так навываемых старопахотных земель) уже созданся промаднейший потенциальный запас семян сорных растений; при благоприятных условиях они прорастают и развиваются, сильно засоряя поля.

На вновь осваиваемых целинных землях, долгосрочных залежах, лесных расчистках (подсеках), типичных полевых сорняков не бывает или же они присутствуют в первые годы использования земель в очень незначительном количестве, попав в почву вместе с посевным материалом, или будучи занесены птицами, животными и т. д. По мере использования целинных земель «состав сорняков резко меняется, количество аборигенов, характерных для целинных земель, постепенно уменьшается с удлинением срока пользования новыми землями, а количество типичных полевых сорняков быстро увеличивается»¹. Таким образом, необходима известная длительность использования вновь осваиваемых земель, чтобы преобладающее значение среди состава сорняков имели типичные сорнополевые растения, характерные для старопахотных земель. Состав семян сорняков, обнаруженных в древненовгородском зерне, указывает, что рожь и пшеница

¹ С. А. Котт. Биологические особенности сорных растений и борьба с засоренностью почвы. Сельхозгиз, 1947, стр. 44—45.

были засорены типичными полевыми сорняками старопахотных почв и что эти культуры возделывались на окультуренных, а не на целинных землях или лесных расчистках подсечного земледелия. Анализ биологических особенностей сорных растений позволяет сделать выводы, связанные с культурой ржи и пшеницы. В зернах ржи озимые сорняки (бородавник, костры, голые злаки, костер ржаной) явно преобладают над другими группами. Эти сорные растения в первый год своего развития дают только розетку прикорневых листьев. После перезимовки в вегетативном состоянии они выбрасывают стебли и образуют семена, которые созревают одновременно с озимой рожью, попадают в снопы, а при обмолоте засоряют зерно. Особенно характерным является наличие костра ржаного, который является типичным сорняком озимой ржи и в настоящее время.

Преобладание семян озимых сорняков в зернах указывает на озимую культуру ржи. Среди же сорняков пшеницы, наоборот, преобладающее значение имеют однолетние виды: репа полевая, горчица, гречишка вьюнковая и другие, характерные для яровых посевов. Именно на это указывает С. А. Котт, когда пишет: «Засоренность стеблестоя хлебов теми или иными сорняками обуславливается сходством или различием прорастания семян, а также экологическими условиями роста таких растений. Исходя из этого состав сорной растительности озимых и яровых посевов должен быть различным. В озимых хлебах преобладают двух- и многолетники, а из малолетников — озимые и зимующие виды и формы»¹. Это положение полностью применимо к видовому составу сорняков, обнаруженных в зернах ржи и пшеницы из раскопок, неопровержимо указывающему на то, что рожь была озимой культурой, а пшеница возделывалась в яровом поле на старопахотных почвах.

Озимая рожь, кроме того, определяет наличие парового поля уже на старопахотных почвах, которые к XI—XII вв. занимали значительное место в земледелии древних новгородцев. Введение парового поля с посевом озимых культур и следующих за ними яровых зерновых — основа паровой зерновой системы земледелия.

В Новгородском земледелии в XI—XII вв., несомненно, могли быть и пережитки примитивных форм, одна из них была основана на использовании краткосрочных залежей, по которым высевались озимая рожь или яровые культуры. Не исключена также возможность наличия пестрополья, когда хлеба и пар чередуются без всякого порядка.

Одной из наиболее распространенных форм было двухполье (пар — рожь, пар — яровые).

А. В. Советов, предшественник В. Р. Вильямса в учении о системах земледелия, на основании изучения русского сельского хозяйства заключает, что «паровая система земледелия не всегда и не везде была в одном и том же виде. Первоначальная форма паровой системы имела вид двухпольного хозяйства»². В новгородском земледелии на старопахотных почвах уже в XI в. сложилась определенная форма паровой зерновой системы в виде трехполья, которое удерживалось в русском земледелии на протяжении многих столетий и было преобладающей формой полевого хозяйства в недалеком прошлом.

Все формы паровой системы очень просты и однообразны по составу возделываемых культур и вполне отвечали примитивной технике земледелия того времени.

Наряду с паровой зерновой системой на Новгородской земле в XI—XII вв. существовала также и подсечная, но она не имела преобладающего значения и сохранялась в случаях расширения новых площадей под посев

¹ С. А. Котт. Указ. соч., стр. 208.

² А. В. Советов. Избранные сочинения. О системах земледелия (по титульному списку 1867 г.). Сельхозгиз, 1950, стр. 318.

культурных растений. Кроме того, она могла привлекать возможностью получения (правда, в течение короткого времени) высоких урожаев хлебов, значительно больших, чем на старопахотных почвах. Часть лесных расчисток после 3—4-летнего использования забрасывалась, часть же их из года в год отводилась под посев хлебов, входя, таким образом, в разряд старопахотных земель.

Всякая система земледелия возникает при определенных общественно-экономических условиях, изменение которых влечет за собой также замену одной системы другой. Любая из них, таким образом, имеет переходящий характер. Процесс сложения и оформления паровой системы земледелия в новгородском сельском хозяйстве связан с изменением социально-экономической обстановки, происшедшей на Новгородской земле не только в XI—XII вв., но и в более раннее время.

Еще задолго до образования Новгородского государства край был заселен славянскими племенами — ильменскими славянами и кривичами. Селения их, небольших размеров, обычно располагались вблизи рек и озер.

Одним из таких поселений была Старая Ладога, возникшая в VIII в. на месте более древнего поселка. При раскопках в Старой Ладоге в слое VIII—IX вв. обнаружены зерна ячменя. В это время земледелие славян уже вышло за рамки подсечной системы, которой сопутствовала охота и рыбная ловля. Возникновение славянских городов в социально-экономическом смысле относится к VIII—IX вв. и было связано с развитием ремесла и обмена¹. Этот период характеризуется большими сдвигами в земледелии: улучшается его техника, расширяется состав возделываемых культур. В XI в. Великий Новгород бурно развивался как культурный, ремесленный и торговый центр Северной Руси. Увеличивалось городское население и, как показали археологические исследования 1947—1948 гг., Новгород уже в начале XII в. достиг пределов современного города и был обнесен острогом². Для снабжения городского населения необходим был хлеб, который производился на Новгородской земле, а также завозился из других мест. Новгородские земледельческие районы были расположены к югу от города на территории Деревской пятины. Главнейшим фактором, оказавшим влияние на изменение характера земледелия и форм землепользования, была феодализация древненовгородской деревни уже в XI—XII вв. Следует отметить, что именно XII век был периодом усиленного закабаления свободных смердов-общинников, в связи с средоточием больших земельных владений в руках новгородского боярства. В это время уже имелись сельские феодальные поселения, основными типами которых были «владельческие поселения, основу которых составляет владельческий двор (боярская или монастырская усадьба) и крестьянская деревня»³.

Рядом с феодалом-землевладельцем жило крестьянское население, зависимое от феодала, которое несло разнообразные повинности в его пользу.

Работы академика Б. Д. Грекова по истории феодализма в древней Руси вскрывают причины, вызвавшие перерождение примитивных форм земледелия (в частности, подсечной системы в паровую зерновую), главнейшей из которых была феодализация деревни.

«...Я хочу сказать, что в княжеском, боярском и церковном хозяйствах даже в момент становления „Русской правды“ о подсеке как преобладающей форме сельского хозяйства говорить не приходится, что смерд, закуп, раб или, по другой терминологии, сирота, крестьянин, кабальный холоп

¹ А. Монгайт и Г. Федоров. Вопросы истории Великого Новгорода. «Вопросы истории», № 9, 1950, стр. 109.

² А. Монгайт и Г. Федоров. Указ. соч., стр. 110.

³ С. А. Тараканова. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода. «Труды ГИМ», вып. XI. М., 1940, стр. 159.

живут вполне оседло и представляют собою удобный материал для феодальной эксплуатации XI—XII вв. Нам хорошо известны факты наличия сел и деревень в это время с вполне устойчивым земледелием даже на севере Новгорода, весьма удобном для подсеки». И далее:

«При феодализме подсека сохраняется в виде пережитка. Двухполье или трехполье, т. е. в той или иной форме пашенное земледелие, конечно, было необходимым условием возникновения феодализма»¹.

Изучение древнего зерна, собранного при раскопках в Новгороде, дало возможность установить наличие старопашотных мягких земель и паровой зерновой системы земледелия, которая к XI—XII вв. вполне сложилась на Новгородской земле в форме двухполья, трехполья. Это блестяще подтверждает научное положение, высказанное академиком Б. Д. Грековым о перерождении примитивных форм земледелия и о преобладании паровой зерновой системы в условиях новгородской феодальной деревни XI—XII вв.

Новгородская деревня XI—XII вв. характерна своей малодворностью. Даже в Деревской пятине, где было много феодальных владений, преобладали поселения, состоявшие из двух-четырёх дворов². Земледелие было основным занятием сельского населения. Оседлый образ жизни связан с возделыванием пахотных земель, длительно использовавшихся для посева растений.

В отличие от подсеки и переложной систем, где почва никогда не удобряется, восстановление плодородия почвы при паровой системе осуществляется внесением навоза в паровое поле под озимые культуры³. Это мероприятие в условиях нечерноземных почв совершенно необходимо для удержания урожайности полей на более или менее определенном уровне. Кроме того, паровое поле было нужно как мера борьбы с сорнополевой растительностью, засорявшей в древности новгородские поля вследствие низкой земледельческой техники. Обработка почвы производилась сохой, которая была единственным орудием для вспашки старопашотных, целинных и залежных земель. Сошники обнаружены при раскопках в Новгороде в 1947 г. в слое XII в.⁴ и в 1951 г. в слое XIII в. Обработка почвы такой сохой не могла быть глубокой, и безусловно способствовала накоплению потенциального запаса семян сорных трав, так как основная масса их располагается в верхнем пахотном слое почвы на глубине до 10—12 см⁵. Таким образом, введение унавоженного пара было жизненно необходимо как мероприятие восстановления плодородия и как мера по уничтожению сорной растительности. Посев озимых хлебов по чистым парам, видимо, имел место в древнем новгородском земледелии.

Русские письменные источники XV—XVI вв. указывают на использование навоза для удобрения полей. В это время на Руси «гной» («назем») уже широко применялся как удобрительное средство. Несомненно, и в древнем новгородском земледелии практиковалось применение навоза в условиях паровой системы, как необходимое условие удержания урожая на определенном уровне и даже прогрессивного их возрастания. В письменных источниках раннего периода древней Руси нет сведений о применении навоза, и только лишь вещественные материалы, собранные при раскопках, дают основание предполагать об использовании его в земледелии на Новгородской земле.

¹ Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма в России. «Изв. ГАИМК», вып. 72, 1934, стр. 71.

² С. А. Тараканова. Указ. соч., стр. 165.

³ Возможно внесение и под яровые культуры.

⁴ А. В. Арциховский. Новгородская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, стр. 121.

⁵ С. А. Котт. Указ. соч., стр. 25 и 34.

При раскопках 1951 г. в слоях XI—XV вв. в хозяйственных постройках древних новгородцев обнаружены значительные залежания навоза, в котором выделены семена мари белой, гречишки выюнковой, гречишки развесистой, пикульника и др., т. е. типичных сорнополевых растений новгородских полей в древности. Пути проникновения этих семян в навоз различны: они могли быть занесены с остатками неиспользованного грубого корма, с подстилкой при кормлении животных, с отбросами засоренного зерна, при поедании животными на выпасе стеблей сорняков. Многие семена сорных растений, особенно с твердой оболочкой (марь белая и др.), при прохождении через пищеварительный тракт животного не теряют всхожести. В современной литературе указано много таких примеров¹. При применении навоза на удобрение полей семена, заключающиеся в нем, частично прорастают, увеличивая количество сорняков, занесенных на поля иными путями; они попадают в снопы при уборке, засоряя зерно. Такой круговорот семян сорняков вполне вероятен и служит некоторым доказательством использования навозного удобрения, утверждая жизненность паровой зерновой системы земледелия на Новгородской земле в XI—XII вв.

Настоящая работа — первый опыт изучения вопросов истории земледелия на основании анализа зерен и особенностей семян сорных растений, найденных при археологических раскопках. Данные обработки сравнительно небольшого количества зернового материала позволили сделать новые выводы и получить убедительные доказательства наличия паровой зерновой системы земледелия в форме двухполья или трехполья, имевшей в XI—XII вв. главенствующее значение в сельском хозяйстве Новгородской земли, а возможно, и других земель древней Руси.

---

¹ С. А. Котт. Указ. соч.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ВСОРГО — Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ЗОРСА — Записки Отдела русской и славянской археологии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
КНИИ — Кабардинский научно-исследовательский институт
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Материалы по археологии и этнографии
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ — Материалы по этнографии
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
УзФАН — Узбекский филиал Академии Наук СССР
УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>А. И. Тереножкин.</i> Памятники предскифского периода на Украине	3
<i>К. В. Сальников.</i> К вопросу о неолите степного Зауралья	15
<i>Э. А. Рикман.</i> Изображения бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире	23

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Е. К. Черныш.</i> Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы	41
<i>В. В. Кропоткин.</i> Бельнецкие курганы и стоянка	52
<i>А. Н. Липский.</i> Афанасьевские погребения в Хакассии	67
<i>П. Ф. Ищерилов.</i> Аланский могильник близ г. Стерлитамака	78
<i>Я. В. Станкевич.</i> Итоги археологических работ 1950 г. в Великолукской области	86
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> Археологические работы в Калининградской области в 1950 году	93
<i>М. В. Фехнер.</i> Раскопки в Костроме	101

III. МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Н. Я. Мерперт.</i> К методике раскопок степных курганов Поволжья	109
<i>М. Н. Кислов.</i> Приемы топографической съемки Гнездовских курганов	117

IV. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>Н. В. Трубникова.</i> О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковых городищ	125
<i>Э. Р. Рыдылон.</i> «Новая пещера» на Среднем Енисее	130
<i>Л. Н. Иванов.</i> Раковинные кучи Приморского края	135
<i>В. И. Зубков.</i> Археологические находки в Переяславле-Рязанском	138
<i>П. Н. Чирвинский.</i> Змеевик как поделочный камень первобытного человека на Северном Кавказе	143
<i>А. В. Кирьянов.</i> К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв.	147
Список сокращений	158

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*

◆

РИСО АН СССР № 6—54В. Издат. № 3634.
Тип. зак. № 591. Т-07752. Подп. к печ. 6/ХІ 1952 г.

Печ. л. 13,7 Форм. бум. 70×108¹/₁₆.
Бум. л. 5. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 1700.

Цена по прейскуранту 1952 г. 9 р. 65 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
24	20 сн.	Н. А. Кондаков	Н. П. Кондаков
34	7 сн.	признаком	признакам
60	2 сн.	из кургана № 2; топоры; 2 3	2—из кургана № 2; топоры; 3 —
69	15 сн.	Содержание	Содержимое
79	3 сн.	„башгиридов“	„башгирдов“
105	12 сн.	(8—9 см)	(8—9 мм)
150	Табл. 1, 1-я гр. 8 сн.	<i>Vicias</i> sp.	<i>Vicia</i> s. sp.

От редакции. В выпуске XLII КС ИИМК в статье Л. Веллесте „Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений“ на стр. 136, строка 5 сн. напечатано: „борной кислоты“, следует читать: „серной кислоты“.